ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3/2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

✧

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

✧

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Букина И.С., канд. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Колпакова И.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

✧

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Нефёдова Н.П.
(ответственный секретарь журнала)
Корнилова М.Г.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.
председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.
член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.
доктор экономических наук, профессор, начальник отдела –
заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.
член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.
член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.
доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.
доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Кузнецов А.В.
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным
науками РАН

Лаврикова Ю.Г.
доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.
доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.
доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.
академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.
доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.
член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой
экономической теории Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Черных С.И.
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.
доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 3/2026

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
5.2.4. Финансы (экономические науки),
5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (в ядро РИНЦ)

Журнал входит в базу данных Russian Science Citation Index

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Митяков С.Н., Митяков Е.С., Ладынин А.И.
Мировой рынок искусственного интеллекта: анализ основных тенденций развития 7

Курникова М.В., Болгов С.А., Черняев Е.В.
«Ворота в Азию» или новая периферийность? К вопросу о роли новых транспортных коридоров в региональном развитии (на примере российско-китайского приграничья) 32

Сухарев О.С.
К разработке методики измерения технологической независимости 63

Ваславская И.Ю., Ваславский Я.И., Михалев Д.А.
Государственно-частное партнерство как инструмент обеспечения экономической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации 77

Коновалов Д.Е.
Проблемы формирования спроса на культурные блага: барьеры потребителя и пределы ответственности организаций культуры 96

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Виленский А.В.
Эволюция теории и практики внутринациональной региональной экономической политики: мировой опыт 116

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Еремин В.В., Сильвестров С.Н.
Сравнительные преимущества радиоэлектронной промышленности Африки и Южной Америки 133

Милашевич Е.А.
Регулирование внешней торговли услугами: опыт Республики Беларусь 157

Гараева А.С.
Новые императивы «зеленой» промышленной политики США 179

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Mityakov S.N., Mityakov E.S., Ladynin A.I.
The Global Artificial Intelligence Market: Analysis of Key Development Trends 7

Kurnikova M.V., Bolgov S.A., Chernyaev E.V.
A «Gateway to Asia» or a New Peripherality? On the Role of New Transport Corridors in Regional Development (the Example of the Russian-Chinese Border Region) 32

Sukharev O.S.
To Develop a Method for Measuring Technological Independence 63

Vaslavskaya I.Yu., Vaslavskiy Ya.I., Mikhalev D.A.
Public-Private Partnership as a Tool for Ensuring Economic Security in the Arctic Zone of the Russian Federation 77

Konovalov D.E.
Barriers to Consumer Demand for Cultural Goods and the Limits of Cultural Institutions' Responsibility 96

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Vilenskiy A.V.
Evolution of the Theory and Practice of Domestic Regional Economic Policy: Global Experience 116

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Eremin V.V., Silvestrov S.N.
Comparative Advantages of the Radio-electronic Industries of Africa and South America 133

Milashevich A.A.
Regulating Foreign Trade in Services: the Experience of the Republic of Belarus 157

Garaeva A.S.
New Imperatives of the US Green Industrial Policy 179

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

С.Н. МИТЯКОВ
доктор физико-математических наук, профессор,
директор Института экономики и управления ФГБОУ ВО
«Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева»

Е.С. МИТЯКОВ
доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центра «Цифровая школа госуправления» Высшей школы государственного
управления Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

А.И. ЛАДЫНИН
доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра
«Цифровая школа госуправления» Высшей школы государственного
управления Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

МИРОВОЙ РЫНОК ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ[1]

Целью данной работы является изучение отдельных аспектов мирового рынка искусственного интеллекта (ИИ). Представлены обобщение и анализ динамики ключевых технологий ИИ, включая генеративный и агентный ИИ, компьютерное зрение, NLP и нейроморфные вычисления. Исследована структура производителей и потребителей ИИ в мире и в России, выявлены закономерности пространственного и отраслевого распределения рынка. Анализ эволюции технологической структуры выявил характерный процесс конвейерного замещения: на смену классическим направлениям машинного обучения и компьютерного зрения приходит генеративный ИИ. Исследование структуры производителей ИИ показало переход от однозначного лидерства США к формированию многополярной конфигурации с усилением позиций Китая и появлением значимых игроков в других странах, включая Россию. Анализ потребителей выявил существенные различия между глобальной структурой спроса, где лидируют технологический сектор и финансы, и российской моделью с доминированием государственного сектора.

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: *комплексный подход, рынок искусственного интеллекта, технологическая структура, генеративный ИИ, производители и потребители ИИ, пространственно-временной анализ, многополярная конфигурация рынка.*
УДК: 332.1
EDN: MYKCSJ
DOI: 10.52180/2073-6487_2026_3_7_31

Введение

Современная экономика вступила в эпоху тотальной цифровой трансформации, где технологии искусственного интеллекта (ИИ) выступают фундаментальным драйвером роста. Искусственный интеллект сегодня является базовой инфраструктурой, определяющей конкурентоспособность экономик и уровень национального суверенитета.

Рынок ИИ демонстрирует беспрецедентную динамику, проникая во все сферы — от государственного управления до промышленности, от финансов до здравоохранения. Понимание закономерностей данного рынка, его структурной организации, долгосрочных тенденций развития приобретает существенное значение для формирования и реализации эффективных стратегий развития на разных иерархических уровнях. Современный этап развития ИИ характеризуется переходом от генеративных моделей к автономным агентным системам, которые наделены способностью самостоятельно решать сложные научно-технические задачи и осуществлять взаимодействие с внешней средой.

Следует отметить, что ограничением существующих подходов к анализу рынка ИИ выступает их статичность. Многие из них не в полной мере учитывают пространственно-временную динамику распространения технологий и структурные сдвиги в отраслевой и технологической конфигурации, что ограничивает их объяснительный и прогностический потенциал. Основная гипотеза исследования заключается в том, что динамика рынка ИИ представляет собой сложный процесс пространственно-временной диффузии. Это позволяет не только объяснить текущие структурные сдвиги (например, смену технологических приоритетов), но и оценить возможные сценарии насыщения рынка в долгосрочной перспективе.

Целью данной работы является анализ некоторых аспектов мирового рынка искусственного интеллекта (ИИ). В рамках достижения поставленной цели решаются следующие задачи: дается классификация и анализ динамики ключевых технологий ИИ; исследуется структура производителей и потребителей ИИ в мире и России; выявляются закономерности пространственного и отраслевого распределения рынка. Для полноценного анализа мирового рынка ИИ потребуется

разработка математических моделей, а также решение вопросов, связанных с соответствием спроса и предложения, товарными потоками и условиями торговли на рынке ИИ, что может служить материалом для дальнейших исследований.

1. Обзор литературы

1.1. Технологии искусственного интеллекта

Прежде чем перейти к анализу рынка ИИ, целесообразно определить ключевые технологии, формирующие его современную структуру, и выделить актуальные тренды их развития. Машинное обучение остается базовым разделом ИИ, занимающимся созданием алгоритмов, способных автоматически обучаться на данных. Исторически сложилось разделение на обучение с учителем, без учителя и с подкреплением, однако в последние годы наблюдается сдвиг от узкоспециализированных моделей к мультимодальным фундаментальным моделям, которые способны обрабатывать текст, изображения, аудио, код и другие типы данных в рамках единой архитектуры [1]. Снижение стоимости инференса и быстрое распространение таких моделей в коммерческие продукты стали ключевыми трендами современного этапа развития ИИ [2; 3].

Обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP) претерпела революцию благодаря внедрению глубокого обучения и больших языковых моделей. Современные NLP-системы решают задачи перевода, ответов на вопросы, реферирования и генерации текста с качеством, приближающимся к человеческому [4]. Генеративные модели на базе архитектуры трансформера стали основой для чат-ботов, виртуальных ассистентов и инструментов автоматизации контента [5]. Компьютерное зрение (Computer Vision, CV) и рекомендательные системы (Recommender Systems, RecSys) остаются центральными темами как в академических исследованиях, так и в промышленных приложениях. В области CV ключевыми задачами выступают классификация, обнаружение объектов, распознавание лиц и 3D-реконструкция, которые находят применение в медицине, промышленности, безопасности и ритейле [2]. Рекомендательные системы, использующие коллаборативную и контентную фильтрацию, а также их гибридные варианты, стали неотъемлемой частью электронной коммерции и медиа-платформ, обеспечивая персонализацию и прогнозирование спроса [6].

Отдельного внимания заслуживает генеративный ИИ, технология создания новых объектов (текста, изображений, программного кода, музыки, видео) на основе выученных закономерностей из данных. Современные генеративные модели, включая генера-

тивно-состязательные сети (Generative Adversarial Networks, GAN), диффузионные модели и трансформеры достигли уровня, позволяющего использовать их в творческих и профессиональных задачах [7]. Важным направлением развития становится ответственный ИИ, обеспечивающий этичность, безопасность и объяснимость генерируемого контента. Аналитики выделяют агентный ИИ как следующий этап эволюции: системы не просто генерируют ответы, а способны автономно планировать, выполнять многошаговые задачи, взаимодействовать с внешними инструментами и адаптироваться к изменяющейся среде [8]. Такие системы находят применение в науках о жизни, в образовании, климатическом моделировании и государственном управлении.

Автономные системы объединяют восприятие, планирование и принятие решений для работы в реальном мире без постоянного контроля человека. Ключевыми областями применения выступают беспилотный транспорт, робототехника, промышленное производство и охранные системы. В исследовании [9] подчеркивается растущая роль безопасности и управления рисками при развертывании таких систем. Уровни автономности варьируются от ассистирующих систем до полностью автономных, причем последний уровень пока остается гипотетическим. Развитие ИИ невозможно без соответствующей инфраструктуры. Современные тренды указывают на переход к гибридным облачно-периферийным архитектурам, где часть вычислений выполняется на устройствах для снижения задержек и обеспечения конфиденциальности данных [1]. На аппаратном уровне доминируют графические процессоры, однако растущее значение приобретают специализированные чипы, включая тензорные и нейроморфные процессоры.

Нейроморфные вычисления представляют собой принципиально иной подход, вдохновленный архитектурой человеческого мозга. В отличие от классической фон-неймановской архитектуры нейроморфные устройства объединяют память и обработку информации, используя искусственные нейроны, обменивающиеся импульсными сигналами. Системы на базе процессора Intel Loihi демонстрируют многократное снижение энергопотребления и задержек для задач, основанных на обработке событийных данных [10]. Это делает их перспективными для встраиваемых систем, робототехники, интернета вещей и интерфейсов «мозг-компьютер» [11]. Нейроморфные технологии рассматриваются не как замена, а как дополнение к традиционному глубокому обучению, особенно в сценариях, требующих низкого энергопотребления и работы в реальном времени.

Обобщая современные обзоры, можно выделить следующие ключевые тренды развития технологий ИИ: переход к мультимодальности, развитие агентного ИИ, специализация и доменная настройка

моделей, рост значимости инфраструктуры и периферийных вычислений, а также усиление требований к этике и регулированию, делающее ответственный ИИ необходимым условием для внедрения в социально значимых областях.

1.2. Структура, динамика и диффузия мирового рынка искусственного интеллекта

Мировой рынок ИИ характеризуется стремительным ростом и структурной трансформацией. В работе [12] представлен комплексный обзор, определяющий ИИ как технологию широкого применения, движущую силу четвертой промышленной революции, и прогнозирующий устойчивый высокий рост. В исследованиях [13; 14] проведена сегментация рынка по аппаратному обеспечению, программному обеспечению, услугам и ключевым технологиям (например, генеративный ИИ), при этом ежегодные темпы роста оцениваются на уровне 19–20%. В работе [15] рынок систем ИИ охарактеризован как находящийся в переходной фазе, где по мере изменения потребительского спроса под влиянием ИИ быстро появляются новые корпорации-гиганты.

Исследования рыночной структуры выявляют сильные тенденции к концентрации, особенно в сегменте фундаментальных моделей. В работе [16] показано, что экономия от масштаба и разнообразия в вычислительных ресурсах, данных и талантах создает предпосылки для доминирования нескольких вертикально интегрированных игроков. В исследовании [17] с помощью вычислительных экспериментов продемонстрировано, что алгоритмы ценообразования на основе ИИ могут поддерживать цены на уровне выше конкурентных, что порождает антимонопольные риски. В работах [18; 19] выявлены лидирующие технологические позиции США, Китая и Японии, а также плотные межорганизационные патентные сети, указывающие на концентрацию ключевых компетенций в области ИИ. В то же время в исследовании [20] представлены доказательства того, что политика может противодействовать концентрации: создание в Китае специальных пилотных зон ИИ привело к снижению рыночной концентрации и росту числа новых игроков благодаря субсидиям, доступу к данным и развитию инфраструктуры.

Межстрановая и межотраслевая диффузия ИИ стала предметом многих исследований. В докладе ОЭСР[2] задокументировано быстрое, но крайне неравномерное распространение ИИ в 11 странах, при

[2] A portrait of AI adopters across countries: Firm characteristics, assets' complementarities and productivity // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. 2023. https://www.oecd.org/en/publications/a-portrait-of-ai-adopters-across-countries_0fb79bb9-en.html (дата обращения: 01.02.2026).

этом секторы ИКТ и профессиональных услуг являются лидерами. В работе [21] установлено, что компании-адоптеры в обрабатывающей промышленности, как правило, крупнее, интенсивнее вкладываются в НИОКР и ориентированы на международные рынки. В исследовании [22] с использованием данных Статистического управления Европейского союза (EUROSTAT) показано, что различия в уровне человеческого капитала являются определяющим фактором, объясняющим разницу в темпах распространения ИИ между европейскими странами. По оценкам авторов, от трети до половины межстрановых различий во внедрении ИИ связано именно с этим обстоятельством. Особенно важна концентрация работников с высшим образованием в компаниях. Так, на долю фирм, где более 50% сотрудников имеют дипломы университетов, приходится более половины всего внедрения ИИ в регионе. В работе [23] на основе межстранового анализа с применением моделей «объяснимого ИИ» (Explainable AI, XAI) установлено, что масштабы внедрения технологий ИИ в государственном секторе определяются комплексом факторов: цифровой инфраструктурой (уровень кибербезопасности и распространенность интернета), качеством институтов (регуляторная среда, эффективность правительства, верховенство закона, контроль коррупции), а также социально-экономическими условиями (уровень глобализации, средний возраст населения и ВВП на душу населения). При этом влияние этих переменных нелинейно и существуют пороговые значения, при переходе через которые их воздействие на государственное внедрение ИИ значительно меняется по направлению и силе. Авторами [24] проведен библиометрический анализ публикаций с 1960 г. (ранний этап развития ИИ, включающий его зарождение и первые исторические циклы «подъемов и зим»). Показано, что ИИ приобрел поистине универсальный характер. Сегодня он проник более чем в 98% из 333 исследовательских областей, охватывая как точные, естественные и биомедицинские науки, так и социально-гуманитарные дисциплины. При этом диффузия ИИ за пределы компьютерных наук началась очень рано: уже к 1972 г. технология была представлена более чем в половине всех научных областей.

Пространственные и сетевые эффекты диффузии ИИ проявляются на разных уровнях. В работах [25; 26] задокументирована кластерная, «эпидемическая» диффузия в США, где внедрение сконцентрировано в крупных фирмах, ведущих городах и плотных сетях знаний. В исследовании [27] показано, что внедрение ИИ компаниями – «оркестраторами» в производственных экосистемах значительно повышает вероятность принятия технологии их партнерами, особенно при географической близости. В работе [28] проанализированы региональные перетоки в Китае и обнаружено, что передача технологий ИИ способ-

ствовала модернизации промышленности при перемещении с востока на запад страны.

Наконец, конкурентные последствия развития ИИ имеют фундаментальное значение. В исследовании [29] показано, что конкурентное преимущество теперь в меньшей степени зависит от статических характеристик продукта и в большей — от динамических способностей, владения данными и позиционирования в экосистеме. В работах [30; 31] подчеркнута роль ИИ в маркетинговой аналитике и конкурентной разведке. В исследовании [32] отмечено, что этические, регуляторные и управленческие вопросы (конфиденциальность данных, алгоритмическая предвзятость) становятся значимыми конкурентными переменными. В работе [33] проанализирована эволюционная динамика экосистемы ИИ и выделено взаимодействие между устоявшимися игроками и новыми компаниями.

Проведенный обзор литературы позволяет сделать вывод о том, что рынок ИИ демонстрирует стремительное развитие. Вместе с тем в литературе практически отсутствуют комплексные исследования, которые содержат анализ эволюции спроса и предложения на мировом рынке ИИ, его пространственной и отраслевой структуры. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела.

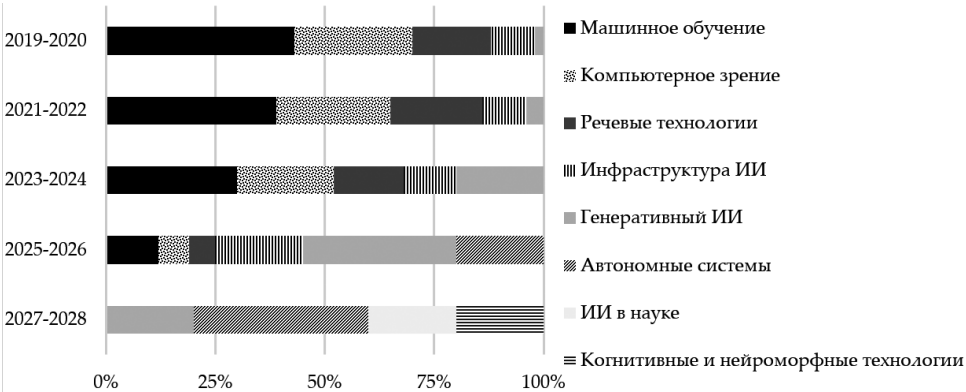
2. Производители и потребители ИИ

2.1. Эволюция технологической структуры рынка ИИ

Рынок ИИ не является статичным. Его технологическая структура постоянно меняется под воздействием инновационных циклов. Согласно теории диффузии инноваций, ни одна технология не развивается бесконечно — ее эволюция подчиняется логистической *S*-образной кривой, описывающей жизненный цикл от фазы зарождения через взрывной рост к насыщению. На смену технологии, достигшей своего потолка, приходит новая, более эффективная, которая начинает собственный *S*-образный путь. Этот процесс конвейерного замещения технологий наглядно иллюстрируют данные о динамике развития основных направлений ИИ.

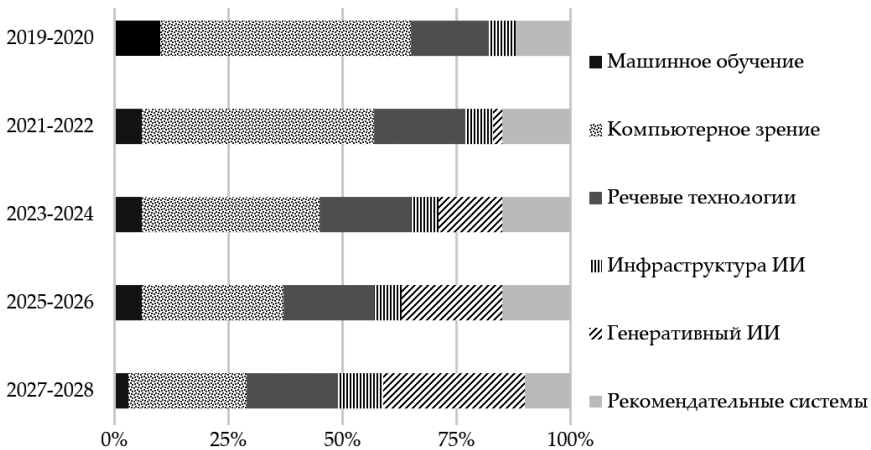
На рис. 1 и 2 приведена динамика структуры распределения технологий ИИ в мире и в России соответственно.

Сравнение рис. 1 и 2 показывает, что в мире переход к генеративному ИИ начался раньше и протекает более интенсивно, чем в России. В российской структуре дольше сохраняется высокая доля технологий компьютерного зрения и обработки естественного языка. Если в мире уже к 2025–2026 гг. генеративный ИИ занимает лидирующие позиции, то в России его доля на те же даты заметно ниже, что свидетельствует о наличии временного лага в пространственной диффузии инноваций.

Источники: составлено авторами на основе анализа оценок и прогнозов Gartner (https://www.gartner.com/en), IDC (https://www.idc.com/), Bloomberg (https://www.bloomberg.com/europe), McKinsey (https://www.mckinsey.com/) и других аналитических агентств (дата обращения: 01.02.2026).

Рис. 1. Структура применения технологий ИИ в мире (в динамике, значения за 2026–2028 – прогноз)

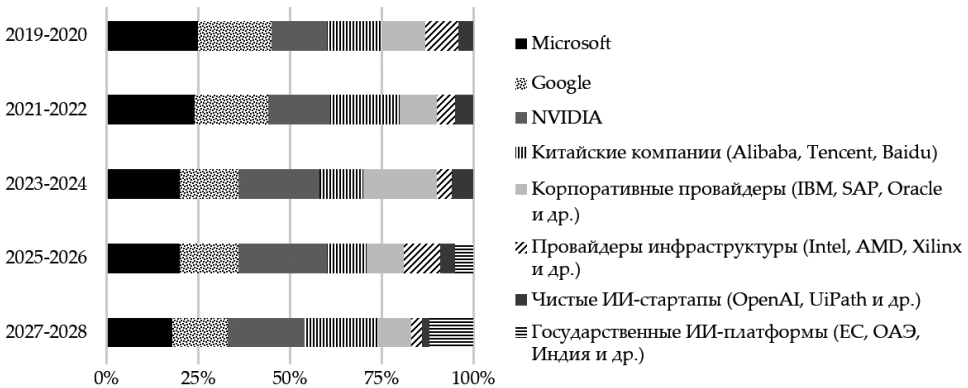
Источники: для 2019–2020, 2021–2022, 2023–2024 гг.: Национальная стратегия развития ИИ (Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/); материалы Tadviser (https://www.tadviser.ru/), Минэкономразвития (https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_iskusstvennogo_intellekta/), Ассоциации лабораторий по развитию ИИ (https://alrii.ru/), РБК (https://trends.rbc.ru/trends/); для 2025–2026, 2027–2028 гг.: Оценка и прогноз авторов на основе анализа открытых статистических данных, экстраполяции сложившихся трендов, а также с учетом целевых показателей, установленных Национальной стратегией развития ИИ (Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 01.02.2026).

Рис. 2. Структура применения технологий ИИ в России (в динамике, значения за 2026–2028 – прогноз)

В настоящее время, как следует из анализа рисунков, происходит интенсивный переход к технологии генеративного ИИ, однако скорость этого перехода в мире и в России не одинакова.

2.2. Производители искусственного интеллекта

Структура мирового рынка ИИ со стороны предложения претерпевает значительные изменения. Если на ранних этапах развития доминировали отдельные компании-пионеры, то в настоящее время формируется сложная многополярная конфигурация, включающая как технологические гиганты, так и специализированных игроков. Анализ динамики ключевых производителей позволяет выявить основные тенденции концентрации рыночной власти и смены конкурентных стратегий. Динамика структуры рынка предложений ключевых производителей ИИ в мире представлена на рис. 3.

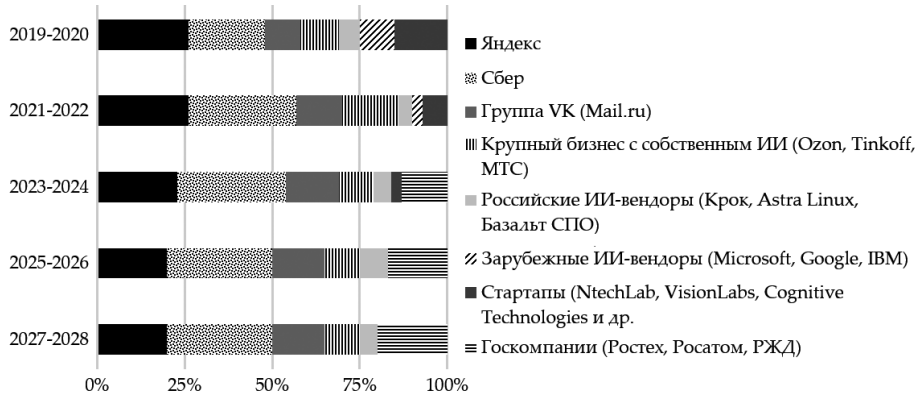
Источники: составлено авторами на основе анализа оценок и прогнозов Gartner (https://www.gartner.com/en), IDC (https://www.idc.com/), Bloomberg (https://www.bloomberg.com/europe), финансовой отчетности компаний (дата обращения: 01.02.2026).

Рис. 3. Структура ключевых мировых производителей ИИ (в динамике)

Динамика характеризуется переходом от однозначного лидерства к формированию многополярной структуры и распылению рынка. В прогнозе на ближайшие годы ожидается дальнейшая диверсификация: рынок смещается от «войны моделей» к «войне приложений», где успех будет определяться не столько мощностью, сколько способностью встраивать ИИ в удобные вертикальные решения.

Динамика структуры рынка ключевых производителей ИИ в России представлена на рис. 4.

Российский рынок ИИ демонстрирует стремительное развитие. Ключевыми производителями выступают крупные технологические экосистемы: «Сбер», развивающий мультимодальную платформу GigaChat и семейство генеративных моделей Kandinsky, и «Яндекс»,

Источники: Составлено авторами на основе анализа оценок и прогнозов Tadviser (https://www.tadviser.ru/), Ассоциации лабораторий по развитию ИИ (https://alrii.ru/), финансовой отчетности производителей (дата обращения: 01.02.2026).

Рис. 4. Структура ключевых производителей ИИ в России (в динамике)

который фокусируется на закрытой облачной платформе YandexGPT и интеграции ИИ в пользовательские устройства и бизнес-процессы через Yandex Cloud. Аналитики прогнозируют, что в ближайшие годы динамика рынка будет определяться не гонкой за создание новых фундаментальных моделей, а победой в сфере их практического внедрения. Ключевыми трендами станут развитие мультиагентных систем, переход к специализированным «малым языковым моделям» (Small Language Models, SLM) для решения конкретных бизнес-задач.

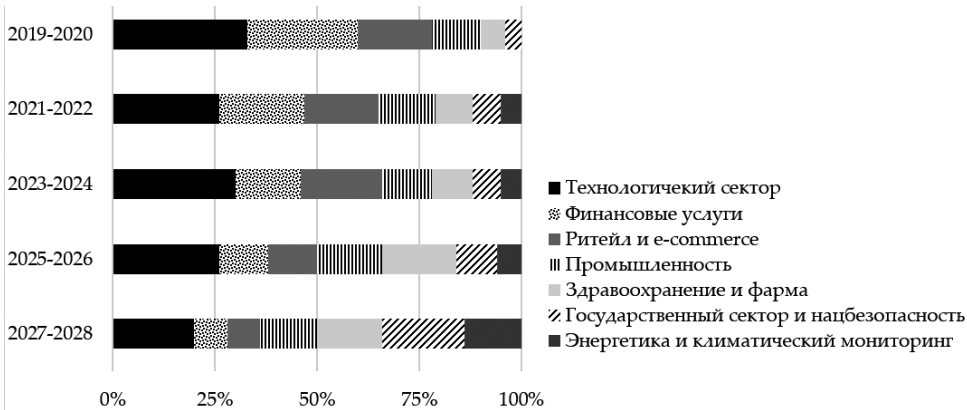
В перспективе 2026–2028 гг. драйверами российского рынка останутся крупные цифровые экосистемы, однако быстро растущий спрос открывает ниши для проектов, разрабатывающих прикладные отраслевые решения. Основным трендом становится переход от гонки фундаментальных моделей к внедрению мультиагентных систем и малых языковых моделей, ориентированных на конкретные бизнес-задачи. Массовый характер внедрение ИИ-агентов приобретет с 2027–2028 гг. по мере повышения зрелости технологий и корпоративных процессов. Ключевыми барьерами остаются дефицит вычислительных мощностей, зависимость от зарубежных библиотек машинного обучения, а также высокая стоимость разработки и эксплуатации отечественных больших языковых моделей. Преодолению этих препятствий способствует усиление государственной поддержки, стимулирующей импортозамещение и развитие суверенной ИИ-инфраструктуры.

2.3. Потребители искусственного интеллекта

Отраслевая структура потребления ИИ отражает степень проникновения технологий в различные секторы экономики. В мире

сложилась устойчивая дифференциация: лидерами по внедрению выступают технологический сектор, финансы и розничная торговля, тогда как в России, в силу особенностей национальной экономической модели, основным потребителем является государственный сектор.

Динамика структуры рынка ключевых потребителей ИИ в мире представлена на рис. 5.

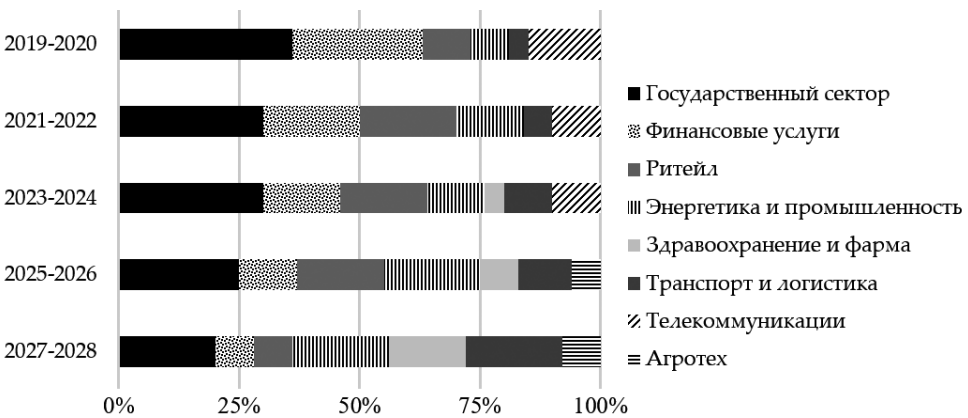
Источники: Составлено авторами на основе анализа оценок и прогнозов Bloomberg (https://www.bloomberg.com/europe), Gartner (https://www.gartner.com/en), McKinsey (https://www.mckinsey.com/), IDC (https://www.idc.com/), отраслевых исследований (дата обращения: 01.02.2026).

Рис. 5. Структура ключевых потребителей ИИ в мире (в динамике)

Технологический сектор и ИТ: выступает одновременно и драйвером, и основным потребителем ИИ. Наблюдается тотальная интеграция вспомогательных программных средств в процесс создания приложений, бум платформ автоматизации жизненного цикла моделей машинного обучения (Machine Learning Operations, MLOps) и активный переход к периферийным малым моделям. *Финансовые услуги*: ИИ трансформирует клиентский сервис, управление рисками и борьбу с мошенничеством, а также алгоритмический трейдинг. *Розничная торговля* (ритейл): ИИ-ассистенты становятся главным каналом продаж и консультаций, используются для персонализации предложений, оптимизации цепочек поставок и управления запасами. *Промышленность*: ключевое направление — предиктивная аналитика для обслуживания оборудования, контроль качества с помощью компьютерного зрения, оптимизация логистики. *Здравоохранение и фармацевтика*: ИИ ускоряет разработку новых лекарств, персонализирует подбор терапии, автоматизирует анализ медицинских изображений. *Государственный сектор*: оптимизация административных процессов, анализ больших данных для городского планирования и безопасности. *Энергетика*: прогнозирование выработки и потребления энергии, преди-

ктивное обслуживание оборудования. На рис. 5 образование и наука не выделены в отдельные секторы, однако ИИ активно проникает в эти сферы. В образовании технологии искусственного интеллекта применяются для персонализации обучения, автоматизации рутинных задач и повышения доступности знаний. В науке ИИ используется для анализа больших объемов данных, моделирования сложных процессов, генерации гипотез и ускорения исследовательских циклов в различных дисциплинах.

Динамика ключевых потребителей ИИ в России представлена на рисунке 6. В отличие от предыдущего рисунка, основным потребителем ИИ в России выступает сектор государственных услуг. Учитывая текущую структуру спроса, можно предположить, что в среднесрочной перспективе доля госсектора в потреблении ИИ в России останется высокой, однако по мере «созревания» рынка и роста инвестиций со стороны бизнеса можно ожидать ее постепенного снижения за счет ускоренного внедрения ИИ в промышленности, финансовом секторе и розничной торговле.

Источники: составлено авторами по данным анализа оценок и прогнозов Tadviser (https://www.tadviser.ru/), Минцифры РФ (https://digital.gov.ru/news-feed), Ассоциации лабораторий по развитию искусственного интеллекта (https://alrii.ru/), РБК (https://trends.rbc.ru/trends/) и отраслевых отчетов (дата обращения: 01.02.2026).

Рис. 6. Структура ключевых потребителей ИИ в России (в динамике)

Проведенный анализ производителей и потребителей ИИ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, технологическая структура рынка находится в стадии активной трансформации: на смену классическим направлениям машинного обучения приходит генеративный ИИ, причем скорость этого перехода в мире и России различается, что подтверждает гипотезу о пространственной диффузии технологий. Во-вторых, на стороне предложения формируется многополярная структура: на смену доминированию США приходит усиле-

ние Китая и появление значимых игроков в других странах, включая Россию. При этом конкурентная борьба смещается из области разработки фундаментальных моделей в область их прикладного применения и интеграции в бизнес-процессы. В-третьих, структура потребления ИИ в мире и России демонстрирует существенные различия: если глобально лидируют технологический сектор и финансы, то в России основным заказчиком выступает государство, что накладывает отпечаток на траекторию развития отечественного рынка.

3. Распределение производства и потребления искусственного интеллекта

3.1. Пространственное распределение производства ИИ

Для понимания закономерностей развития рынка ИИ недостаточно анализа временной динамики. Не менее важно исследовать его пространственную и отраслевую структуру. То, как распределены силы производителей по странам и как дифференцировано потребление технологий по секторам экономики, гипотетически позволяет выявить зоны опережающего роста, точки концентрации компетенций и потенциальные ниши для новых игроков. В данном разделе последовательно рассматривается пространственное распределение производства ИИ (кто и где создает технологии), глобальная отраслевая структура потребления (какие сектора экономики выступают основными заказчиками) и, наконец, специфика российского рынка в разрезе отраслей и регионов.

География производства ИИ крайне неравномерна и отражает сложившийся технологический разрыв между странами-лидерами и остальным миром. Анализ страновой структуры позволяет не только оценить текущую расстановку сил, но и выявить специализацию отдельных регионов, которая во многом определяет их роль в глобальной цепочке создания стоимости ИИ-продуктов.

В табл. 1 представлено распределение мирового объема производства ИИ по странам и регионам по состоянию на 2024 г., из которого видно, что более половины мирового производства ИИ приходится на США, которые сохраняют лидерство по всем направлениям — от фундаментальных исследований до аппаратного обеспечения. Еще одну четверть занимает Китай, специализирующийся преимущественно на прикладных решениях и государственных программах внедрения. Европейский Союз, несмотря на сильные научные школы и лидерство в области регулирования, уступает по доле рынка и не имеет собственных крупных облачных платформ и чипов. Остальные страны, включая Россию, занимают нишевые позиции и в совокупности контролируют не более 8–10% мирового производства.

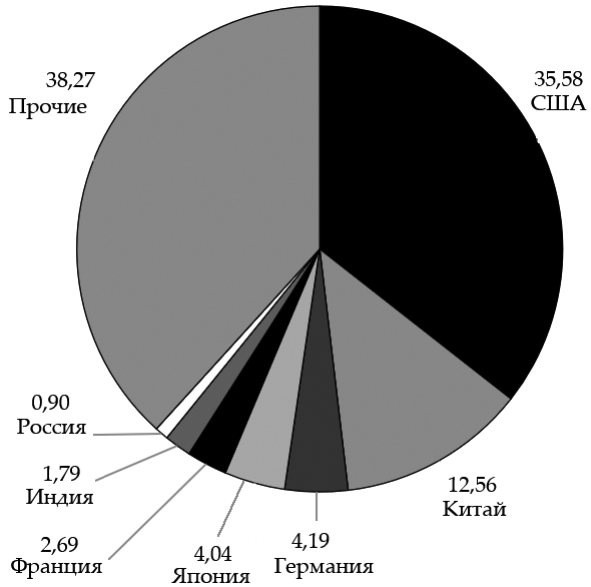
Таблица 1

Распределение производства мирового объема ИИ по странам (в 2024 г.)

Страна / Регион	Доля в мировом производстве ИИ, %	Ключевая специализация и драйверы
США	50–55	Лидер по всем фронтам. Фундаментальные исследования (OpenAI, Google DeepMind), облачные платформы (AWS, Azure, GCP), чипы (NVIDIA, AMD, Intel), ПО, венчурный капитал.
Китай	20–25	Лидер по внедрению и госполитике. Прикладной ИИ (распознавание лиц, умные города), большие языковые модели (Baidu, Alibaba), производство аппаратуры (Huawei, Sensetime). Слабая фундаментальная наука.
Европейский Союз (вкл. Великобританию)	12–15	Лидер в промышленном ИИ и этике. Сильные исследования (DeepMind UK, FAIR Париж), промышленный ИИ (Германия — Siemens, SAP), регулирование (AI Act). Нет своих крупных облаков и чипов.
Прочая Азия (Южная Корея, Япония, Сингапур, Израиль)	5–8	Нишевые компетенции. Робототехника (Япония, Южная Корея), полупроводники (TSMC — Тайвань, Samsung), кибербезопасность (Израиль).
Остальной мир (Канада, Индия, ОАЭ, Россия и др.)	3–5	Точечные успехи. Канада — пионер в глубоком обучении (Hinton), Индия — аутсорс-разработка и ИИ-сервисы, ОАЭ — инвестиции (G42, Falcon LLM).

Источник: составлено авторами по данным https://ict.moscow/analytics/ai-index-2024/?amp&amp&amp (дата обращения: 01.02.2026).

Несколько другое распределение демонстрирует производство генеративного ИИ. Эта информация представлена на рис. 7, где показано распределение мирового производства генеративного ИИ по странам-лидерам в 2024 г. Как следует из рис. 7, в сегменте генеративного ИИ доминирование США уже не столь абсолютно, как на рынке ИИ в целом: на них приходится 35,6% рынка. Доля Китая составляет 12,6%, Германии — 4,2%, Японии — 4,0%, Франции — 2,7%, Индии — 1,8%, России — 0,9%. Примечательно, что более 38% рынка приходится на остальные страны, не вошедшие в первую семерку, что свидетельствует о значительно более фрагментированной и конкурентной структуре данного сегмента. Россия, занимая седьмое место

Источник: составлено авторами по материалам статьи: Между хайпом и реальностью: объем мирового рынка генеративного ИИ в 2024 году с прогнозом до 2032 года. https://habr.com/ru/companies/rosatom/articles/796537/ (дата обращения: 01.02.2026).

Рис. 7. Распределение мирового производства генеративного ИИ по странам-лидерам в 2024 г.

с долей около 1%, входит в число заметных игроков, однако ее позиции пока уступают не только лидерам, но и таким странам, как Германия и Япония.

Помимо количественных показателей качественная характеристика положения России в сегменте генеративного ИИ включает следующие аспекты. К сильным сторонам относятся: наличие собственных разработанных генеративных моделей (YandexGPT, GigaChat, Kandinsky), сохраняющийся потенциал фундаментальной научной школы, а также растущий внутренний спрос, стимулируемый политикой импортозамещения и стремлением к технологическому суверенитету. Слабые стороны проявляются в технологическом отставании от лидеров (США, Китай) по таким параметрам, как мультимодальность, длина контекста и скорость генерации, а также в ограниченном присутствии российских решений на глобальном рынке. Основными препятствиями выступают: дефицит специализированных вычислительных мощностей вследствие санкционных ограничений, высокая стоимость разработки и эксплуатации отечественных больших языковых моделей, а также сохраняющаяся в ряде случаев зависимость от зарубежных библиотек машинного обучения. Перспективы развития связаны с возможной нишевой специализацией (государственные

услуги, промышленность, юриспруденция), с развитием малых языковых моделей для конкретных отраслевых задач и расширением кооперации в рамках БРИКС. Ключевым условием реализации потенциала, на наш взгляд, является переход от пилотных проектов к промышленному внедрению.

3.2. Мировая отраслевая структура потребления ИИ

Как было показано в разделе 3.1, производство ИИ демонстрирует различную степень географической концентрации в зависимости от сегмента. Если на рынке ИИ в целом на США и Китай приходится от 70 до 80% мирового производства, то в сегменте генеративного ИИ доля остальных стран достигает 38%, что свидетельствует о значительно более равномерном распределении производства между странами. В отличие от производства, использование технологий ИИ распределено по отраслям экономики также достаточно равномерно. Анализ отраслевой структуры спроса позволяет определить, какие секторы выступают основными драйверами внедрения ИИ и какие регионы лидируют в этом процессе.

В табл. 2 представлена мировая отраслевая карта потребления ИИ, составленная на основе данных IDC Worldwide Artificial Intelligence Spending Guide и дополненная оценками экспертов.

Таблица 2

Мировая отраслевая карта использования ИИ (2024–2025 гг.)

Отрасль	Доля в мировых расходах на ИИ, %	Ключевые драйверы и применения	Регионы-лидеры
Финансовые услуги (FinTech & Banking)	20–25	Кредитный скоринг, AML/фрод-детекция, алготрейдинг, робо-эдвайзинг, чат-боты	США, Китай, ЕС, Великобритания, Сингапур
Здравоохранение и фармацевтика	15–20	Диагностика по снимкам (рентген, МРТ), открытие лекарств, предиктивная медицина, администрирование	США, ЕС, Китай, Япония
Розничная торговля и E-commerce	12–15	Персонализация, рекомендации, управление цепочками поставок, динамическое ценообразование, компьютерное зрение в магазинах	США, Китай, ЕС, Индия

Окончание табл. 2

Отрасль	Доля в мировых расходах на ИИ, %	Ключевые драйверы и применения	Регионы-лидеры
Автомобильная промышленность	10–12	Автономное вождение (ADAS, Level 2-4), прогнозное обслуживание, дизайн и симуляции, роботизация заводов	США (Tesla, Waymo), Китай (Baidu, NIO), Германия, Япония
Телекоммуникации и Медиа	8–10	Оптимизация сетей (AIOps), персонализация контента, модерация, чат-боты для поддержки	США, Китай, ЕС, Южная Корея
Промышленное производство	8–10	Предиктивное обслуживание, контроль качества (CV), роботизация, оптимизация цепочек поставок	Германия, Китай, США, Япония, Южная Корея
Государственный сектор и безопасность	6–8	Видеоаналитика (распознавание лиц, «умные города»), кибербезопасность, анализ больших данных для принятия решений	Китай, США, ЕС, ОАЭ, Сингапур
Энергетика и коммунальные услуги	4–6	Прогнозирование спроса, умные сети, мониторинг оборудования (нефтегаз, электростанции)	США, Китай, ЕС, Саудовская Аравия
Образование	2–4	Адаптивное обучение, автоматизация проверки заданий, виртуальные ассистенты	США, ЕС, Китай, Индия

Источник: Составлено авторами по материалам IDC Worldwide Artificial Intelligence Spending Guide. https://my.idc.com/getdoc.jsp?containerId=IDC_P33198 (дата обращения: 01.02.2026).

Данные табл. 2 позволяют сделать ряд важных наблюдений. Во-первых, тройка лидеров потребления (финансовый сектор, здравоохранение и розничная торговля) в сумме аккумулирует около половины всех мировых расходов на ИИ. Во-вторых, для каждой отрасли характерна своя региональная специализация: например, в автомобильной промышленности лидируют США и Германия как центры традиционного автопрома, тогда как в государственном секторе и безопасности – Китай с его масштабными программами «умных городов».

3.3. Отраслевая структура потребления ИИ в России

Структура потребления ИИ в России имеет свою ярко выраженную специфику, отличающую отечественный рынок ИИ от мирового. Если в глобальной экономике лидируют финансы и ритейл, то в России основным драйвером выступает государственный сектор. Детальная отраслевая картина представлена в табл. 3.

Анализ табл. 3 показывает, что российский рынок ИИ находится на стадии активного формирования с ярко выраженной ролью государства. Отрасль телекоммуникаций и финансовый сектор показывают высокий уровень зрелости и конкуренции. В свою очередь в промышленности, сельском хозяйстве и здравоохранении внедрение технологий ИИ находится на начальной стадии. Отметим, что в отраслях с высокой долей государственного участия и в секторах естественных монополий (энергетика, транспорт) уровень проникновения ИИ выше среднего. Барьерами внедрения ИИ здесь выступают регуляторные ограничения и консервативная корпоративная культура.

Заключение

Результаты работы позволяют сделать следующие выводы. Структурные сдвиги на рынке ИИ (включая переход от классического машинного обучения к генеративным моделям и неравномерность пространственного распространения) в целом согласуются с теоретическими моделями диффузии инноваций. Скорость этого перехода в России и мире различается: в мире он происходит более интенсивно, в России наблюдается временной лаг (3–5 лет) по сравнению с мировыми лидерами. Это демонстрирует эффект пространственной диффузии. В структуре производителей ИИ происходит смена конфигурации: лидерство США постепенно уступает место многополярной модели с усилением позиций Китая и появлением новых игроков, включая Россию. Анализ потребителей ИИ показал принципиальные различия между глобальной структурой спроса, где доминируют технологический сектор и финансы, и российской моделью с преобладанием госсектора.

Пространственный анализ производства ИИ-решений подтвердил высокую концентрацию рынка: на США и Китай приходится от 70 до 80% мирового производства ИИ. Вместе с тем в сегменте генеративного ИИ наблюдается значительно более равномерное распределение: доля остальных стран превышает 38%, а Россия, хотя и входит в первую семерку с долей около 1%, существенно уступает не только лидерам, но и Германии с Японией. Отраслевой анализ потребления показал, что в мире тройка лидеров (финансы, здравоохранение, ритейл) аккумулирует около половины расходов на ИИ, тогда как в России, при

Таблица 3

Отраслевая карта потребления ИИ в России

Отрасль	Доля в потреблении ИИ, %	Уровень зрелости	Ключевые драйверы	Основные барьеры	Основные точки приложения (решаемые задачи)
Финансы	25–35	Высокий	Конкуренция, цифровые данные, борьба с мошенничеством	Регуляторика (ЦБ РФ), безопасность данных	Кредитный скоринг, фрод-детекция, трейдинг, обслуживание клиентов
Госсектор / Безопасность	20–30	Средне-высокий	Нацпроекты, госзаказ, приоритет безопасности	Бюрократия, длинные циклы закупок, «валовые» внедрения	Видеоаналитика, цифровизация услуг, кибербезопасность
Телеком / Медиа	15–20	Высокий	Объемы персональных данных, необходимость персонализации	Конкуренция с глобальными платформами, закон о «суверенном Рунете»	Персонализация контента, модерация, оптимизация сетей
Энергетика / Добыча	10–15	Средний (растет)	Эффект от оптимизации (миллиарды), поддержка руководства	Консервативная культура, legacy-системы, киберриски для АСУ ТП	Прогнозирование выработки, предиктивное обслуживание
Транспорт / Логистика	5–10	Средний (пилоты)	Эффективность, беспилотный тренд	Сложное регулирование, высокие капитальные затраты	Беспилотные перевозки, оптимизация маршрутов
Промышленность	~5	Низкий	Импортозамещение, рост эффективности	Отсутствие цифровой культуры, проблемы с данными	Контроль качества, предиктивная аналитика, роботизация

Окончание табл. 3

Отрасль	Доля в потреблении ИИ, %	Уровень зрелости	Ключевые драйверы	Основные барьеры	Основные точки приложения (решаемые задачи)
Ритейл	~5	Средний	Конкуренция, маржинальность	Фрагментация рынка, низкая маржа у традиционного ритейла	Персонализация, рекомендации, управление запасами
Сельское хозяйство	1–3	Очень низкий	Поддержка государства, очевидная ценность	Низкая цифровизация, сезонность, кадры	Мониторинг посевов, прогнозирование урожайности
Здравоохранение	1–3	Низкий	Социальный эффект, поддержка нацпроект		Анализ медицинских изображений, поддержка решений

Источник: составлено авторами по материалам Tadviser (https://www.tadviser.ru/), Банка России (https://cbr.ru/ (дата обращения: 01.02.2026)).

сохранении высокой доли финансового секторы ключевым драйвером выступает государство, а промышленность, сельское хозяйство и здравоохранение только начинают путь внедрения ИИ.

Обобщая анализ распределения производства и потребления ИИ, можно сделать следующие выводы. Во-первых, производство сохраняет высокую географическую концентрацию: на США и Китай приходится более трех четвертей мирового рынка (исключением выступает сегмент генеративного ИИ, где наблюдается большая фрагментация и появляются значимые игроки из «второго эшелона», включая Россию). Во-вторых, отраслевая структура потребления в мире относительно диверсифицирована: здесь лидируют финансовый сектор, здравоохранение и ритейл. Отечественный рынок отличается выраженной государственной ориентацией при сохранении высокой доли финансового сектора и телекоммуникаций.

Выявленное отставание российского рынка от мирового и его выраженная государственная ориентация согласуются с выводами исследований о роли институтов и государственной политики в диффузии технологий. Однако полученные в данной работе количественные оценки (лаг в 3–5 лет) и анализ барьеров в различных отраслях конкретизируют эти общие положения применительно к российской специфике. Показательно, что в отраслях с высокой долей государства (энергетика, транспорт) уровень внедрения выше среднего, однако барьеры связаны не столько с технологиями, сколько с регуляторикой и консервативной корпоративной культурой.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке стратегий развития ИИ на корпоративном и государственном уровнях. Для компаний, планирующих долгосрочные инвестиции, важным выводом является необходимость учета выявленных структурных особенностей российского рынка (доминирование госсектора, разрыв в скорости технологических сдвигов по сравнению с миром, барьеры в промышленности и сельском хозяйстве) при разработке стратегий развития и продуктовых линеек. Особое внимание следует уделять сегменту генеративного ИИ, где сохраняются высокая фрагментация рынка и возможности для появления новых игроков. Для органов государственного управления значимым представляется вывод о необходимости гармонизации методик статистического учета рынка ИИ (сближение западного и отечественного подходов), а также о целесообразности дифференцированной политики поддержки: в отраслях с низким уровнем зрелости (промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение) требуются меры по развитию цифровой культуры и инфраструктуры, тогда как в более зрелых секторах (финансы, телеком) акцент может быть смещен на стимулирование конкуренции и экспорта ИИ-решений.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Kumar S., Kumar A.* The Future Of Machine Learning And Artificial Intelligence: Key Trends And Innovative Applications // Journal of Informatics Education and Research. 2025. Vol. 5. No. 1s. Pp. 84–101. DOI: 10.52783/jier.v5i1s.3460.
2. *Dwivedi Y., Sharma A., Rana N., Giannakis M., Goel P., Dutot V.* Evolution of artificial intelligence research in Technological Forecasting and Social Change: Research topics, trends, and future directions // Technological Forecasting and Social Change. 2023. Vol. 192. Article 122579. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122579.
3. *Ragavi K.* Progress in Artificial Intelligence: Current Trends, Challenges and Future Prospects // International Journal of Innovative Science and Research Technology. 2025. Issue: ICMST-2025. DOI: 10.38124/ijisrt/25nov747.
4. *Zhang J., Iglesias C.* Special Issue on Recent Applications of Machine Learning in Natural Language Processing (NLP) // Applied Sciences. 2025. Vol. 15. No. 11. Article 6110. DOI: 10.3390/app15116110.
5. *Hagos D., Battle R., Rawat D.* Recent Advances in Generative AI and Large Language Models: Current Status, Challenges, and Perspectives // IEEE Transactions on Artificial Intelligence. 2024. Vol. 5. No. 12. Pp. 5873–5893. DOI: 10.1109/tai.2024.3444742.
6. *Pan Y., Zhang L.* Roles of artificial intelligence in construction engineering and management: A critical review and future trends // Automation in Construction. 2021. Vol. 122. Article 103517. DOI: 10.1016/j.autcon.2020.103517
7. *Trigka M., Dritsas E.* The Evolution of Generative AI: Trends and Applications // IEEE Access. 2025. Vol. 13. Pp. 98504–98529. DOI: 10.1109/access.2025.3574660.
8. S*imões R., Parreiras M., Da Silva A., Barbosa C., Lima Y., Souza J.* Artificial Intelligence and Digital Transformation: Analyzing Future Trends // 2022 IEEE International Conference on Systems, Man, and Cybernetics (SMC). 2022. Pp. 1462–1467. DOI: 10.1109/smc53654.2022.9945429.
9. *Akinnagbe O.* The Future of Artificial Intelligence: Trends and Predictions // Mikailalsys Journal of Advanced Engineering International. 2024. Vol. 1. No. 3. Pp. 171–179. DOI: 10.58578/mjaei.v1i3.4125.
10. *Davies M., Wild A., Orchard G., Sandamirskaya Y., Guerra G., Joshi P., Plank P., Risbud S.* Advancing Neuromorphic Computing With Loihi: A Survey of Results and Outlook // Proceedings of the IEEE. 2021. Vol. 109. No. 5. Pp. 911–934. DOI: 10.1109/jproc.2021.3067593.
11. *Ivanov D., Chezhegov A., Grunin A., Kiselev M., Larionov D.* Neuromorphic artificial intelligence systems // Frontiers in Neuroscience. 2022. Vol. 16. Article 959626. DOI: 10.3389/fnins.2022.959626.
12. *Матюшок В.М., Красавина В.А., Матюшок С.В.* Мировой рынок систем и технологий искусственного интеллекта: становление и тенденции развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 3. С. 505–521. [*Matyushok V.M., Krasavina V.A., Matyushok S.V.* Global Market of Artificial Intelligence Systems and Technologies: Formation and Development Trends // RUDN Journal of Economics. 2020. Vol. 28. No. 3. Pp. 505–521. (In Russ.).] DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-3-505-521.
13. *Stefanova T.* The global artificial intelligence market // Yearbook Telecommunications. 2024. Vol. 11. Pp. 43–51. DOI: 10.33919/YTelecomm.24.11.5.

14. *Gunawan W.* Revisiting the Interlink between Artificial Intelligence, Market Competition, and Consumer Behaviour // JAMI: Jurnal Ahli Muda Indonesia. 2025. Vol. 6. No. 1. Pp. 39–50. DOI: 10.46510/jami.v6i1.356.
15. *Смирнов Е.Н., Лукьянов С.А.* Формирование и развитие глобального рынка систем искусственного интеллекта // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1. С. 57–69. [*Smirnov E.N., Lukyanov S.A.* Formation and Development of the Global Artificial Intelligence Systems Market // Economy of Region. 2019. Vol. 15. No. 1. Pp. 57–69. (In Russ.)] DOI: 10.17059/2019-1-5.
16. *Korinek A., Vipra J.* Concentrating Intelligence: Scaling and Market Structure in Artificial Intelligence // NBER Working Paper No. 33139. 2024. 31 p. DOI: 10.36687/inetwp228.
17. *Sánchez-Cartas J., Katsamakas E.* Artificial Intelligence, Algorithmic Competition and Market Structures // IEEE Access. 2022. Vol. 10. Pp. 19657–19673. DOI: 10.1109/access.2022.3144390.
18. *Li X., Fan M., Liang Z.* Identifying technological competition situations for artificial intelligence technology – a patent landscape analysis // Int. J. Technol. Manag. 2020. Vol. 82. No. 3/4. Pp. 322–348. DOI: 10.1504/ijtm.2020.10031135.
19. *Li X., Li D., Liu Z.* Which enterprises are more competitive in AI-field from the perspective of patentometrics? // Library Hi Tech. Mar, 18, 2025. DOI: 10.1108/lht-09-2023-0457.
20. *Zhu K., Qiu X., Yang S., Zeng Y., Zhang X.* The impact of AI pilot zones on market competition: Causal insights from policy implementation // Oeconomia Copernicana. 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 643–688. DOI: 10.24136/oc.3658.
21. *Kinkel S., Baumgartner M., Cherubini E.* Prerequisites for the adoption of AI technologies in manufacturing – Evidence from a worldwide sample of manufacturing companies // Technovation. 2022. Vol. 110. Article 102375. DOI: 10.1016/j.technovation.2021.102375.
22. *Brey B., Van Der Marel E.* The Role of Human-capital in Artificial Intelligence Adoption // Economics Letters. 2024. Vol. 244. Article 111949. DOI: 10.1016/j.econlet.2024.111949.
23. *Wang S., Xiao Y., Liang Z.* Exploring cross-national divide in government adoption of artificial intelligence: Insights from explainable artificial intelligence techniques // Telematics and Informatics. 2024. Vol. 90. Article 102134. DOI: 10.1016/j.tele.2024.102134.
24. *Hajkowicz S., Sanderson C., Karimi S., Bratanova A., Naughtin C.* Artificial intelligence adoption in the physical sciences, natural sciences, life sciences, social sciences and the arts and humanities: A bibliometric analysis of research publications from 1960-2021 // Technology in Society. 2023. Vol. 74. Article 102260. DOI: 10.1016/j.techsoc.2023.102260.
25. *Dahlke J., Beck M., Kinne J., Lenz D., Dehghan R., Wörter M., Ebersberger B.* Epidemic effects in the diffusion of emerging digital technologies: evidence from artificial intelligence adoption // Research Policy. 2024. Vol. 53. No. 3. Article 104917. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104917.
26. *McElheran K., Li J., Brynjolfsson E., Kroff Z., Dinlersoz E., Foster L., Zolas N.* AI Adoption in America: Who, What, and Where // NBER Working Paper No. 31788. 2023. DOI: 10.3386/w31788.
27. *Shi Q., Shen L.* From Ecosystem Orchestrators to Partners: Unraveling the Diffusion Effect of AI Adoption in Manufacturing Ecosystems // IEEE Transactions on Engineering Management. 2025. Vol. 72. Pp. 1745–1759. DOI: 10.1109/tem.2025.3563242.

28. *Zhou C.* Spillover Effects of Artificial Intelligence Technology, Sustainable Innovation, and Industrial Transition Between Eastern and Western Regions // Sustainability. 2025. Vol. 17. No. 22. Article 10047. DOI: 10.3390/su172210047.
29. *Sun Y.* The Role of Artificial Intelligence in Market Competition // Highlights in Business, Economics and Management. 2023. Vol. 23. Pp. 165–170. DOI: 10.54097/c8df3241.
30. *Qayyum J., Siddiqui H., Prince A., Ahmad S., Raza M.* Revolutionizing Market Insights through AI and Data Analytics: The Next Era of Competitive Intelligence // The Critical Review of Social Sciences Studies. 2025. Vol. 3. No. 1. (in press) DOI: 10.59075/dfpbnb76.
31. *Wilson D., Azmani A.* The evolution and impact of artificial intelligence in market analysis: A quantitative bibliometric exploration of the past thirty-five (35) years // Applied Computer Science. 2025. Vol. 21. No. 1. Pp. 1–19. DOI: 10.35784/acs_6590.
32. *Hossain F., Selim G., Pritom S., Shuvo P., Kona A., Umme M., Raina H., Shikder F.* Unlocking artificial intelligence for strategic market development and business growth: innovations, opportunities, and future directions // Edelweiss Applied Science and Technology. 2024. Vol. 8. No. 6. Pp. 797–812. DOI: 10.55214/25768484.v8i6.3263.
33. *Jacobides M., Brusoni S., Candelon F.* The Evolutionary Dynamics of the Artificial Intelligence Ecosystem // Strategy Science. 2021. Vol. 6. No. 4. Pp. 412–435. DOI: 10.1287/stsc.2021.0148.

Дата поступления рукописи: *01.04.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *28.05.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Митяков Сергей Николаевич – доктор физико-математических наук, профессор, директор Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева», Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0000-0002-7086-7457
snmit@mail.ru

Митяков Евгений Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Цифровая школа госуправления» Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6579-0988
iyao@mail.ru

Ладынин Андрей Иванович – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра «Цифровая школа госуправления» Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7659-2581
andrey.ladynin@hotmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Mityakov – Dr.Sci. (Phys.-Math.), Professor, Director of the Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: 0000-0002-7086-7457
snmit@mail.ru

Evgeny S. Mityakov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Researcher, Center for Digital Public Administration at the Higher School of Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6579-0988
iyao@mail.ru

Andrey I. Ladynin – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Digital Public Administration at the Higher School of Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7659-2581
andrey.ladynin@hotmail.com

THE GLOBAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE MARKET: ANALYSIS OF KEY DEVELOPMENT TRENDS[3]

The aim of this paper is to develop a comprehensive approach to analyzing the global artificial intelligence (AI) market. We present a classification and analysis of the dynamics of key AI technologies, including generative and agent-based AI, computer vision, NLP, and neuromorphic computing. We examine the structure of AI producers and consumers globally and in Russia, identifying patterns in the spatial and sectoral distribution of the market. An analysis of the evolution of the technological structure revealed a characteristic process of pipeline substitution: classical machine learning and computer vision are being replaced by generative AI. A study of the structure of AI producers revealed a transition from the undisputed leadership of the United States to the formation of a multipolar configuration, with China gaining ground and significant players emerging in other countries, including Russia. Consumer analysis revealed significant differences between the global demand structure, dominated by the technology and finance sectors, and the Russian model, dominated by the public sector.

Keywords: *integrated approach, artificial intelligence market, technological structure, generative AI, AI producers and consumers, spatial-temporal analysis, multipolar market configuration.*
JEL: D89.

[3] The article was written as a part of the government assignment to the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

М.В. КУРНИКОВА
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и управления ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

С.А. БОЛГОВ
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения»

Е.В. ЧЕРНЯЕВ
доктор экономических наук, начальник отдела в/ч 35684

«ВОРОТА В АЗИЮ» ИЛИ НОВАЯ ПЕРИФЕРИЙНОСТЬ? К ВОПРОСУ О РОЛИ НОВЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ)

В теории и на практике транспорт и логистика часто рассматриваются как драйверы экономического развития. Тем более этого следовало бы ожидать в ситуации казуального шока, когда после 2022 г. внешняя торговля Российской Федерации «переориентировалась на Восток» и значительная часть товарных потоков проходит теперь через российско-китайскую границу. Какое влияние оказывает этот товарный поток на развитие приграничных регионов? Выступает ли он действительным драйвером регионального развития – вот ключевой вопрос исследования. Использование метода разности разностей при сравнении двух групп приграничных регионов, граничащих и не граничащих с Китаем, до и после 2022 г., показало, что, несмотря на значительное увеличение как объема внешнеторговых операций, так и оборота организаций, относящихся к логистике, первые оказались ближе к статусу «транспортной периферии», чем к устойчиво функционирующим «воротам в Азию». Развитие внешней торговли не сопровождалось системным опережающим ростом ключевых показателей в группе регионов, граничащих с Китаем, по сравнению с остальными приграничными регионами, положительный эффект носил локальный характер. Это привело к преимущественно интенсивному использованию транспортно-логистических мощностей и в итоге не превратилось в системный стимул для развития экономик приграничных с Китаем регионов, роль транспорта и логистики как детерминанты регионального развития была «сжата» доминированием инструментальной функции обеспечения транзита. Концепция «границы как ресурса» в данных условиях не реализуется автоматически; необходима увязка транспортной политики с диверсификацией экономики приграничных территорий.

Ключевые слова: *приграничные регионы, транспортно-логистическое обеспечение, российско-китайское сотрудничество, санкции, эффекты ускорения/торможения, метод разности разностей, региональное развитие, грузопотоки, инфраструктура.*

УДК: 332.1

EDN: WPCHXU

DOI: 10.52180/2073–6487_2026_3_32_62

Введение

Повсеместная риторика о «повороте на Восток» и санкционное давление 2022 г. придали российско-китайскому приграничью статус ключевого геоэкономического узла. В этих условиях транспортно-логистическая инфраструктура шести субъектов РФ, граничащих с Китаем (Республика Алтай, Забайкальский край, Амурская обл., Еврейская автономная область, Хабаровский и Приморский края), перестала восприниматься как сугубо отраслевой вопрос – она превратилась в материальную основу стратегического партнерства и инструмент физической связанности двух экономик. Однако наблюдаемый интенсивный рост грузопотоков актуализировал вопрос: становятся ли эти регионы «воротами в Азию» (т. е. «полюсами роста», способными превратить возросший транзитный транспортный поток в свое развитие – в рост валового регионального продукта (ВРП) и диверсификацию региональной экономики) или закрепляют за собой роль новой «транспортной периферии» – территории исключительно транзита, но не развития?

В документах стратегического планирования развития приграничных регионов – пространственной стратегии[1], приграничного сотрудничества[2] – транспорту и логистике отводится роль драйвера региональных экономик, поскольку предполагается, что их развитие ведет к росту ВРП, занятости, превращая исторически периферийные и слабозаселенные регионы в крупные хабы. Вместе с тем подобные

[1] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/ (дата обращения: 01.02.2026) (в гл. VIII. «Приоритеты пространственного развития Российской Федерации» транспорт выделен отдельным, первым приоритетом).

[2] Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 2577-р (в гл. II. «Виды и направления приграничного сотрудничества в Российской Федерации» пп. б), в)). https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74639793/ (дата обращения: 28.01.2026).

изменения находятся под воздействием каузальных шоков [1; 2] – экзогенных, четко датированных изменений, вызванных внешними причинами, меняющих внешнее окружение и динамику процессов. Это вводит в круг требований, предъявляемых к развитию транспорта и логистики, требование шокоустойчивости (резильентности) – способности экономических систем противостоять внешним шокам и вернуться не столько к докризисному состоянию, сколько к сбалансированной структуре развития [2, с. 56]. К числу указанных шоков относится санкционное давление на российскую экономику: 2022 г. – дата, разделившая поступательный процесс на отрезки «до» и «после», вводящая в круг исследовательских задач идентификацию последствий шока дифференцированно от текущих макроэкономических условий, их измерение динамическими эффектами торможения/ускорения развития.

Теоретическая концепция «границы как ресурса» (*border as a resource*) [3] определяет роль транспорта в преодолении барьерной функции границы, в установлении связанности приграничных регионов. Однако возникает вопрос, насколько потенциал границы реализуется в российско-китайском приграничье, поскольку инструментальная функция транспорта (обеспечение транзита) может конфликтовать с его ролью драйвера, стимулирующего региональное развитие, а устойчивость транспорта к экзогенным шокам может вступать в противоречие с риском возникновения в экономике региона эффекта «бутылочного горлышка», быть препятствием для ее диверсификации.

Научная проблема исследования обусловлена противоречием между геополитическим статусом российско-китайской границы (второй по протяженности после Казахстана, декларируемой как «ворота в Азию») и ее экономическим потенциалом, который традиционно связывают с проницаемостью для экспортно-импортных потоков из/в Россию, но недооценивают в парадигме преодоления приграничными регионами статуса «периферии». Остается невыясненным, как реагирует транспортно-логистическая инфраструктура приграничных субъектов РФ на каузальные шоки, генерирует ли она высокую резильентность, обеспечивает неуклонный рост вклада вида экономической деятельности «Транспортировка и хранение» в валовой региональный продукт, высокую корреляцию экономического роста с развитием транспортной компоненты, или же она работает исключительно на обеспечение транзита без ощутимых последствий для экономики территории.

Гипотеза исследования состоит в том, что ускоренное решение задачи по физическому пропуску экспортно-импортных потоков привело к «сжатию» роли транспорта в качестве драйвера регионального развития, инвестиции, занятость и деловая активность в транспортной сфере не достигли высокой корреляции с динамикой экономического

роста приграничных регионов, граничащих с Китаем, с улучшением качества роста. Приграничье выполнило функцию логистического коридора, но не приобрело статус полюса роста.

Таким образом, цель настоящего исследования – на основе сравнительного анализа приграничных регионов (целевой и контрольной группы) оценить динамику развития транспорта и логистики в экономике регионов российско-китайского приграничья, установить степень его резильентности к каузальным шокам, способность реализовывать инструментальную функцию в балансе с ролью драйвера экономического развития.

Для количественной характеристики «чистых» эффектов использован метод разности разностей (*Difference-in-Differences, DiD*), позволяющий сформировать разнонаправленные *DiD*-оценки, интерпретируемые как эффекты ускорения/торможения, сгруппировать их в секторальном разрезе (по таким направлениям развития транспорта и логистики, как инвестиционно-инфраструктурное развитие, занятость, деловая активность и др.). Выбор метода обусловлен возможностью выделить «чистый» эффект внешнего вмешательства (санкций) путем сравнения динамики показателей в целевой группе (регионы, граничащие с Китаем) с контрольной группой (приграничные регионы на других направлениях), где схожие по природе процессы не сопровождались сопоставимым по масштабу изменением геополитических условий. Данный выбор основан на возможности сопоставить векторы развития транспорта и экономики приграничных регионов в контрольной и целевой группе, в периоды «до» и «после» каузального шока, выявить динамические и секторальные аспекты дисбаланса.

Теоретические рамки анализа транспортной детерминанты в приграничном сотрудничестве

В теоретических представлениях о приграничном сотрудничестве транспорт традиционно занимает двойственное положение. С одной стороны, государственная граница рассматривается как барьер, разделяющий экономические, правовые и административные системы. С другой – именно транспортная инфраструктура выступает инструментом преодоления этого барьера, превращая границу в ресурс совместного развития. Дискуссия о том, при каких условиях реализуется вторая функция, составляет ядро современных исследований приграничных территорий.

Классические работы заложили основы понимания границы не как линии разграничения, а как зоны контакта. Дж.У. Скотт показал эволюцию парадигм – от восприятия границы как препятствия к ее трактовке как «ресурса» благодаря развитию транспортной доступно-

сти и трансграничных коридоров [4]. Ван Хаутум и Ван дер Велде ввели само понятие «граница как ресурс» (в своей ранней работе, посвященной рынку труда [3]), впоследствии активно используемое в работе Т. Лунден, анализирующего влияние транспортных потоков на социальное развитие территорий Северной и Восточной Европы [5], в трудах Б. Йоахима, определившего направления влияния трансграничных транспортных путей на экономику приграничных муниципалитетов [6]. А. Фалуди, исследуя европейское территориальное планирование, обосновал, что транспорт способен снимать «эффект тупика» для периферийных регионов, создавая для них «эффект ворот» – доступа к глобальным рынкам через крупные транспортные узлы и коридоры [7]. Р. Капелло определил транспортную инфраструктуру как «жесткую детерминанту» (*hard determinant*) приграничного сотрудничества, без которой культурные и политические факторы (*soft factors*) не могут быть реализованы [8].

В российских исследованиях тема получила развитие применительно к огромной протяженности сухопутных границ страны. В.А. Колосов с соавторами заложили традицию анализа контактных и барьерных функций границ [9]. В работах, посвященных российско-казахстанскому и дальневосточному приграничью, эмпирически подтверждено, что плотность транспортной сети и обустройство пунктов пропуска напрямую коррелируют с интенсивностью экономического взаимодействия (Л.А. Безруков [10], М.В. Лапенко [11], А.Б. Бардаль [12; 13]). Г.А. Хмелева и Н.И. Скреблов, развивая эту логику, предложили рассматривать транспортно-логистический комплекс как детерминанту глобальной конкурентоспособности регионов, обеспечивающую выход на внешние рынки [14, с. 303].

Несмотря на солидарное понимание обеспечивающей роли транспорта, ряд проблем в этой области остаются недостаточно исследованными. Во-первых, большинство ученых исходят из утверждения, что рост объема транспортных перевозок автоматически ведет к росту региональной экономики, измеряемому увеличением вклада вида экономической деятельности (ВЭД) «Транспортировка и хранение» в прирост ВРП, в связи с чем типология приграничных регионов строится преимущественно по географическому или административному принципу [15; 16], без учета специфики внешних шоков, которые могут радикально менять целеполагание транспортных стратегий. Во-вторых, геополитические сдвиги, такие как санкционное давление 2022 г., трактуются либо как форс-мажор [17], либо как «идеальный шторм» [18], но редко встраиваются в модели оценки региональной динамики как объясняющая переменная.

Таким образом, теоретический консенсус относительно значимости транспорта для приграничного развития не отменяет вопроса

о количественных оценках, учитывающих высокую гетерогенность влияния транспорта на экономическое развитие, динамическую и секторальную разнонаправленность «чистых» эффектов, в совокупности характеризующих устойчивость транспорта к каузальным шокам. Остается неясным, при каких условиях инструментальная функция транспорта как проводника грузов трансформируется в роль драйвера экономического развития, а при каких – периферийный регион, даже будучи включенным в интенсивный товарообмен, сохраняет статус «транспортного коридора», не становясь «воротами», трактуемыми в широком смысле слова как открытый пространственный канал приграничного сотрудничества. *В настоящем исследовании на примере приграничных регионов РФ, граничащих с Китаем, проводится эмпирическая оценка роли транспорта в региональном развитии в условиях каузального шока. Самостоятельным объектом оценки является резильентность транспорта к санкционному давлению, понимаемая как способность создавать эффекты ускорения, выявлять и преодолевать эффекты торможения в темпах развития в корреляции с динамикой ВРП, занятости, деловой активности*.

География, инфраструктура и экономический потенциал регионов российско-китайского приграничья

Эмпирическая база исследования строится на сравнении двух групп регионов. Исходная посылка – принцип единства государственной политики в отношении приграничного сотрудничества, зафиксированный в перечне Министерства экономического развития РФ[3]. Согласно данному перечню, к приграничным субъектам, граничащим с дружественными странами, отнесены 27 регионов. Из них выделены шесть, имеющих границу с Китаем (Республика Алтай, Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская автономная область). Они составляют «целевую» группу. Остальные 21 регион (граничащие с Белоруссией, Абхазией, Казахстаном, Южной Осетией, Азербайджаном, Монголией, КНДР) образуют «контрольную» группу. Такое разделение необходимо для последующей оценки методом разности разностей: «контрольная» группа позволяет элиминировать общеэкономические тренды и выделить

[3] Перечень приграничных субъектов Российской Федерации. Развитие межрегионального и приграничного сотрудничества. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/file/download/9a4436e6e6049c8989585d53c7f7585d/perechen_prigranichnyh_subektov_rf.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

эффект, связанный именно с китайским направлением при условии параллельных трендов в допандемийный и досанкционный периоды.

Географические параметры групп различны. «Целевая» группа занимает 1,9 млн км² (11% территории РФ), протяженность ее границы с Китаем – около 4,4 тыс. км (20% всей сухопутной границы с дружественными странами). Численность населения соответствующих субъектов – 5,2 млн человек (3,5% от РФ), плотность крайне низка: от 1,6 человек/км² в Хабаровском крае до 11,0 человек/км² в Приморском крае (исключение – Республика Алтай с 92,9 человек/км²). «Контрольная» группа, напротив, охватывает 37,6 млн человек (25,7% населения РФ) при существенно более высокой плотности населения. Число пунктов пропуска в приграничных регионах РФ с Китаем составляет 35 единиц (22% от общего числа в приграничных регионах, граничащих с дружественными странами), включая пять воздушных пунктов пропуска, расположенных в аэропортах Горно-Алтайска, Читы, Владивостока, Хабаровска и Благовещенска. Восемь являются автомобильными, шесть – железнодорожными, 12 – морскими, один – речной, три – смешанными (с использованием двух и более видов транспорта). Большинство пунктов пропуска сосредоточено в Дальневосточном федеральном округе, многие оборудованы крупными мостовыми переходами (Благовещенск, Нижнеленинское), являются грузопассажирскими, многосторонними, постоянно действующими. Модернизация, реконструкция пограничных переходов осуществляется в рамках национального проекта «Эффективная транспортная система», федерального проекта «Пункты пропуска через государственную границу».

Динамику экономического роста регионов «целевой» группы можно оценить как сравнительно высокую (индекс физического объема ВРП на душу населения регионов (в % к предыдущему году) указанной группы на 1 января 2024 г. находился в границах 107,7% (Республика Алтай) – 119,8% (Амурская область), что существенно выше индекса по РФ в среднем (105,0%) (см. табл. 1) и показателей регионов «контрольной» группы (101,1 (Республика Бурятия) – 108,9% (Волгоградская область) (см. табл. 2).

Таким образом, относительно высокие темпы экономического роста в большинстве регионов «целевой» группы были достигнуты на фоне беспрецедентно низкой плотности и численности населения 5175,6 тыс. человек (3,5% численности населения РФ), относительно показателей в «контрольной» группе (численность населения 37 605,2 тыс. человек, 25,7% численности населения РФ).

Особенно важным представляется анализ темпов (индексов) роста ВРП на душу населения. Здесь мы видим, что:

– в 2022 г. по отношению к 2021 г. скорость роста в «целевой» группе регионов была выше, чем в «контрольной», при этом в трех регио-

Таблица 1

Социально-экономические показатели приграничных регионов РФ, граничащих с приграничными государствами, с которыми предусмотрено развитие сотрудничества* (граничащие с Китаем, «целевая» группа субъектов РФ)

Субъект РФ	Среднегодовая численность населения в 2024 г., тыс. человек	Плотность населения, человек/ км^2	Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения за 2021 г., % к 2020 г.	Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения за 2024 г., % к 2023 г.	Валовая добавленная стоимость по ВЭД «Транспортировка и хранение» в валовом региональном продукте в 2021 г., % в структуре	Валовая добавленная стоимость по ВЭД «Транспортировка и хранение» в валовом региональном продукте в 2024 г., %
РФ	146150,8	8,5	107,3	105,0	6,5	6,5
1. Республика Алтай	210,8	92,9	103,9	107,7	4,6	4,7
2. Забайкальский край	984,4	2,3	105,4	114,3	13,9	12,6
3. Приморский край	1806,4	11,0	107,2	108,8	18,7	18,3
4. Хабаровский край	1278,1	1,6	104,1	108,6	16,6	13,9
5. Амурская область	750,1	2,1	107,5	119,8	9,6	9,5
6. Еврейская автономная область	145,8	4,1	104,3	111,0	15,0	14,4

* Об усилении координации внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. Указ Президента РФ от 25 августа 2023 г. № 642. *https:*//www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407471848/ (дата обращения: 24.02.2026); Перечень приграничных субъектов Российской Федерации. Развитие межрегионального и приграничного сотрудничества. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/file/download/9a4436e6e6049c8989585d53c7f7585d/perechen_prigranichnyh_subektov_rf.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

Источник: рассчитано авторами по: «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024». Стат. сб. / Росстат. М., 2024. Официальный сайт Росстат. Национальные счета. Валовой региональный продукт. https://www.rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 15.01.2026).

Таблица 2

Социально-экономические показатели приграничных регионов РФ, граничащих с приграничными государствами, с которыми предусмотрено развитие сотрудничества* (кроме граничащих с Китаем, «контрольная» группа субъектов РФ)

Субъект РФ	Среднегодовая численность населения в 2024 г., тыс. человек	Плотность населения, человек, км^2	Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения за 2021 г., % к 2020 г.	Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения за 2024 г., % к 2023 г.
Российская Федерация	146150,8	8,5	107,3	105,0
1. Псковская область	581,1	10,5	101,6	106,8
2. Брянская область	1142,4	32,8	103,8	107,2
3. Смоленская область	864,0	17,3	105,0	108,6
4. Краснодарский край	5833,0	76,7	108,1	104,1
5. Астраханская область	946,4	21,5	96,7	104,5
6. Волгоградская область	2453,9	21,7	96,3	108,9
7. Республика Дагестан	3232,2	50,3	102,7	104,5
8. Карачаево-Черкесская Республика	468,3	64,3	106,5	107,5
9. Республика Северная Осетия-Алания	678,9	84,8	106,3	104,2
10. Оренбургская область	1828,7	14,7	102,0	106,9
11. Самарская область	3127,8	58,3	105,3	105,9
12. Саратовская область	2385,2	23,6	100,6	105,5
13. Курганская область	753,0	10,5	101,1	105,5
14. Тюменская область (без учета автономных округов)	1615,4	10,1	102,7	106,1
15. Челябинская область	3395,8	38,4	106,3	108,1
16. Республика Тыва	337,5	2,3	99,0	103,6
17. Алтайский край	2115,3	12,6	103,7	103,6
18. Новосибирская область	2789,5	15,7	107,8	103,6
19. Омская область	1818,1	12,9	101,4	102,9
20. Республика Бурятия	971,9	2,8	104,5	101,1

* Об усилении координации внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. Указ Президента РФ от 25 августа 2023 г. № 642. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407471848/ (дата обращения: 24.02.2026); Перечень приграничн-

ных субъектов Российской Федерации. Развитие межрегионального и приграничного сотрудничества. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/file/download/9a4436e6e6049c8989585d53c7f7585d/perechen_prigranichnyh_subektov_rf.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

Источник: рассчитано авторами по: «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024». Стат. сб. / Росстат. М., 2024.. Официальный сайт Росстат. Национальные счета. Валовой региональный продукт. https://www.rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 15.01.2026).

нах «контрольной» группы (Астраханской и Волгоградской областях, а также в Республике Тыве) наблюдалось некоторое сокращение размера ВРП на душу населения;

– в 2024 г. по отношению к 2023 г. индексы валового регионального продукта росли как в «контрольной» группе регионов, так и в «целевой», но скорость роста в «целевой» группе была выше;
– при этом темпы роста индекса ВРП на душу населения в 2024 г. по отношению к 2023 г. для всех регионов «целевой» группы и для большинства регионов «контрольной» группы (за исключением Краснодарского и Алтайского краев, Новосибирской области, Республик Бурятия и Северная Осетия – Алания) были выше, чем в 2022 г. по отношению к 2021 г. (в то время как в среднем по РФ они упали).

На основании этого можно сделать вывод, что *в течение указанного периода приграничные с Китаем регионы развивались более быстрыми темпами по сравнению с остальными приграничными регионами РФ.*

Роль транспорта в региональном развитии

Поскольку объектом нашего исследования является выяснение роли приграничной торговли в региональном развитии, то в качестве первого шага логично поставить вопрос о наличии связи между состоянием отрасли – в данном случае мы рассматриваем ВЭД «Транспортировка и хранение» – и динамикой регионального развития. Данные о значениях коэффициентов корреляции между значениями ВРП на душу населения и основными показателями, характеризующими состояние логистики для «целевой» и «контрольной» групп регионов, представлены в табл. 3.

Данные в табл. 3 определенно показывают наличие такой связи в целом за период (хотя в отдельные годы, например в 2024 г., динамика ВРП в значительной степени начинает зависеть от иных факторов), что в целом подтверждает обоснованность избранной темы исследования.

Однако доля валовой добавленной стоимости по ВЭД «Транспортировка и хранение» в ВРП в 2024 г. уменьшилась в сравнении с 2022 г.

Таблица 3

Динамика коэффициентов корреляции ВРП на душу населения с показателями транспортно-логистического обеспечения сотрудничества приграничных регионов с Китаем (2017–2024 гг.)

Независимая переменная (факторный признак)	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
в «целевой» группе регионов								
Инвестиции в основной капитал по ВЭД «Транспортировка и хранение»	0,341	0,373	0,824	0,738	0,748	0,488	0,506	–0,162
Удельный вес занятых в ВЭД «Транспортировка и хранение» в общей численности занятых	0,474	0,476	0,472	0,539	0,585	0,594	0,701	–0,862
Количество организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение»	0,639	0,630	0,722	0,640	0,638	0,730	0,623	–0,041
Оборот организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение»	0,749	0,695	0,780	0,707	0,666	0,744	0,635	–0,117
в «контрольной» группе регионов								
Инвестиции в основной капитал по ВЭД «Транспортировка и хранение»	0,909	0,828	0,666	0,799	0,626	0,664	0,864	0,591
Удельный вес занятых в ВЭД «Транспортировка и хранение» в общей численности занятых	0,579	0,517	0,485	0,515	0,464	0,433	0,458	0,482
Количество организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение»	0,521	0,486	0,486	0,528	0,516	0,517	0,524	0,571
Оборот организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение»	0,889	0,874	0,850	0,829	0,802	0,855	0,834	0.850

Источник: рассчитано авторами.

для всех регионов из «целевой» группы (за исключением Республики Алтай, где она возросла на 0,1%). Это может отражать две принципиально разные ситуации:

– либо приграничная торговля не выступала драйвером роста для остальных отраслей, и остальные отрасли росли быстрее «сами по себе», за счет других факторов;
– либо приграничная торговля росла сама и одновременно выступила чрезвычайно эффективным драйвером, мультипли-

катором для остальных отраслей: остальные отрасли росли настолько быстро (быстрее темпов роста собственно приграничной торговли), что доля валовой добавленной стоимости по ВЭД «Транспортировка и хранение» в ВРП в результате уменьшилась.

И теперь нам важно понять, какой же из вариантов имел место в действительности. То есть этот вывод подводит к необходимости выделить «чистые» эффекты, формируемые в развитии транспорта в ответ на шок санкционного давления, оценить их количественно, проверить нашу гипотезу о том, что резильентность транспорта к каузальному шоку в виде введенных в 2022 г. санкций явилась дополнительным источником экономического роста регионов целевой группы.

Трансформация грузопотоков

Перенаправление грузовых потоков в направлении Китая – ключевое эндогенное изменение, следствие санкционного шока – требует оценки российско-китайских товарных потоков. Выполненная в ходе структурно-динамического анализа указанная оценка привязана к особенностям транспортировки отдельных товарных групп. В отличие от классической номенклатуры (HS Code, ТН ВЭД) группировка экспортно-импортных потоков осуществлена по видам транспорта, релевантным для перевозки конкретных грузов, для последующей диагностики структуры нагрузки на разные элементы транспортной инфраструктуры приграничных регионов. На основе физических характеристик грузов (габариты, вес, срочность, объемно-весовые соотношения) выделены шесть товарных групп, каждая из которых тяготеет к определенному виду транспорта (см. табл. 4).

По данным табл. 4 видно, что объем внешнеторговых операций, реализуемых в исследуемых шести приграничных регионах, вырос за три года на 67,9%, соответственно, возросла и нагрузка на логистическую инфраструктуру. При этом имели место некоторые изменения в структуре грузопотоков. Так, импорт и экспорт росли в целом достаточно пропорционально, но рост импорта немного опережал рост экспорта (71% против 65,2%). А вот нагрузка на разные виды транспорта росла неравномерно. Загрузка крупнотоннажного (железнодорожного, морского и трубопроводного) транспорта увеличилась за этот период на 80,8%, в то время как объем автомобильных перевозок вырос «только» на 18,4%. В результате доля автомобильного транспорта во внешнеторговых операциях уменьшилась на 6,1% (для экспорта эти изменения составили 4,0%, для импорта – 8,7%); для крупнотоннажного транспорта структура перевозок изменилась зеркальным образом. Основной прирост экспорта крупнотоннажных грузов

Таблица 4

Динамика экспортно-импортных потоков РФ – Китай в 2021 и 2024 гг.

Наименование / товарная группа	Стоимость, млрд. долл.		Темп роста, %	Доля, %		Изменение доли, п.п.
	2021	2024		2021	2024	
Экспорт (РФ – Китай) всего	78,14	129,07	165,2	100	100	-
Крупнотоннажные (ж/д, морской, трубопроводный транспорт)	66,53	115,07	173,0	85,1	89,2	4,0
Автомобильные перевозки	11,62	14,00	120,5	14,9	10,8	-4,0
Импорт (Китай – РФ) всего	67,55	115,50	171,0	100	100	-
Крупнотоннажные (ж/д, морской, трубопроводный транспорт)	*48,98*	*93,78*	*191,4*	*72,5*	*81,2*	*8,7*
Автомобильные перевозки	*18,57*	*21,73*	*117,0*	*27,5*	*18,8*	*-8,7*
Внешняя торговля всего	145,69	244,57	167,9	100	100	
Крупнотоннажные (ж/д, морской, трубопроводный транспорт)	115,51	208,85	180,8	79,3	85,4	6,1
Автомобильные перевозки	30,19	35,73	118,4	20,7	14,6	-6,1

Источник: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=5%7c156%7c%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 26.01.2026).

обеспечила группа «Минеральное, углеводородное сырье, химическая продукция» – ее доля увеличилась на 6,3 п. п., достигнув 81,6% всего экспорта. Абсолютный рост этой группы составил 46,5 млрд долл. (179,1%). Ключевой фактор увеличения крупнотоннажного импортного потока – рост группы «Продукция машиностроения»: ее доля поднялась с 52,9% до 63,0% (+10,1 п. п.), абсолютный прирост составил 37,0 млрд долл. (203,7%).

Таким образом, несмотря на формальное сокращение доли автотранспортных грузов, их абсолютный рост (особенно в экспорте – на 20,5%, в импорте – на 17,0%) создает дополнительную *нагрузку* на автомобильную сеть регионов, граничащих с Китаем (прирост грузооборота автомобильного транспорта в расчете на 1 км плотности автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием составил за период 2017–2024 гг. 40,7%) (см. табл. 4). Одновременно опережающий рост крупнотоннажных грузов, как в экспортном, так и в импортном направлениях, предъявляет повышенные требования к пропускной способности железнодорожных переходов (Забайкальск, Гродеково, Нижнеленинское), портовой инфраструктуры Дальнего Востока и трубопроводной системы до такого уровня, что

ОАО «РЖД», в соответствии с Правилами недискриминационного доступа перевозчиков к инфраструктуре железнодорожного транспорта, грузоотправителей к услуге по перевозке, регулярно публикует перечень направлений движения поездов по инфраструктуре общего пользования с ограниченной пропускной и провозной способностью[4], в который входят маршруты международного сообщения через железнодорожные станции Петровский Завод (Забайкальский край), Архара (Амурская область), через межгосударственные железнодорожные стыковые пункты на границе с Китаем (Михайлово-Семеновская (Нижнеленинское) – Тунцзян (Еврейская автономная область), в Приморской крае Гродеково – Суйфэньхэ, Камышовая (Махалино) – Хуньчунь, Ванино-Совгаванский железнодорожный узел[5].

Разнородная нагрузка – сырьевой экспорт, требующий железной дороги, и импорт сложной техники, также тяготеющий к железной дороге, плюс растущие объемы автотранспортных грузов – формирует предпосылки для возникновения «узких мест» в тех звеньях транспортной системы, которые развиваются неравномерно.

Развитие транспортной инфраструктуры

Теперь попытаемся понять, каким образом, т. е. за счет каких ресурсов, имел место такой быстрый рост приграничной торговли, какие изменения произошли в состоянии транспортного комплекса. Для этого проведем сравнительный анализ динамики ключевых показателей в «целевой» группе регионов (граничащих с Китаем) и «контрольной» группе (иных приграничных субъектов РФ). Сопоставление охватывает инфраструктурное развитие, инвестиции, занятость, деловую активность и транспортную работу (см. табл. 5).

Сначала проанализируем состояние отрасли в регионах, граничащих с Китаем.

---

[4] Правила недискриминационного доступа перевозчиков к инфраструктуре железнодорожного транспорта общего пользования, грузоотправителей к услуге по перевозке грузов железнодорожным транспортом общего пользования. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.05.2024 г. № 680. О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2003 г. № 710. http://government.ru/docs/all/153621/ (дата обращения: 02.04.2026).

[5] Направления движения поездов по железнодорожной инфраструктуре общего пользования с ограниченной пропускной способностью. Официальный сайт РЖД-Партнер. https://www.rzd–partner.ru/zhd–transport/news/rzhd–opublikovali–perechen–napravleniy–s–ogranichennoy–propusknoy–sposobnostyu/ (дата обращения: 02.04.2026).

Таблица 5

Сравнительный анализ транспортно-логистического обеспечения сотрудничества регионов РФ, граничащих с Китаем, с регионами РФ, граничащих с другими приграничными государствами, с которыми предусмотрено развитие сотрудничества

Группа регионов	2017	2021	2024	Темп роста 2024 к 2017 г., %	Темп роста за 2024 к 2021 г., %
Удельный вес занятых в ВЭД «Транспортировка и хранение» в общей численности занятых, %					
Е*	9,7	10,6	10,5	1,08	0,99
С	7,6	8,1	8,2	1,08	1,01
Инвестиции в основной капитал по ВЭД «Транспортировка и хранение», млрд руб.					
Е	167,7	142,5	242,5	1,45	1,70
С	308,7	275,10	572,50	1,85	2,08
Стоимость основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение», млрд руб.					
Е	3184	5823	8259	2,59	1,42
С	17944	28594	40167	2,24	1,40
Удельный вес основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение» в структуре общего объема основных фондов, %					
Е	28	26,7	25,5	0,91	0,96
С	22,6	20,1	19,6	0,87	0,98
Ввод в действие основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение», млрд руб.					
Е	66,5	280,3	612,10	9,20	2,18
С	444,90	506,30	747,00	1,68	1,48
Удельный вес ввода основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение» в структуре общего ввода основных фондов, %					
Е	22,6	36,8	37,3	1,65	1,01
С	11,4	9,3	10,2	0,89	1,10
Число организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение», тыс. ед. на конец года					
Е	13,2	11,3	12,2	0,92	1,08
С	58,4	49,9	49,5	0,85	0,99
Оборот организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение», млрд. руб.					
Е	544,70	839,20	1 400,00	2,57	1,67
С	2 623,40	3 388,90	5 125,40	1,95	1,51

Окончание табл. 5

Группа регионов	2017	2021	2024	Темп роста 2024 к 2017 г., %	Темп роста за 2024 к 2021 г., %
Плотность железнодорожных путей общего пользования, км путей на 10 000 км^2 территории					
Е	50,8	50,8	50,9	1,00	1,00
С	68,8	69,2	69,2	1,01	1,00
Плотность автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием, км дорог на 10 000 км^2 территории					
Е	119,8	124,9	128,9	1,08	1,03
С	597,2	604,5	608,4	1,02	1,01
Перевозки грузов автомобильным транспортом, млн т					
Е	85,9	78,9	93,2	1,08	1,18
С	582,00	373,3	379,8	0,65	1,02
Грузооборот автомобильного транспорта, млн т-км					
Е	2268	2664	3434	1,51	1,29
С	36186	39071	45947	1,27	1,18
Количество грузовых автомобилей в организациях всех ВЭД, шт.					
Е	23707	28955	30249	1,28	1,04
С	161113	157311	165041	1,02	1,05

* Е – приграничные, граничащие с Китаем, С – приграничные, кроме граничащих с Китаем.

Источник: рассчитано авторами по данным Единой межведомственной информационно – статистической системы (ЕМИСС) Росстат. https://www.rosstat.gov.ru/databases (дата обращения: 15.01.2026).

Оборот организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение» вырос за указанный период на 67%, что весьма точно соответствует росту внешнеторговых операций (на 67,9%). Для того чтобы обеспечить такой значительный прирост объема операций, инвестиции в основной капитал выросли на 70%, в то время как прирост основных фондов составил 42%. Это означает, что основные фонды использовались гораздо более интенсивно (на 18% интенсивнее), чем ранее.

Куда направлялись инвестиции?

1. Число организаций увеличилось за этот период только на 8% – то есть это были вложения преимущественно в существующие компании, а не в создание новых компаний: бизнес делал ставку на укрупнение организаций.

2. Удельный вес занятых даже немного сократился (на 0,1%). То есть расширения штата практически не наблюдалось, весь прирост операций имел место при практически том же штате. Это означает, что имело место либо повышение интенсивности, либо рост производительности труда, а скорее всего, сочетание и того, и другого.

3. Железнодорожная сеть осталась без изменений, плотность автодорог увеличилась на 3%. Автопарк увеличился на 4%. То есть и железные дороги, и автодороги, и автомобили стали использоваться намного более интенсивно. В частности, дальность перевозок автомобильным транспортом возросла на 9,3%.

Из этого следует, что основные вложения в приграничных с Китаем регионах осуществлялись собственно в логистику – в терминалы, осуществляющие перевалку и временное хранение.

Теперь сравним ситуацию в «целевой» группе регионов с приграничными регионами, не граничащими с Китаем.

Оценка изменения ключевых показателей в «целевой» группе регионов (Е – граничащие с Китаем) в сопоставлении с «контрольной» группой (С – иные приграничные регионы) за 2017–2024 гг. *выявила разнонаправленные тренды*. Так, опережающее *развитие инфраструктуры* достигнуто по сети автомобильных дорог (107,6% в группе Е, 101,9% в группе С). Темпы роста плотности железнодорожных путей общего пользования в «целевой» группе формально отставали от «контрольной» (100,2% в группе Е, 100,6% в группе С), однако, по сути, мы можем констатировать, что и там, и там строительство железнодорожных путей не велось. *Инвестиционное развитие* характеризуется опережающими темпами роста стоимости основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение» (259,4% в группе Е, 223,8% в группе С), более чем 9-ти кратный рост ввода в действие основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение» в группе Е (167,9% в группе С), рост удельного веса ввода основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение», достигающий в группе Е 37,3% (10,2% в группе С), рост количества грузовых автомобилей (127,6% в группе Е, 102,4% в группе С) свидетельствуют о высокой приоритетности инвестирования в обновление основных фондов, в автотранспортную технику в регионах РФ, граничащих с Китаем. Опережение темпов роста *занятости и деловой активности* (числа и оборота организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение» в «целевой» группе) интерпретируется как укрепление транспортно-логистического обеспечения сотрудничества приграничных регионов с Китаем в компоненте социального, производственного развития. Существенное опережение в «целевой» группе регионов достигнуто в *объемах транспортной работы* (рост перевозок грузов автомобильным транспортом в группы Е достиг за период 108,5%, в группе С наблюдалось снижение до 65,3%; рост грузооборота составлял, соответственно, 151,4 и 127,0%).

Сравнительный анализ показал, что по всем исследуемым параметрам, за исключением показателя инвестиций в основной капитал, в 2017–2024 гг. развитие логистики в приграничных с Китаем регионах, характеризовалось более быстрыми темпами по сравнению с остальными приграничными регионами.

Оценка влияния санкционного шока: сравнение данных «до» и «после»

Санкционное давление начиная с 2022 г. стало точкой каузального шока для транспортно-логистического обеспечения российско-китайского приграничья. Если в 2014–2021 гг. секторальные ограничения лишь создавали предпосылки для переориентации товарных потоков на восток, то всеобъемлющие санкции 2022 г. изменили логистические цепочки фундаментально. Маршруты грузовых потоков перестроились, требования к инфраструктурному обеспечению возросли, а сотрудничество с Китаем получило статус стратегического приоритета. Однако, как будет показано ниже, этот внешний импульс привел к разнонаправленным последствиям: наряду с ускорением в отдельных сферах сформировались устойчивые эффекты торможения, изменившие пропорции развития транспортной системы и создавшие новые зоны дисбаланса.

Для количественной оценки влияния санкционного шока использован метод разности разностей (*Difference-in-Differences*, *DiD*). Сопоставление динамики показателей в целевой группе (регионы, граничащие с Китаем) и контрольной группе (иные приграничные субъекты РФ) за периоды «до» (2021 г.) и «после» (2024 г.) позволяет выделить чистый эффект, связанный именно с китайским направлением по сравнению с остальными приграничными регионами.

Методика получения статистически достоверных DiD-оценок сопряжена с необходимостью перестраивать стандартные для экономико-статистического анализа цепные и базисные ряды динамики (см. табл. 5) в интервальные ряды, с равным временным «плечом» данных, для чего по абсолютным показателям развития транспортно-логистического обеспечения были рассчитаны две группы темпов роста: 2021 к 2018 г. характеризует динамику на интервале «до» санкционного шока, 2024 к 2021 г. – динамику на интервале «после» санкционного шока (показатели, представленные в относительных значениях (удельные веса, плотности) включаются в DiD-оценки в их значениях, соответственно, за 2021 и 2024 гг.). Именно разница показателей динамики, приведенных к равным временным интервалам, позволяет получить количественную оценку шока 2022 г. в виде «эффекта ускорения/торможения» (ATE) (см. табл. 6).

Для того чтобы понять, как описанные эффекты отражаются на роли транспорта в региональной экономике, применена стандартная для такого рода задач спецификация модели разности разностей. Оценка строится на уравнении:

Таблица 6

Оценка «эффектов ускорения/торможения», формируемых в транспортно-логистическом обеспечении сотрудничества приграничных регионов РФ с Китаем в 2024 г. (по сравнению с 2021 г.)

Показатели	Приграничные регионы РФ, граничащие с Китаем (E)			Приграничные районы РФ, кроме граничащих с Китаем) (C)			«Эффекты ускорения/торможения» (ATE)
	2021 г.*	2024 г.**	Разница в целевой группе	2021 г.*	2024 г.**	Разница в контрольной группе	
Удельный вес занятых в ВЭД «Транспортировка и хранение» в общей численности занятых, %	10,6	10,5	–0,1	8,1	8,2	0,1	–0,2
Трехлетние темпы роста инвестиций в основной капитал по ВЭД «Транспортировка и хранение», %	85,0	170,2	85,2	93,4	208,1	114,7	–29,5
Трехлетние темпы роста стоимости основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение», %	147,8	141,8	–6,0	143,7	140,5	–3,2	–2,8
Удельный вес основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение» в структуре общего объема основных фондов, %	26,7	25,5	–1,2	20,1	19,6	–0,5	–0,7
Трехлетние темпы роста ввода в действие основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение», %	294,1	218,4	–75,7	100,2	147,5	47,3	–123,0
Удельный вес ввода основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение» в структуре общего ввода основных фондов, %	36,8	37,3	0,5	9,3	10,2	0,9	–0,4
Трехлетние темпы роста числа организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение», %	88,3	108,0	19,7	86,9	99,2	12,3	7,4

Окончание табл. 6

Показатели	Приграничные регионы РФ, граничащие с Китаем (Е)			Приграничные районы РФ, кроме граничащих с Китаем) (С)			«Эффекты ускорения/ торможения» (АТЕ)
	2021 г.*	2024 г.**	Разница в целевой группе	2021 г.*	2024 г.**	Разница в контрольной группе	
Трехлетние темпы роста оборота организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение», %	138,6	166,8	28,2	119,5	151,2	31,7	–3,5
Плотность железнодорожных путей общего пользования, км путей на 10000 км^2 территории	50,8	50,9	0,1	69,2	69,2	0,0	0,1
Плотность автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием, км путей на 10000 км^2 территории	124,9	128,9	4,0	604,5	608,4	3,9	0,1
Трехлетние темпы роста перевозок грузов автомобильным транспортом, %	93,8	118,1	24,3	72,0	101,7	29,7	–5,4
Трехлетние темпы роста грузооборота автомобильного транспорта, %	125,9	128,9	3,0	98,2	117,6	19,4	–16,4
Трехлетние темпы роста количества грузовых автомобилей в организациях всех ВЭД, %	143,4	104,5	–38,9	99,7	104,9	5,2	–44,1

* для показателей удельных весов используется значение 2021 г. (%), для темпов роста – значения на 3-х летнем интервале (отношение 2021 к 2018 г. (%)).

** для показателей удельных весов используется значение 2024 г. (%), для темпов роста – значение на 3-х летнем интервале (отношение 2024 к 2021 г. (%)).

Источник: рассчитано авторами по данным предыдущих таблиц.

$$Y_{it} = \beta_0 + \beta_1 * Post_t + \beta_2 * Treat_i + \beta_3 * (Post_t * Treat_i) + \varepsilon_{it} \quad (1)$$

где: Y_{it} – рассматриваемый показатель транспортно-логистического обеспечения в группе регионов i в момент времени t; β_0 – средний уровень показателя для контрольной группы «до» изменения условий; β_1 – исходный разрыв, отличие «целевой» группы от «контрольной» до шока – введения санкций; $Post_t$ – фиктивная переменная периода (1 – 2024 г., 0 – 2021 г.); β_2 – изменение результата в «контрольной» группе; $Treat_i$ – фиктивная переменная принадлежности к целевой группе (1 – целевая, 0 – контрольная); β_3 – эффект санкционного шока для целевой группы; ε_{it} – случайная ошибка.

При наличии агрегированных средних значений коэффициент β_3 численно равен:

$$\beta_3 = (YE,2024 - YE,2021) - (YC,2024 - YC,2021) \quad (2)$$

Самостоятельный аналитический смысл в эконометрической спецификации модели *DiD* имеют: а) произведение ($Post_t$ * $Treat_i$) – переменная-индикатор, которая принимает значение 1 только в ситуации «целевая» группа «после» воздействия; во всех остальных случаях она равна 0; б) коэффициент β_3, количественно оценивающий «эффект ускорения/торможения» в 2024 г. по сравнению с 2021 г., интерпретируемый как дополнительное изменение показателя в «целевой» группе относительно «контрольной» после введения в 2022 г. фронтальных санкций. Рассчитанные стандартными средствами *Excel* в эконометрической спецификации модели *DiD* значения коэффициентов β_3 подтверждают выводы, сформулированные при использовании дескриптивно-аналитической модели, что объясняется строгостью статистической выборки показателей, характеризующих уровень и динамику транспортно-логистического обеспечения (см. табл. 7).

Таким образом, если в предыдущем пункте мы анализировали общую динамику с 2017 по 2024 г., то проведенные при помощи «метода разности разностей» на базе двух периодов (2021 г. к 2018 г.– «досанкционного» и 2024 г. к 2021 г. – «санкционного») расчеты позволят нам сравнить динамику развития двух групп приграничных регионов (граничащих и не граничащих с Китаем).

Кроме того, следует сделать терминологическую оговорку. Результатом использования метода разности разностей является оценка «эффекта торможения/ускорения» (ATE – *average treatment effect).* В нашем случае эта оценка носит относительный, а не абсолютный характер. То есть если значение ATE для какого-то показателя имеет отрицательный знак, то это не значит, что мы наблюдаем торможение

Таблица 7

Распределение «эффектов ускорения/торможения» в разрезе направлений укрепления транспортно–логистического обеспечения сотрудничества приграничных регионов РФ с Китаем в 2024 г. по сравнению с 2021 г. (с помощью эконометрической спецификации модели *DiD*)

Показатель	β_3 (*DiD*)
Инвестиционное развитие	
Рост ввода основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение»	–123,0
Рост числа грузовых автомобилей	–44,1
Рост инвестиций в основной капитал по ВЭД «Транспортировка и хранение»	–29,5
Рост стоимости основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение»	–2,8
Удельный вес основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение»	–0,7
Удельный вес ввода основных фондов по ВЭД «Транспортировка и хранение»	–0,4
Инфраструктурное развитие	
Плотность железнодорожных путей общего пользования	+0,1
Плотность автодорог с усовершенствованным покрытием	+0,1
Занятость	
Удельный вес занятых по ВЭД «Транспортировка и хранение»	–0,2
Деловая активность	
Рост числа организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение»	+7,4
Рост оборота организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение»	–3,5
Транспортная работа	
Рост перевозок грузов автомобильным транспортом	–5,4
Рост грузооборота автомобильного транспорта	–16,4

Источник: рассчитано авторами.

некоторого феномена в экономике, описываемого данным показателем. Для понимания фактической динамики показателя нужно обратиться к реальным данным (в нашем случае – к данным табл. 5). Отрицательный знак ATE означает лишь, что значение данного показателя росло медленнее в целевой группе регионов по сравнению с контрольной группой.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Прежде всего, по данным табл. 6 видно, что значения ATE оказались положительными лишь по трем показателям: темпы роста числа организаций в сфере транспорта (+7,4), плотность железнодорожных путей (+0,1), плотность автомобильных дорог (+0,1). При этом два последних коэффициента близки к нулю, что указывает на отсутствие значимых структурных изменений в инфраструктурном развитии для обоих групп регионов. То есть опережающими темпами в дальневосточной группе регионов (по сравнению с другими приграничными регионами) росло лишь число организаций.

По всем остальным показателям значения ATE оказались отрицательными. Самые заметные отрицательные значения ATE получены по вводу основных фондов (–123,0), числу грузовых автомобилей (–44,1), инвестициям в основной капитал (–29,5), грузообороту автомобильного транспорта (–16,4), а также по обороту организаций (–3,5). Это означает, что после 2022 г. регионы, граничащие с Китаем, несмотря на задекларированный приоритет восточного вектора, обновляли основной капитал медленнее, чем сопоставимые приграничные территории, и наращивали инвестиции и автопарк более низкими темпами. Уже существовавшее до 2022 г. отставание по инвестициям оказалось закреплено и даже усилено (ATE = –29,5), а прирост ввода основных фондов, оставаясь положительным в абсолютном выражении, не поспевает за динамикой в контрольной группе.

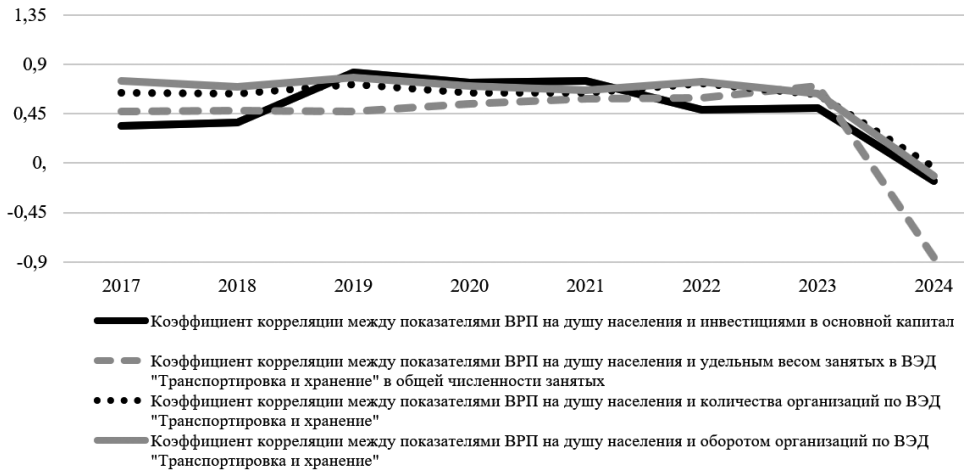
В предыдущем пункте мы выяснили, что транспортная отрасль в приграничных с Китаем регионах развивалась чрезвычайно быстро (оборот организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение» за период с 2021 по 2024 г. вырос на 67%). И при этом по большинству исследуемых показателей значения ATE имеют отрицательные значения. Это означает, что в приграничных регионах, не граничащих с Китаем, транспортная отрасль развивалась еще быстрее.

В частности, количественные оценки «эффектов ускорения/торможения», полученные и в дескриптивно-аналитической, и в регрессионной модели *DiD* свидетельствуют о неоднозначности направлений укрепления транспортно-логистического обеспечения сотрудничества приграничных регионов РФ с Китаем. «Эффект ускорения» по темпам роста числа организаций может отражать институциональную активизацию, расширение предпринимательской базы в ВЭД «Транспортировка и хранение», «эффект торможения» в росте оборота указанных организаций – не развитый спрос, приводящий к рискам низкой экономической эффективности автомобильных перевозчиков. Минимальные положительные значения «эффектов ускорения» инфраструктурных показателей могут указывать на отсутствие значимых структурных изменений. «Эффекты торможения» в инвестиционном

блоке могут быть связаны с перенаправлением инвестиционных потоков за рамки транспортно-логистической стратегии, в автотранспортной работе – с низкой привлекательностью услуг, с проблемами их тарификации. Это говорит о том, что не достигнуто пропорциональное развитие в самом транспортно-логистическом комплексе, *рост трансграничных товаропотоков происходил, по сути, за счет увеличения экстенсивности использования существующих транспортных мощностей, даже без пропорционального роста самого транспортно-логистического потенциала.* И это важный вывод в подтверждение гипотезы «сжатия» роли транспорта как драйвера регионального развития, причем граница указанного «сжатия» сдвигается в зону инструментальной функции транспорта, определенной в исследовании как обеспечение транзита экспортно-импортных потоков через территорию регионов российско-китайского приграничья.

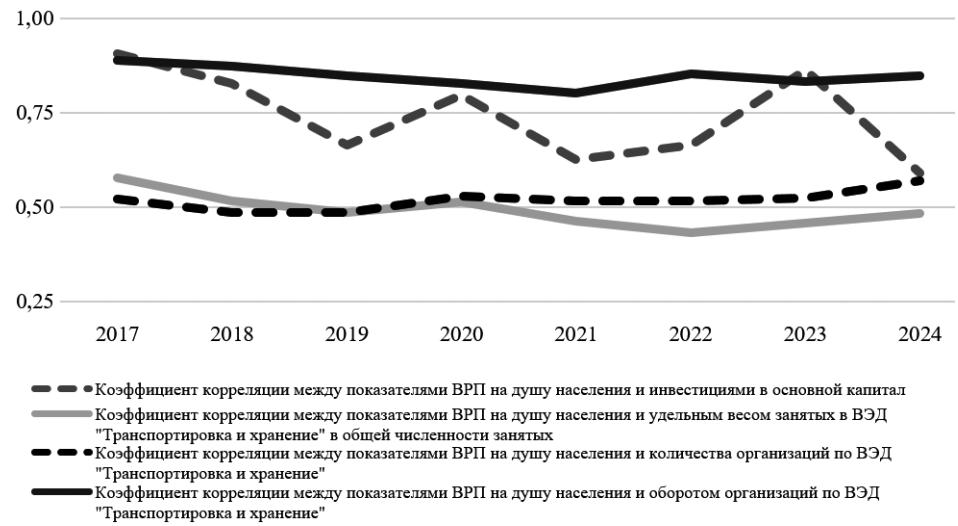
Кроме того, следует отдельно указать на целесообразность показателей «количество грузовых автомобилей в организациях всех ВЭД» и «грузооборот автомобильного транспорта» в контексте получаемых DiD-оценок. Каждый показатель по отдельности может слабо отражать состояние, динамику развития автотранспортного сегмента, но в совокупности может давать репрезентативную картину дальних автомобильных перевозок, их роли в региональном развитии. Организация перевозок в экспортных и импортных направлениях строится на парке дальнемагистральных грузовых автомобилей, как зарегистрированных, так и фактически находящихся в регионе. Статистика фиксирует первую группу, количество автомобилей в которой отражает региональный потенциал перевозок на дальние расстояния, необходимый для обеспечения экспортно-импортных потоков.

В целевой группе регионов в 2024 г. (см. данные рис. 1 и 2) существенно ослабло влияние транспортно-логистического обеспечения приграничного сотрудничества с Китаем на региональное развитие, рост ВРП на душу населения все в меньшей степени был зависим от показателей инвестиций в основной капитал, удельного веса занятых, количества и оборота организаций по ВЭД «Транспортировка и хранение». Очевидным выводом является утверждение, что негативные последствия указанного влияния были сформированы «эффектами торможения», совокупность которых привела к «сжатию» как роли транспорта в качестве драйвера экономического развития, так и его базовой инструментальной функции обеспечивать транзитные экспортно-импортные перевозки. Корреляция экономического роста в регионах целевой группы, измеренного показателем ВРП на душу населения, с занятостью, количеством и оборотом организаций (оказывают прямое краткосрочное влияние на региональное развитие), с инвестициями в основной капитал по ВЭД «Транспортировка и хра-

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 1. Коэффициенты корреляции ВРП на душу населения с показателями транспортно–логистического обеспечения сотрудничества приграничных регионов с Китаем в «целевой» группе регионов

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 2. Коэффициенты корреляции ВРП на душу населения с показателями транспортно–логистического обеспечения сотрудничества приграничных регионов с Китаем в «контрольной» группе регионов

нение» (оказывает влияние на уровне долгосрочных перспектив) была тесной до 2023 г. и существенно ослабла в 2024 г. (чего не произошло в регионах «контрольной» группы). Негативные выводы по результатам количественных оценок сводятся к тому, что новые транспортные

коридоры в российско-китайском приграничье явились ответом на каузальный шок санкционного давления и на первоначальном этапе сформировали дополнительный импульс для регионального развития за счет «эффектов ускорения», который, однако, под грузом «эффектов торможения» исчерпал свой потенциал в 2024 г.

В целом результаты DiD-оценки позволяют заключить, что санкционное давление и связанный с ним переход к стратегии ускоренного приграничного сотрудничества РФ с Китаем в транспортно-логистическом обеспечении не сопровождался системным опережающим ростом ключевых показателей в «целевой» группе регионов по сравнению с «контрольной», положительный эффект носил локальный характер.

Заключение

Проведенное исследование показало, что российско-китайское приграничье после санкционного шока 2022 г. оказалось ближе к статусу «транспортной периферии», чем к устойчиво функционирующим «воротам в Азию». Рост транзитного потока не превратился в системный стимул, вызывающий эффект ускорения для развития экономик приграничных регионов, вследствие чего факторная роль транспорта и логистики как детерминанты регионального развития была «сжата» доминированием инструментальной функции обеспечения транзита.

При этом импульс, созданный санкционным шоком, сформировал асимметричную конфигурацию транспортного развития: несмотря на значимый рост объемов экспортно-импортных грузопотоков и транспортной работы по направлению Россия–Китай, динамика инвестиций, обновления основных фондов и занятости в транспортно-логистическом секторе «целевой» группы регионов отставала от «контрольной» группы иных приграничных субъектов РФ. Другими словами, рост нагрузки на инфраструктуру происходил быстрее, чем расширение ее пропускной способности и интеграция транспортной системы в региональное развитие. Полученные по результатам исследования DiD-оценки указывают на разрыв между инструментальной функцией и ролью драйвера, реализуемых транспортом и логистикой в экономическом развитии регионов российско-китайского приграничья, который увеличивается по мере генерации системой «эффектов торможения». Несмотря на то что санкционный шок переориентировал внешнеторговые потоки на восточное направление и ускорил выполнение инструментальной функции, он ослабил каналы трансляции транспортного роста в показатели ВРП на душу населения. Ослабление, а в ряде случаев инверсия корреляционных связей между транспортно-логистическими показателями и региональной динамикой указывают на то, что транспорт перестал

выполнять роль драйвера роста, выполняя функцию высоконагруженного транзитного коридора.

Авторы считают, что полученные результаты требуют и пересмотра ряда теоретических конструкций. Так, концепция «границы как ресурса» в таких условиях не реализуется автоматически, поскольку без целенаправленного институционального и инвестиционного сопровождения ресурсная функция границы не раскрывается, а наоборот, усиливается ее барьерный и фильтрующий характер. Включенность в крупномасштабный товарообмен и наличие модернизируемых погранпереходов сами по себе не гарантируют преодоления периферийности. Риск закрепления за территориями роли «транспортных коридоров без развития» высок, если транспортная политика не увязана с задачами диверсификации экономики и формирования локальных цепочек добавленной стоимости.

«Эффект торможения» по инвестиционным показателям и параметрам автотранспортной работы свидетельствует о перераспределении ограниченных ресурсов в пользу решения задачи физического пропуска грузов. Это привело к отсрочке структурных решений по расширению железнодорожной сети. Сочетание локальных «эффектов ускорения» (рост числа организаций) с доминирующими «эффектами торможения» (инвестиции, ввод основных фондов, грузооборот) указывает на институциональную фрагментацию транспортного рынка и недостаток крупных системных операторов.

Полученные методом DiD оценки, которые интерпретируются в плоскости динамических эффектов (ускорения/торможения), «сжатия» функций, выполняемых отраслевым комплексом в региональном развитии, по мнению авторов, расширяют эмпирические основы теории экономической динамики, построения моделей экономических кризисов на территориальном уровне.

С практической точки зрения результаты исследования требуют пересмотра приоритетов транспортной и региональной политики в российско-китайском приграничье. Усиление роли приграничных регионов как «ворот в Азию» предполагает не только наращивание пропускной способности пограничных переходов, но и выстраивание связки «коридор – региональная экономика» через выборочные инвестиции в элементы транспортно-логистической системы с наибольшим потенциалом «эффектов ускорения». Приоритетными направлениями являются автотранспортная инфраструктура, но также интеграция портов и терминалов с промышленными кластерами, развитие логистических центров, ориентированных на внутрирегиональные потоки.

Теоретически проведенный анализ уточняет границы применимости допущения об автоматической трансляции инструментальной функции отраслевых комплексов в роль драйвера регионального развития. В условиях внешних шоков и институциональной неопределен-

ности транспортная система может не усиливать, а ограничивать возможности приграничных территорий, если рост транзита не сопровождается расширением локальных рынков труда, спроса на услуги и увеличением возможностей включения местного бизнеса в трансграничные цепочки. На наш взгляд, соотношение «коридор – ворота» должно рассматриваться не как статическое свойство территории, а как результат конфигурации политики, институтов и инвестиционных решений.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Осипов В.С.* Политическая экономия санкций: предмет и метод // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 2. С. 102–115. [*Osipov V.S.* Political Economy of Sanctions: Subject and Method // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 2. Pp. 102–115. (In Russ.).] EDN: TPKNTN.
2. *Земцов С.П., Волошинская А.А.* Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 54–83. [*Zemtsov S.P., Voloshinskaya A.A.* Russian Regional Resilience under Sanctions // Journal of the New Economic Association. 2024. No. 3 (64). Pp. 54–83. (In Russ.).] DOI: 10.31737/22212264_2024_3_54–83. EDN: RXIDCD.
3. *Van Houtum H., Van der Velde M.* The power of cross-border labour market immobility // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. 2004. Vol. 95. No. 1. Pp. 100–107. DOI: 10.1111/j.0040–747X.2004.00296.x
4. *Scott J.W.* Constructing familiarity in Finnish–Russian Karelia: Shifting uses of history and the re–interpretation of regions // European Planning Studies. 2013. Vol. 21. No. 1. Pp. 75–92. DOI: 10.1080/09654313.2012.716240.
5. *Lundén T.* On the boundary: about humans at the end of territory. Södertörns högskola, 2004.
6. *Иоахим Б.* Трансграничное сотрудничество: вызовы и перспективы для горизонтального измерения европейской интеграции // Управленческое консультирование. 2018. № 1 (109). С. 56–62. [*Joachim B.* Cross–Border Cooperation: Challenges and Perspectives for the Horizontal Dimension of European Integration // Administrative Consulting. 2018. No. 1 (109). Pp. 56–62. (In Russ.).] DOI: 10.22394/1726–1139–2018–1–560–62. EDN0: YUDHDC.
7. *Faludi A.* Centenary paper: European spatial planning: past, present and future // Town Planning Review. 2010. Vol. 81. No 1. Pp. 1–22. DOI: 10.3828/tpr.2009.21
8. *Capello R.* Cohesion policies and the creation of a European identity: The role of territorial identity // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2018. Vol. 56. No. 3. Pp. 489–503. DOI: 10.1111/jcms.12611.
9. *Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б.* Барьерная функция российских границ // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 5. С. 8–20. [*Kolosov V.A., Zotova M.V., Sebentsov A.B.* Barrier Function of Russian Borders // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2016. No. 5. Pp. 8–20. (In Russ.).] DOI: 10.15356/0373–2444–2016–5–8–20. EDN: WLWYGT.
10. *Bezrukov L.A., Vorobyev N.V., Emelyanova N.V. et al.* The Trans–Siberian transport corridor and development of urban agglomerations // Environmental transformation

and sustainable development in the Asian region. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2020 International Online Conference on Environmental Transformation and Sustainable Development in Asian Region, EnTransAsia 2020. IOP Publishing Ltd, 2021. P. 012034. EDN: VDMOUO.

11. *Lapenko M.V.* Kazakh–Russian Border in the Context of the Coronavirus Disease (COVID-19) // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2021. No. 4 (137). Pp. 163–171. DOI: 10.32523/2616–6887/2021–137–4–163–171. EDN: LHLZNW.
12. *Бардаль А.Б.* Транспортная система Дальневосточного федерального округа: современное состояние и перспективы восточного полигона железных дорог // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 3. С. 21–31. [*Bardal A.B.* The Transport System of the Far Eastern Federal District: Current State and Prospects of the Eastern Railway Range // Regionalistics. 2021. Vol. 8. No. 3. Pp. 21–31. (In Russ.).] DOI: 10.14530/reg.2021.3.21. EDN: AZBSZC.
13. *Бардаль А.Б.* Транспортный комплекс Дальнего Востока: национальные и локальные задачи // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 6. С. 53–67. [*Bardal A.B.* Transport Complex of the Far East: National and Local Tasks // Regionalistics. 2021. Vol. 8. No. 6. Pp. 53–67. (In Russ.).] DOI: 10.14530/reg.2021.6.53. EDN: JGIFOG.
14. *Хмелева Г.А., Скреблов Н.И.* Глобальная конкурентоспособность регионов России: методика оценки в условиях стратегических вызовов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 2. С. 298–315. [*Khmeleva G.A., Skreblov N.I.* Global Competitiveness of Russian Regions: Assessment Methodology in the Context of Strategic Challenges // MIR (Modernization. Innovation. Research). 2025. Vol. 16. No. 2. Pp. 298–315. (In Russ.).] DOI: 10.18184/2079–4665.2025.16.2.298–315. EDN: DTICYQ.
15. *Епифанова Н.С.* Приграничные регионы в контексте теорий размещения // Государственная служба. 2023. Т. 25. № 3 (143). С. 31–37. [*Epifanova N.S.* Border Regions in the Context of Location Theories // Public Administration. 2023. Vol. 25. No. 3 (143). Pp. 31–37. (In Russ.).] DOI: 10.22394/2070–8378–2023–25–3–31–37. EDN: PXLUHE.
16. *Лазарева В.В., Власова Н.Ю.* Дифференцированный подход как ключевой принцип формирования и реализации региональной политики в отношении приграничных территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2025. Т. 23. № 5. С. 66–79. [*Lazareva V.V., Vlasova N.Yu.* Differentiated Approach as a Key Principle for the Formation and Implementation of Regional Policy towards Border Territories // Regional Economics: Theory and Practice. 2025. Vol. 23. No. 5. Pp. 66–79. (In Russ.).] DOI: 10.24891/re.23.5.66. EDN: LWYSFT.
17. *Минакир П.А.* Внешнеторговый фактор экономики форс-мажора: пространственный маневр // Пространственная экономика. 2023. Т. 19. № 1. С. 7–19. [*Minakir P.A.* Foreign Trade Factor of Force Majeure Economy: Spatial Maneuver // Spatial Economics. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 7–19. (In Russ.).] DOI: 10.14530/se.2023.1.007–019. EDN: GYFIPY.
18. *Минакир П.А.* Мировая экономика: идеальный шторм // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 2. С. 7–37. [*Minakir P.A.* World Economy: The Perfect Storm // Spatial Economics. 2022. Vol. 18. No. 2. Pp. 7–37. (In Russ.).] DOI: 10.14530/se.2022.2.007–037 EDN: IVXNYC.

Дата поступления рукописи: *02.04.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *28.05.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Курникова Марина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и управления ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», Самара, Россия
ORCID: 0000-0002-9568-2774
mv-kurnikova@yandex.ru

Болгов Сергей Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения», Самара, Россия
ORCID: 0000-0002-9663-0597
bolgov1910@gmail.com

Черняев Евгений Васильевич – доктор экономических наук, начальник отдела в/ч 35684, Самара, Россия
ORCID: 0009-0003-9646-5995
ki-la@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Kurnikova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Assistant Professor of Regional Economics and Management Department, Samara State University of Economics, Samara, Russia
ORCID: 0000-0002-9568-2774
mv-kurnikova@yandex.ru

Sergey A. Bolgov – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Assistant Professor of Economics and Management Department, Volga State Transport University, Samara, Russia
ORCID: 0000-0002-9663-0597
bolgov1910@gmail.com

Evgeny V. Chernyaev – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Military Unit Department 35684, Samara, Russia
ORCID: 0009–0003–9646–5995
ki-la@mail.ru

A "GATEWAY TO ASIA" OR A NEW PERIPHERALITY? ON THE ROLE OF NEW TRANSPORT CORRIDORS IN REGIONAL DEVELOPMENT (THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN–CHINESE BORDER REGION)

In theory and practice, transport and logistics are often viewed as drivers of economic development. This is especially to be expected in a situation of causal shock – when, after 2022, Russia's foreign trade "reoriented eastward," with a significant portion of trade flows now passing through the Russian–Chinese border. What impact does this trade flow have on the development of border regions? Does it act as a true driver of regional development? This is the key question of the study. Using the difference-in-differences method to compare

two groups of border regions—those bordering and those not bordering China—before and after 2022, it was shown that, despite a significant increase in both the volume of foreign trade transactions and the turnover of logistics-related organizations, the former turned out to be closer to the status of a "transport periphery" than to a stable "gateway to Asia." The development of foreign trade was not accompanied by a systemic, faster growth of key indicators in the group of regions bordering China compared to other border regions; the positive effect was localized. This led to the predominantly intensive use of transport and logistics capacity and, as a result, did not translate into a systemic stimulus for the economic development of regions bordering China. The role of transport and logistics as determinants of regional development was "compressed" by the dominance of the instrumental function of transit. The concept of "border as a resource" is not automatically realized under these conditions; it is necessary to align transport policy with the diversification of the economies of border territories.

Keywords: *border regions, transport and logistics support, Russia–China cooperation, sanctions, acceleration/deceleration effects, difference-in-differences method, regional development, cargo flows, infrastructure.*

JEL: R11, R42.

О.С. СУХАРЕВ
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

К РАЗРАБОТКЕ МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ[1]

Предложен новый подход к созданию методики измерения технологической независимости, основанный на алгоритме расчета ее уровня по технологиям с учетом их базовых технико-экономических характеристик. Введен показатель, позволяющий учесть технологический охват. Предлагаемый методический аппарат обладает значительными преимуществами перед известными типовыми подходами, поскольку лишен недостатков агрегации и экспертной (балльной) оценки, а также усреднения раздельных агрегатов. Он позволяет выявлять внутренние узкие места развития технологий по их сравниваемым параметрам. Применение предлагаемых показателей и измерителей технологического суверенитета позволит повысить обоснованность и эффективность принятия решений в области выбора технологий, формирования и реализации технологической политики в России.

Ключевые слова: *технологии, технологическая независимость, экономика технологий, измерение технологической независимости, технологичность, технологическая политика.*

УДК: 338.28

EDN: UAKFKB

DOI: 10.52180/2073–6487_2026_3_63_76

Введение

Научно-технический прогресс определяет современные изменения в экономике и обществе [1; 6], задавая потенциал экономического роста и дальнейшего технологического развития. При этом распределение результатов научно-технического прогресса по миру происходит неравномерно и непропорционально [3], что обусловливает усиление зависимости многих стран от зарубежных технологий.

[1] Статья подготовлена в рамках темы государственного задания Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН «Структурная модернизация и обеспечение технологического суверенитета России».

Новые технологии порождают не только новые эффекты, имеющие серьезные экономические следствия, но и формируют новую область для их изучения, становясь предметом и объектом нового научного направления – «экономика технологий» [8; 9; 10]. В рамках этого направления проблема измерения технологической независимости (суверенитета)[2] становится самостоятельной темой разработок.

В России работа по формированию методик измерения уровня технологической независимости приобрела особую актуальность и была интенсифицирована. Это потребовало решения ряда методологических проблем измерения и учета технологических изменений. За рубежом также прилагаются усилия по решению этой задачи [12; 13; 14; 15; 16]. Однако работы как российских, так и зарубежных исследователей сводятся в основном к применению индексного или рейтингового методов, либо введению крупного агрегата, предполагающего обработку значительного объема данных. Как правило, вопросы измерения в этом случае остаются без комплексных ответов [17]. Хотя отметим, что результаты применения подобных индексов-агрегатов на конкретных рынках, например мобильной связи и коммуникаций, могут быть убедительными. Имеются исследования о влиянии конкретных типов технологий на региональное развитие [18] и иные системы – отрасли, отдельные корпорации и т.д. Однако вне научного направления «экономика технологий» [3; 4; 9; 10; 11], как и без проведения соответствующего статистического учета и создания измерительных методов, эти усилия не дадут необходимого интеллектуального результата системного характера, требующегося для обоснования мер технологической политики, направленной на повышение технологической независимости.

Целью исследования является определение общего подхода к разработке методики измерения технологической независимости с формированием алгоритма измерения, а также установление ограничений, которые не учтены в уже осуществленных разработках, вводящих оценку уровня готовности технологий и уровня готовности производства как двух составных элементов общей оценки уровня технологической независимости [9; 10; 11].

Поставленная цель предполагает решение двух задач. Во-первых, определение методологии измерения технологического суверенитета и направлений ее совершенствования. Во-вторых, создание алгоритма измерения и демонстрация его применения в рамках совокупности возможных процедур измерения.

[2] Термины «технологический суверенитет» и «технологическая независимость» в статье употребляются как идентичные по своему содержанию.

Методические подходы и основной алгоритм измерения технологической независимости

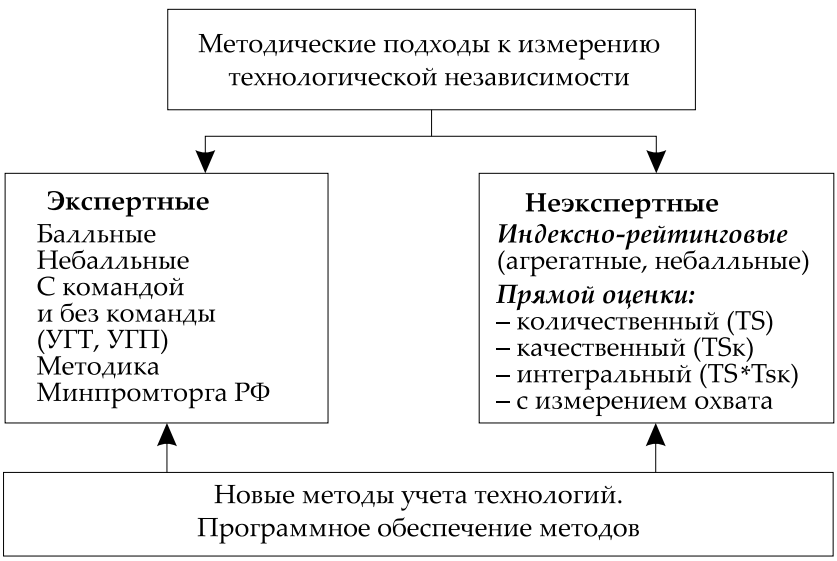
Без решения задачи измерения технологической независимости весьма проблематично дать полноценное обоснование мероприятий технологической политики, так как не ясно, на что и с какой силой должны влиять эти мероприятия, и как вследствие их реализации будет изменяться сам уровень технологической независимости.

Из всего многообразия методов оценки технологической независимости можно выделить два больших направления: экспертные и неэкспертные методы (см. рис. 1). Первые предполагают балльную оценку, например присвоение весов неким параметрам, либо экспертизу в виде качественной оценки («да – нет») без выставления баллов. Кроме того, может применяться процедура подсчета Борда, согласно которой формально выставляются баллы, предполагая ранжирование рассматриваемых параметров в порядке убывания (система ранжированного голосования). Для этого не нужно взвешивать и назначать веса, так как баллы выставляются автоматически, хотя расположение по убыванию требует формального участия эксперта либо объективного ранжира (без участия эксперта). Отметим, что данный метод нельзя назвать чисто балльным, поскольку взвешивание и статистическая обработка его результатов именно балльным способом не осуществляются.

Вторая группа методов представлена неэкспертными оценками и измерениями. Здесь применяются индексы и рейтинги, не требующие экспертной оценки, и небалльные процедуры. Также в данную группу методов входят способы прямого измерения, например количественного превосходства импортных технологий над отечественными и качественной сопоставительной (сравнительной) оценки различных технологий в рамках каждого технологического направления. Сюда же можно отнести и метод интегральной оценки, объединяющий количественную и качественную стороны технологической независимости, а также измерение охвата технологий соответствующих видов деятельности и производств (распространения технологий, включая цифровые). Разработка технологических карт (по типу морфологических), представляющих структуру распространения и применения основных или передовых технологий, также может использоваться в этой группе методов.

Развитие неэкспертных методов оценки и измерения представляется наиболее приоритетным направлением научного поиска, поскольку они устраняют недостатки экспертных и балльных процедур, включая их субъективность, сложности учета динамики и изменений и т. п. Однако эти методы требуют развертывания новой системы статистического учета технологий и технологического развития как

сегмента системы национальных счетов, а также усовершенствования учетных единиц и статистических показателей для оценки охвата и составления технологических карт. Частично эта работа Росстатом сегодня развернута, однако она требует расширения и углубления, а также подготовки статистиков, обладающих необходимыми компетенциями. Это своеобразная технология борьбы за стандарты, поскольку единых стандартов в мире нет не только в области технологий, но и в области компьютерной техники и программного обеспечения, что актуализирует данную задачу, делая ее решение крайне необходимым для России.

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Магистральные подходы к измерению технологической независимости

Методическим вопросам оценки уровня технологической независимости в России уже было посвящено немало научных исследований [2; 4; 5; 7; 8; 10; 11]. Были приняты и отдельные нормативные документы. Так, соответствующая методика утверждена Министерством промышленности и торговли России[3]. В основе ее разработки лежал

[3] См.: Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 1 апреля 2025 г. № 1571 «Об утверждении методики расчета показателя «Достигнутый уровень технологической независимости производства средств производства» федерального проекта «Развитие станкоинструментальной промышленности» и национального проекта по обеспечению технологического лидерства «Средства производства и автоматизации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519344/54777f5b773285ae966e0337c61adc96e5a2aec6/?ysclid=mpss68q11k69455912 (дата обращения: 28.12.2025).

экспертный подход. Данная методика предполагает получение показателей уровня готовности технологий и уровня готовности производства. Каждый из показателей определяется экспертным (балльным) методом, усредняется по числу применяемых групп для его измерения (для каждого это число свое: в первом случае – девять, во втором – десять), а затем осуществляется арифметическое усреднение, что отражает формула (1).

$$П_{ТН} = \frac{\frac{\sum_{i=1}^{n} У_{ГТi}}{9xn} + \frac{\sum_{j=1}^{m} У_{ГПj}}{10xm}}{2} 100\%, \quad (1)$$

где: $У_{ГТi}$ – уровень готовности технологии i, принимающей значение от 1 до 9; $У_{ГПj}$ – уровень готовности производства критичного компонента j, принимающего значение от 1 до 10; n – число недостающих технологий, необходимых для создания компонентов; m – число критичных компонентов, определенных в рамках национального проекта [7].

Отметим, что формула (1), во-первых, показывает отсутствие связи между уровнем готовности технологий и производства, что является ее базовым недостатком. Во-вторых, недостающие технологии и критичные компоненты – это не одно и то же, а сами уровни определяются методом взвешивания групп параметров экспертным путем. Уже эти позиции закладывают высокую степень недостоверности оценки, делая ее не только громоздкой, но и весьма условной, поскольку дифференцировать даже эти уровни готовности для конкретных видов деятельности и производств весьма проблематично[4].

В основу методики оценки (измерения) уровня технологической независимости, дающей верифицируемый результат, должен быть положен принципиально иной подход. Представляется важным, чтобы методика отходила от балльной и экспертной оценок каких-либо параметров, а основывалась на выделении основных технико-экономических характеристик технологий, включая оценку затрат (себестоимости)[5].

В методологическом плане представляется важным, чтобы методика оценки уровня технологической независимости учитывала значимость всех выбираемых для рассмотрения характеристик технологии. В нее следует заложить сравнительный аспект, то есть должно

[4] Наиболее значимые в методологическом отношении недостатки подобного индексно-рейтингового (экспертного) подхода подробно рассмотрены в работе [7].

[5] Методологические основы этого подхода изложены в авторских работах [9; 10] при участии на начальном этапе член-корреспондента РАН В.П. Чичканова.

осуществляться качественное сравнение либо с аналогами, либо с импортными образцами, либо с новыми разработками. Это сделает методику многосторонней, обращенной не только к количественной оценке суверенитета – независимости по технологиям. Причем оценка должна проводиться по содержательным характеристикам набора технологий. Не исключена также прямая оценка соотношения числа импортных и отечественных технологий или измерение параметров отечественных технологий относительно импортных аналогов. Это позволит определить качество по каждой технологии или технологическому направлению и оценить отставание от импортных аналогов, даже если в стране применяются только отечественные технологии, например в области обороны. Такой подход позволит обозначить направления наилучшего применения и развития оборонного потенциала, создаст условия для повышения уровня технологической и промышленной безопасности.

Основываясь на приведенных методологических положениях, сформируем алгоритм для измерения уровня технологической независимости, включив в него оценку соответствующих показателей. В конкретном технологическом направлении такой алгоритм предполагает последовательную реализацию следующих позиций, представленных как последовательность шагов.

Шаг 1. Определим базовые технологии и их релевантные характеристики в рамках данного технологического направления, вида деятельности или отрасли, а также конкретного производства либо процесса.

Шаг 2. Определим соотношение числа отечественных и импортных технологий [10; 11]. Если импортные технологии по конкретному направлению отсутствуют и применяются отечественные, то будет полезно определить, насколько отечественные технологии опережают или отстают от зарубежных аналогов, согласно предлагаемым показателям оценки (формулы (2)–(5)).

Шаг 3. Рассчитаем по каждой характеристике технологий попарно отношения одной технологии к другой (отечественной к импортной, устаревающей к новой и т. д.[6]). Рассчитаем параметры K_M и K_L – коэффициенты, позволяющие оценить разницу в качестве между рассматриваемыми технологиями (формулы (3) и (4)).

Шаг 4. Рассчитаем показатель TS_K, характеризующий качество технологической независимости по группе технологий (формула (2)).

Шаг 5. Установим связь между степенью зависимости от импортных технологий и показателем качества технологического развития.

[6] Данная методика и алгоритм могут быть применены не только к измерению уровня технологической независимости, но и к оценке уровня качества технологий, а также уровня новизны по конкретным технико-экономическим параметрам технологий.

Шаг 6. Определим охват каждой технологии рассматриваемых производств и рассчитаем показатель с учетом технологического охвата (формула (5)). Это позволит оценить масштаб проникновения импортных технологий. В настоящем исследовании величины охвата заданы произвольно для каждой технологии (исходя из авторского опыта их применения в микроэлектронике России в текущем периоде). Чтобы определить технологический охват, потребуется организовать статистический учет технологического развития в России, создавая его на новой основе, как и отдельный раздел в системе национальных счетов[7].

Шаг 7. Осуществим расчет интегрального показателя технологической независимости (TS_O) с уточнением причин его динамики и с учетом изменяющегося охвата отечественными технологиями и проникновения импортных технологий, занимающих свои позиции, если внутренний охват понижается.

Реализация алгоритма методики измерения технологической независимости

Представление о рассматриваемых технологиях и их релевантных параметрах, количественные оценки которых взяты из общих сведений и технической документации, имеющейся по каждой из технологий (в расчетном примере это процесс нанесения жидких композиций в микроэлектронике), дают данные табл. 1. Последовательно реализуем указанные выше шаги алгоритма, составляющего стержень предлагаемой методики измерения технологической независимости, по данному классу технологий.

Обозначим четвертую из представленных в табл. 1 технологий как прорывную, наиболее передовую (она обозначена как импортная), и введем показатель TS_K (формула (2)), измеряющий, по сути, качество независимости, в частности, от устаревающих либо импортных технологий, либо расстояние от некоего передового аналога технологии (показатель может применяться при разработке технологии и при ее проектировании) [9]:

$$TS_K = \sqrt{\frac{K_M}{K_L}}, \qquad (2)$$

[7] Это, как представляется, единственный минус методики, хотя он оборачивается стратегическим плюсом, так как предполагаются значительные подготовительные мероприятия, которые выгодны для России, поскольку способствуют решению задачи по обеспечению технологической независимости с учетом перспектив конкуренции на технологических рынках и стандартов технологического развития.

Таблица 1

Технологии и их основные характеристики

Технологии (методы) нанесения жидких композиций	Отношение величины затрат относительно затрат метода, где их величина принята за единицу (первый метод)	Средняя минимальная толщина покрытия, (мкм)	Средний разброс толщины пленки, (+/– %)	Средняя производительность, пластин/час
1. Окунание в жидкую композицию	1,0	50,0	62,5	180
2. Газовая форсунка распыления	1,5	40,0	50,0	300
3. Механическое распыление	1,75	22,5	40,0	300
4. Центрифуговое (капельное) нанесение (импортная)	1,7	15,0	30,0	240
5. Ультразвуковое распыление с естественным осаждением	0,75	3,0	20,0	90
6. Ультразвуковое распыление с электростатическим осаждением	2,5	0,47	10,0	540

Источник: [9, с. 180].

где: K_M и K_L – коэффициенты, показывающие качественную разницу между рассматриваемыми технологиями.

Отметим, что если увеличение технико-экономических характеристик дает улучшение технологии, то применяется K_M, а если уменьшение означает улучшение технологии – K_L. Сами коэффициенты определяются по формулам (3) и (4) [9; 10]:

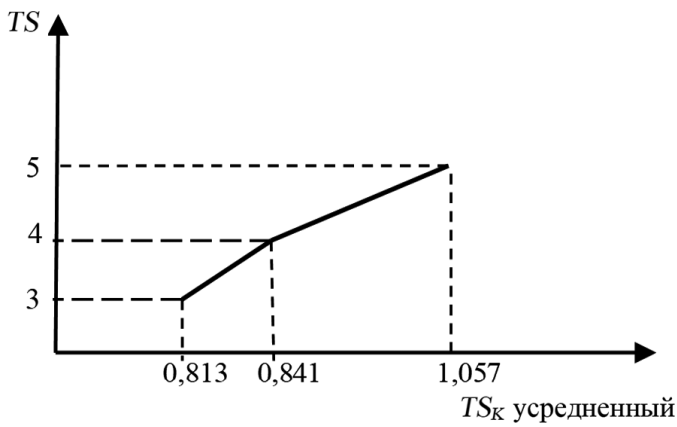
$$K_M = \frac{1}{N}\sum_{k=1}^{N}\frac{1}{M}\sum_{i=1}^{M}q_{ik}, \quad (3)$$

$$K_L = \frac{1}{N}\sum_{k=1}^{N}\frac{1}{L}\sum_{i=1}^{M}q_{ik}, \quad (4)$$

где: $q_i = S_{oi} / S_{Ii}$ – величина отношения параметра одной технологии к другому, например отечественной к импортной или новой к устаревающей.

Этот же подход может и должен быть использован для измерения технологического потенциала (получения сравнительных оценок), так как позволяет показать, насколько страна или рассматриваемая

система уступает конкуренту по техническим параметрам сравниваемых технологических вариантов. Не трудно построить и общую связь количественного коэффициента технологической независимости, представляющего собой отношение числа отечественных к числу импортных технологий, для случаев, когда имеются сначала первые три отечественные, затем добавляется пятая и затем шестая технологии (см. табл. 1). Технологию под номером 4 в целях демонстрации расчета нормативно обозначим импортной. Тогда показатель *TS*, представляющий отношение числа отечественных технологий к числу импортных, равен соответственно трем, четырем и пяти, поскольку импортная технология единственная. А средний параметр качества технологий для трех, четырех и пяти отечественных технологий составляет соответственно 0,813; 0,841 и 1,057. Эту связь, когда рост технологической независимости сопровождается и ростом технологического качества, можно видеть на рис. 2.

Источник: построено по расчетам автора.

Рис. 2. Связь технологической независимости и технологического качества

Распространенность технологий, включая импортные, определяется не только их наличием, но и удельным весом субъектов экономики, их применяющих, что можно определить как охват технологиями. Этот охват динамически изменяется, особенно при внедрении отечественных технологий и при проведении специальной политики замещения импорта технологий. Допустим, на технологию № 4 из табл. 1, которая обозначена как импортная, приходилось 40% охвата. Предполагая, что субъекты экономики технологии не дублируют, оставшиеся 60% охвата будут распределены между пятью технологиями. Предположим, что охват импортной технологией сокращается до 25%. Соответственно, на 15% увеличится охват отечественными технологиями. В таком случае изменение величины TS_{KO} можно определить по формуле (5):

$$TS_{KO} = \frac{1}{N}\sum_{i=1}^{N} TS_{Ki}Q_i, \quad (5)$$

где: Q_i – доля охвата *i*-ой технологией, %; TS_{Ki} – коэффициент качества для i-ой технологии в сравнении с рассматриваемым аналогом (импортной, замещаемой или устаревающей технологией).

Снижение доли применения импортной технологии на 15% даст иной охват для отечественных технологий (см. табл. 2). Однако возможен вариант, когда технологии № 5 и № 6 получат нулевой охват. Это может вернуть ситуацию к 40% зависимости, но общий коэффициент качества возрастет и при росте технологической зависимости. Только если понизить охват импортной технологии, увеличив три отечественные до 75%, то продолжится и рост коэффициента качества и независимости по технологиям (см. рис. 3, где в точках *A* и *B* показана возможная ситуация для пяти технологий, а в точках *C* и *D* – для трех).

Таблица 2

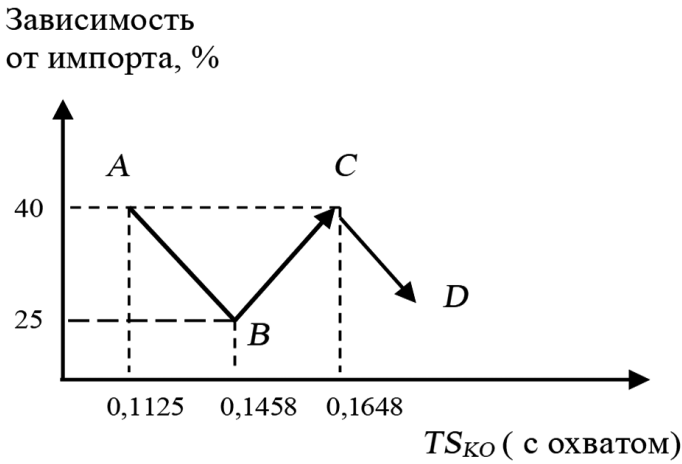
Изменение структуры охвата технологиями, %

Номер технологии в табл. 1	$TS_K = \sqrt{\frac{K_M}{K_L}}$	Первичный охват при 40% зависимости от импортной технологии № 4	Вторичный охват при 25% зависимости от импортной технологии № 4	Охват для трех технологий при зависимости в 40%
1	0,612	15	15	20
2	0,847	10	15	15
3	0,98	20	22	25
5	0,927	10	15	0
6	1,92	5	8	0
TS_{KO}		0,1125	0,1458	0,1648
TS_O		0,5625	0,729	0,4944

Источник: составлено по расчетам автора (охват введен для произвольно взятого примера).

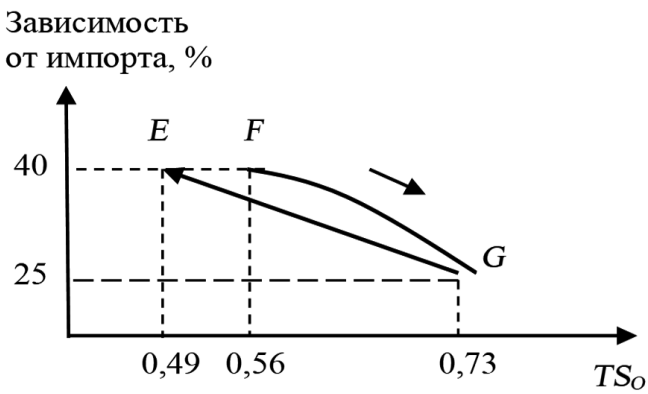
Рассчитаем интегральный показатель технологической независимости по формуле: $TS_O = TS * TS_K$. Его динамика для трех случаев, приведенных в табл. 2, показана на рис. 4, где в точке *E* – три технологии, в точках *F* и *G* – пять.

На рис. 4 видно, что рост общего показателя независимости при сокращении доли импортной технологии возобновляется, если пятая и шестая технологии (см. табл. 1) имеют низкий или нулевой, как в нашем расчете, охват. Показатель технологического качества растет,

Источник: построено по расчетам автора.

Рис. 3. Зависимость от импорта (%) и технологическое качество

Источник: построено по расчетам автора.

Рис. 4. Обобщенный показатель технологической независимости

что видно на рис. 2. Однако обобщенный показатель, взвешенный на число технологий (охват учтен по рис. 3 и табл. 2), показан на рис. 4. Такая ситуация, когда качество отечественных технологий ненамного хуже или вообще не уступает качеству импортных, но применяются именно импортные технологии, до сих пор существует в российской экономике, особенно в ее гражданских секторах. В оборонном секторе ситуация иная. В связи с этим для получения универсального показателя, применимого в любой ситуации, он должен быть протестирован в разных секторах и отраслях. Не исключено, что могут проявиться ограничения в применении показателя, что потребует корректировки методов расчета для конкретных случаев. Однако пока такие ограничения не обнаружены.

Заключение

Приведенный демонстрационный расчет показывает, насколько сложен и неоднозначен технологический выбор и измерение технологической независимости. Он также говорит о том, что создаваемые методики не должны сугубо формально использовать некие агрегированные показатели, бесконтрольно увеличивать их число или вводить процедуры субъективного (балльного, экспертного) выбора. Такой подход может оказаться некорректным или даже ошибочным, давая лишь условное представление о степени независимости по технологиям, тем более в динамике.

Сложность технологических изменений настолько велика, что измерение технологической независимости требует неортодоксального подхода, а лучше – сочетания различных измерительных подходов и подготовки соответствующей статистики. Неэкспертные методы без применения балльной оценки обладают ощутимыми преимуществами, исключая субъективный характер не только взвешивания отдельных показателей или элементов технологической и производственной систем, но и условность агрегации, когда усредняются уровни готовности технологий и производства и не учитываются связи между ними.

Предложенные основные шаги алгоритма методики измерения технологической независимости сориентированы на количественное и качественное измерение сопоставляемых технологий. Алгоритм апробирован на наборе реальных технологий из сферы микроэлектроники и специального технологического оборудования. Его демонстрация показала неоднозначность выбора технологии и принятия решений по замещению импортных технологий. Предлагаемая методика исходит из одинаковой ценности базовых технико-экономических параметров рассматриваемых технологий, но это обусловлено их инженерными характеристиками и условиями применения. Оценка всего или как можно более полного набора параметров в данном случае не является обязательной. В то же время, учитывая многообразие условий технологического развития, наиболее целесообразным вариантом представляется разработка нескольких различных методик, для которых очерчивается своя зона применения и проводится сравнительная оценка их возможностей и эффективности.

ЛИТЕТАТУРА / REFERENCES

1. *Анчишкин А.И.* Наука, техника, экономика. М.: Экономика, 1986. [*Anchishkin A.I.* Science, Technology, and Economics. Moscow: Ekonomika, 1986. (In Russ.).]
2. *Глазунова В.В.* Измерение технологического развития и суверенитета // Экономика науки. 2024. Т. 10. № 3. С. 22–33. [*Glazunova V.V.* Measuring Technological

Development and Sovereignty // Economics of Science. 2024. Vol. 10. No. 3. Pp. 22–33. (In Russ.).] DOI: 10.22394/2410-132X-2024-10-3-22-33. EDN: PCMQAV.
3. *Глазьев С.Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. [*Glazyev S.Yu.* A Leap into the Future. Russia in the New Technological and Global Economic Orders. Moscow: Knizhny Mir, 2018. (In Russ.).]
4. *Дементьев В.Е.* Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. 2023. № 21 (1). С. 6–18. [*Dementyev V.E.* Technological Sovereignty and Priorities of Production Localization // Terra Economicus. 2023. No. 21 (1). Pp. 6–18. (In Russ.).] DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18.
5. *Еремченко О.А., Куракова Н.Г.* Измерение уровня технологического суверенитета в зарубежных странах: опыт Европейского союза // Экономика науки. 2023. № 9 (3). С. 47–60. [*Eremchenko O.A., Kurakova N.G.* Measuring the Level of Technological Sovereignty in Foreign Countries: The Experience of the European Union // Economics of Science. 2023. No. 9 (3). Pp. 47–60. (In Russ.).] DOI: 10.22394/2410-132X-2023-9-3-47-60. EDN: EFAOCF.
6. *Ефимов А.Н.* Вопросы технического прогресса в СССР. М.: Госполитиздат, 1951. [*Efimov A.N.* Issues of Technical Progress in the USSR. Moscow: Gospolitizdat, 1951. (In Russ.).]
7. *Кузнецов А.П., Сухарев О.С.* Достигнутый уровень технологической независимости: проблемы и решения // Станкоинструмент. 2025. № 2. С. 52–64. [*Kuznetsov A.P., Sukharev O.S.* The Achieved Level of Technological Independence: Problems and Solutions // Stankoinstrument. 2025. No. 2. Pp. 52–64. (In Russ.).] DOI: 10.22184/2499-9407.2025.39.2.52.64. EDN: LOJWVM.
8. *Скобелев Д.О.* Наилучшие доступные технологии: опыт повышения эффективности ресурсной и экологической эффективности производства. М.: АСТ, 2020. [*Skobelev D.O.* Best Available Technologies: Experience in Improving Resource and Environmental Efficiency of Production. Moscow: AST, 2020. (In Russ.).]
9. *Сухарев О.С.* Экономика технологий. Новое научное направление. М.: Финансы и статистика, 2026. [*Sukharev O.S.* Economics of Technology. A New Scientific Direction. Moscow: Finance and Statistics, 2026. (In Russ.).]
10. *Сухарев О.С.* Технологический суверенитет России: измерение и политика. М.: Ленанд, 2025. [*Sukharev O.S.* Technological Sovereignty of Russia: Measurement and Policy. Moscow: Lenand, 2025. (In Russ.).]
11. *Чичканов В.П., Сухарев О.С.* Возможности науки в инновационном процессе: «измерение технологий» // Экономика науки. 2023. № 9 (1). С. 36–44. [*Chichkanov V.P., Sukharev O.S.* The Potential of Science in the Innovation Process: «Measurement of Technologies» // Economics of Science. 2023. No. 9 (1). Pp. 36–44. (In Russ.).] DOI: 10.22394/2410-132X-2023-9-1-36-44. EDN: ZVHVEY.
12. *Ahmad N., Youjin L., Žiković S., Belyaeva Zh.* The effects of technological innovation on sustainable development and environmental degradation: Evidence from China, Technology in Society. 2023. Vol. 72. 102184. DOI: 10.1016/j.techsoc.2022.102184.
13. *Amann E.* Globalisation, industrial efficiency and technological sovereignty: Evidence from Brazil, The Quarterly Review of Economics and Finance. 2002. Vol. 42. Iss. 5. Pp. 875–888. DOI: 10.1016/s1062-9769(02)00144-8.

14. *Bassens D., Hendrikse R.* Asserting Europe's technological sovereignty amid American platform finance: Countering financial sector dependence on Big Tech? Political Geography. 2022. Vol. 97. DOI: 10.1016/j.polgeo.2022.102648.
15. *Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T.* Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. Research Policy. 2023. Vol. 52. Iss. 6. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.
16. *Erebak S., Turgut T.* Anxiety about the speed of technological development: Effects on job insecurity, time estimation, and automation level preference. The Journal of High Technology Management Research. 2021. Vol. 32. Iss. 2. 100419. DOI: 10.1016/j.hitech.2021.100419.
17. *Ponte A., Leon G., Alvarez I.* Technological sovereignty of the EU in advanced 5G mobile communications: Anempirical approach. Telecommunications Policy. 2022. No. 47 (7). 102459. DOI: 10.1016/j.telpol.2022.102459.
18. *Wu L., Chen W.* Technological achievements in regional economic development: An econometrics analysis based on DEA. Heliyon. 2023. Vol. 9. e17023. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e17023.

Дата поступления рукописи: *01.04.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *28.05.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сухарев Олег Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3436-7703
o_sukharev@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Oleg S. Sukharev – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3436-7703
o_sukharev@list.ru

TO DEVELOP A METHOD FOR MEASURING TECHNOLOGICAL INDEPENDENCE

A new approach to measuring technological independence is proposed. This approach is based on an algorithm for calculating the level of independence for technologies, considering their basic technical and economic characteristics. An indicator is introduced that takes into account technological coverage. The proposed methodological framework offers significant advantages over existing standard approaches, as it eliminates the drawbacks of aggregation, expert (scoring) assessment, and averaging of individual aggregates. It enables the identification of internal bottlenecks in technology development based on their comparable parameters. The use of the proposed indicators and measures of technological sovereignty will improve the validity and effectiveness of decision-making in technology selection and the formation and implementation of technology policy in Russia.

Keywords*: technology, technological independence, "economics of technology", measuring technological independence, manufacturability, technological policy.*
JEL: O33.

И.Ю. ВАСЛАВСКАЯ
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики предприятий и организаций Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета

Я.И. ВАСЛАВСКИЙ
доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
доцент кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Д.А. МИХАЛЕВ
аспирант кафедры экономики предприятий и организаций Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рост экономической активности стран мира в Арктическом регионе и усиление конкуренции за его ресурсы обусловливают необходимость выстраивания эффективной системы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Этот стратегически важный для нашей страны регион богат природными ресурсами и формирует основу для обеспечения экономического суверенитета России. При этом развитие инфраструктуры в арктической зоне требует существенных инвестиций, обоснованных управленческих решений, применения современных технологий и системного управления рисками. В статье аргументируется необходимость использования государственно-частного партнерства как инструмента обеспечения экономической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации. Предложен новый теоретико-методологический подход к оценке и мониторингу уровня экономической безопасности на различных этапах жизненного цикла инфраструктурных объектов в Арктической зоне Российской Федерации.

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, экономическая безопасность, Арктическая зона Российской Федерации, жизненный цикл, инфраструктура, мониторинг, суверенитет.*

УДК: 338.24

EDN: QOPFCO

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_3_77_95

Введение

Современный этап экономического развития государств мира характеризуется высоким уровнем конкуренции за ресурсы, поиском новых транспортных коридоров и сфер политического и технологического влияния. В этих условиях ключевым фактором устойчивого развития государства становится его способность обеспечивать экономическую безопасность в стратегически значимых регионах. Для Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗ РФ) как пространства стратегического присутствия и ресурсного потенциала, в котором концентрируются значительные запасы нефти, газа, редкоземельных металлов и пресной воды, экономическая безопасность является одним из важнейших приоритетов.

В научных работах российских авторов, занимающихся исследованиями современных проблем обеспечения экономической безопасности, имеются разные трактовки понятия «экономическая безопасность». Так, например, С.А. Афонцев под экономической безопасностью понимает «устойчивость национальной системы принятия политических решений к использованию экономическими акторами экономических инструментов достижения политических целей...» [1, с. 232]. И.В. Караваева интерпретировала экономическую безопасность как процесс устойчивого развития экономики, который обеспечивает ее способность противостоять совокупности внутренних и внешних негативных воздействий [2]. В настоящем исследовании авторы не только объединяют оба эти подхода, но и дополняют их, *рассматривая экономическую безопасность как способность национальной системы экономической безопасности противостоять текущим угрозам и реагировать на «возникновение редких или экстремальных событий»*[1]*, сохраняя при этом устойчивость национальной экономической системы* [3, с. 45]. Кроме того, освоение и развитие АЗ РФ имеет большое геополитическое значение, определяя место и роль России в изменяющейся в настоящее время мировой социально-экономической системе, в связи с чем сегодня эта проблема стала чрезвычайно актуальной.

Однако экстремальные природно-климатические условия, территориальная удаленность, а также повышенный уровень неопределенности и рисков в реализации инфраструктурных проектов ограничивают результативность использования исключительно бюджетного финанси-

[1] К числу редких и экстремальных событий для АЗ РФ авторы относят резкие колебания цен на энергоресурсы и сырье, внезапные изменения инвестиционной активности, международные санкции, геополитические конфликты из-за арктических ресурсов, а также нестабильность транспортных коридоров, добычи сырьевых ресурсов и их экономически эффективной реализации.

рования в условиях существующих механизмов привлечения частных инвестиций и недостаточной гибкости бюджетных процедур. Использование государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) призвано способствовать не только более широкому привлечению частных инвестиций, но и повышению качества управления ГЧП-проектами, развитию социально-экономического потенциала региона и человеческого капитала, укреплению инфраструктурной базы АЗ РФ. В целом ГЧП создает возможности для реализации национальных приоритетов, закрепленных в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года[2], а также в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года[3]. Исходя из этого, ГЧП приобретает особую роль в реализации стратегических приоритетов государства по обеспечению национальной экономической безопасности, по укреплению геополитических позиций Российской Федерации и ее присутствию в данном регионе.

В контексте вышеобозначенных приоритетов и тенденций приобретает актуальность и проблема, связанная с необходимостью *формирования эффективной системы обеспечения экономической безопасности на всех стадиях жизненного цикла объектов ГЧП в АЗ РФ.* Применяемые на сегодняшний день подходы к оценке эффективности ГЧП-проектов преимущественно ориентированы на финансово-инвестиционные показатели и конечные результаты реализации проектов и не отражают их влияния на уровень экономической безопасности. Между тем существует возможность определять уровень экономической безопасности на всех стадиях жизненного цикла объектов ГЧП, что позволит рассматривать ГЧП как эффективный инструмент обеспечения и повышения уровня экономической безопасности АЗ РФ.

Теоретико-методологические подходы к исследованию ГЧП и проблем экономической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации: обзор литературы

Эволюция исследований государственно-частного партнерства в северных и арктических территориях, также как и в других регионах, определяется сочетаемостью институциональных теорий и современ-

[2] Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 N 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года». Собрание законодательства РФ. 2020. № 44. ст. 6970.

[3] Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. ст. 2902.

ных подходов к экономическому развитию. Й. Шумпетер подчеркивал, что передовые технологические изменения и инновации являются ключевыми составляющими экономического роста, однако их реализация требует наличия предпринимателей как двигателей экономического развития. Предприниматели нужны, чтобы реализовывать имеющийся потенциал в экономике, а государство с помощью своих формальных и неформальных институтов должно способствовать развитию предпринимательства [4]. Д. Норт указывал на решающую роль институтов в снижении трансакционных издержек и на предсказуемость результатов долгосрочных контрактов [15], что полностью применимо к инфраструктурным проектам в АЗ РФ, где неопределенность и риски существенно выше.

Российские исследования проблем развития ГЧП в АЗ РФ являются преимущественно междисциплинарными, с акцентом на стратегических аспектах экономической безопасности. В публикациях по данной проблематике выделяются три ключевых направления. Первое направление – институционально-экономическое развитие АЗ РФ. Второе – совершенствование механизмов ГЧП как инструмента реализации инфраструктурных проектов. Третье – исследования методологического аппарата оценки устойчивости и эффективности освоения северных территорий.

Значительный вклад в разработку теоретических основ стратегического развития АЗ РФ внесли В.А. Цветков и М.Н. Дудин. Они обосновали нецелесообразность сохранения ресурсно-рентной модели, подчеркивая необходимость перехода к экологически безопасному и социально устойчивому развитию. На основе междисциплинарного анализа авторы приходят к выводу, что отсутствие развитой инфраструктуры, логистики и телекоммуникаций ограничивает диверсификацию арктической экономики, а интерес частного капитала к региону остается низким [5]. В исследованиях проблем финансового обеспечения инвестиционных проектов в Арктической зоне акцентируется внимание не столько на отдельных механизмах привлечения капитала, сколько на необходимости перехода к системному управлению развитием территорий. При этом эффективность инвестиционной деятельности предлагается оценивать не только по коммерческим и бюджетным показателям, но и по степени их влияния на качество жизни, занятость и инфраструктурное развитие, а ключевым ориентиром выступает создание опорных зон, способных обеспечить долгосрочный мультипликативный эффект. Такой подход предполагает согласование параметров проектов с приоритетами государственной политики, их ресурсную адресность и прозрачность целевых показателей. Системное применение этих критериев позволяет оптимизировать бюджетное планирование и обеспечить экономическую без-

опасность экономики арктической зоны РФ в условиях ограниченных государственных ресурсов [6].

А.Л. Новоселов, занимаясь разработкой методического инструментария ресурсосберегающего освоения арктических территорий, предложил учитывать при планировании инвестиционных проектов не только экономические, но и экологические параметры, тем самым образуя многоуровневую систему показателей устойчивого развития [7]. Это имеет принципиальное значение для обеспечения экономической безопасности, так как позволяет идентифицировать ресурсные и экологические риски, возникающие на стадиях реализации и эксплуатации инфраструктурных объектов.

Правовые аспекты развития АЗ РФ нашли отражение в исследовании А.Е. Городецкого и его коллег, изучивших проблемы стратегического планирования и межуровневой координации государственной политики [10]. Они отмечают недостаточную согласованность федеральных и региональных стратегий развития арктических территорий, что затрудняет реализацию долгосрочных инфраструктурных программ и снижает эффективность ГЧП-проектов.

В ряде исследований развитие опорных зон АЗ РФ рассматривается как создание пространственных центров экономического роста, в которых ГЧП-проекты становятся ядром территориальной интеграции и логистической связанности территорий [8]. Схожие выводы делает А. М. Воротников, указывая на то, что успех реализации арктических ГЧП-проектов зависит от качества институциональной среды, наличия государственных гарантий и согласованности интересов участников [9].

Большинство исследователей отмечают, что *транспортная инфраструктура АЗ РФ, в которой центральное место занимает Северный морской путь, является ключевым условием обеспечения экономической безопасности.* Она дает доступ к минерально-сырьевым и энергетическим ресурсам, укрепляет территориальную целостность страны, выполняя функцию стратегического транзитного коридора и способствует развитию внешнеторговой деятельности России [11]. Авторы также выделяют введенные недружественными странами ограничения для международного сотрудничества, которые существенно трансформируют стратегию развития Северного морского пути как внутреннего транспортного коридора национального значения. При этом Северный морской путь рассматривается не только как инструмент внешнеэкономической интеграции, но и как фактор экономической безопасности России [12]. *По нашему мнению, реализация ГЧП-проектов, связанных с Северным морским путем, – это главная задача по обеспечению экономического суверенитета России в АЗ РФ.*

Анализ рассмотренных теоретических подходов к обеспечению экономической безопасности АЗ РФ при реализации ГЧП-проектов позволяет

выявить ряд закономерностей. Во-первых, в отечественной науке сформировалось понимание АЗ РФ как стратегически важного региона, развитие которого требует учета политических, экономических, социальных и экологических факторов. Во-вторых, при должном внимании к вопросам институционального и финансового обеспечения ГЧП-проектов наблюдается недостаточная проработанность теоретико-методологических основ оценки уровня экономической безопасности при реализации ГЧП-проектов в течение их жизненного цикла. Большинство исследований концентрируется на анализе эффективности или инвестиционной привлекательности ГЧП-проектов, не учитывая при этом специфические угрозы и риски на разных стадиях реализации таких проектов – от предпроектной подготовки до вывода объекта из эксплуатации. В-третьих, очевидна потребность в разработке нового теоретико-методологического подхода к оценке и мониторингу уровня экономической безопасности на разных этапах жизненного цикла инфраструктурных объектов в Арктической зоне Российской Федерации.

Инфраструктура АЗ РФ: содержание, территории охвата и роль ГЧП-проектов

Инфраструктура АЗ РФ представляет собой совокупность зданий и сооружений, включающих объекты транспортной, энергетической, коммунальной, инженерной, социальной и инновационной инфраструктур, а также объекты инфраструктуры морских портов и иные элементы инфраструктурного назначения, локализованные в пределах арктических территорий (Ст. 2 Федерального закона N 167-ФЗ)[4]. Эти объекты формируют материально-техническую основу жизнеобеспечения, хозяйственного освоения и стратегического развития АЗ РФ, определяя устойчивость, связанность и безопасность арктического пространства. Закон закрепляет особый режим инвестиционной деятельности, включая правовой статус резидента АЗ РФ, меры государственной поддержки, налоговые льготы и упрощенные процедуры градостроительного регулирования, что существенно снижает трансакционные издержки ГЧП-проектов и повышает предсказуемость долгосрочных контрактов. ГЧП-механизмы законодательно закреплены как одни из главных инструментов финансирования и модернизации инфраструктуры АЗ РФ.

В административном отношении АЗ РФ охватывает территории Мурманской области, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов, а также ряд муниципальных образований Архан-

[4] Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 2020. № 29. С. 4503.

гельской области, Республики Коми, Красноярского края, Республики Карелия и Республики Саха (Якутия). Кроме суши в состав АЗ РФ включены островные территории и акватории Северного Ледовитого океана, континентальный шельф и прибрежные морские территории, что в совокупности образует уникальную концентрацию минерально-сырьевых запасов и создает дополнительные возможности для государства и бизнеса по развитию этих территорий. Общая площадь арктических владений России составляет порядка 3 млн кв. км, из них 2,2 млн кв. км занимает суша[5].

Инфраструктура АЗ РФ включает транспортно-логистическую систему, охватывающую Северный морской путь, сеть морских портов, ледокольный флот, авиационные узлы и опорные аэродромы; энергетическую инфраструктуру, например генерирующие мощности, сетевые комплексы и автономные источники энергии; производственно-технологический комплекс, включающий объекты добычи и переработки углеводородов, центры подготовки кадров и сервисные кластеры; социальную инфраструктуру, в состав которой входят учреждения здравоохранения, образования и жилищного обеспечения жителей АЗ РФ. Все эти элементы дополняются объектами жизнеобеспечения для стабильного функционирования и долгосрочного развития АЗ РФ.

С точки зрения географии реализации ГЧП-проектов, лидерами по количеству ГЧП-инвестиционных инициатив в АЗ РФ стали Архангельская и Мурманская области (в первой реализовано 57 резидентских проектов с объемом инвестиций порядка 6,3 млрд руб. и созданием около 1 380 рабочих мест, а в Мурманской области реализовано 16 проектов с объемом инвестиций порядка 1,5 млрд руб. и 283 новых рабочих мест. Значительная часть этих ГЧП-проектов связана с морскими перевозками, логистикой и портовой инфраструктурой. Так, например, один из резидентов инвестировал в покупку шести судов усиленного ледового класса для работы на Северном морском пути[6].

Столь масштабная инфраструктура АЗ РФ нуждается в постоянном обновлении и модернизации. Исходя из этого, разработка и реализация ГЧП-проектов особенно востребованы в АЗ РФ при строительстве портов и терминалов, модернизации объектов энергетики, создании транспортных магистралей, инфраструктуры освоения шельфа, а также при формировании поддерживающей социальной среды, необходимой для закрепления в регионах АЗ РФ трудовых ресурсов.

---

[5] Инвестиционный портал Арктической зоны России. https://arctic-russia.ru/ (дата обращения: 02.12.2025).

[6] В Арктической зоне РФ реализованы первые 100 инвестпроектов. «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики». https://erdc.ru/news/v-arkticheskoy-zone-rf-realizovany-pervye-100-investproektov-/ (дата обращения: 01.12.2025).

Развитие инфраструктуры АЗ РФ осуществляется в соответствии с мастер-планами опорных населенных пунктов, утвержденными Правительством РФ в качестве долгосрочных ориентиров преобразований в арктической зоне до 2035 года[7]. Проводимые мероприятия охватывают модернизацию транспортной, коммунальной, социальной и научно-образовательной инфраструктуры с предполагаемым совокупным объемом финансирования около 2,9 трлн руб. при значительной доле внебюджетных инвестиций. Институты развития, включая ВЭБ.РФ, обеспечивают реализацию масштабных проектов на сумму свыше 3 трлн руб. и обосновывают дополнительные инициативы в транспортной, промышленной и технологической сферах. Реализуемые программы реновации закрытых административно-территориальных образований, модернизации инженерных сетей и развития социальной инфраструктуры направлены на повышение качества жизни и создание условий для нового инвестиционного роста[8].

За последние три года значимость ГЧП в инфраструктурном развитии АЗ РФ возросла, что отражено в ряде показателей и инициатив. Согласно данным Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, механизм «Арктической концессии» используется как инструмент государственной поддержки частных инвестиций. Резиденты АЗ РФ могут строить дороги, энергетические объекты и другую инфраструктуру, а государство возмещает им вложения в срок до 15 лет. При этом налоговые льготы и преференции со стороны региональных властей создают дополнительные стимулы для бизнеса. Заметным трендом стал активный запуск новых ГЧП-инициатив. Так, например, по данным ВЭБ. РФ и Национального центра ГЧП, в 2023–2024 гг. примерно 29% новых ГЧП-проектов в России были запущены именно в Арктике и на Дальнем Востоке. При этом, согласно официальному отчету Национального центра ГЧП, в АЗ РФ и на Дальнем Востоке зарегистрировано 604 ГЧП-проекта с общим объемом финансирования порядка 761, 7 млрд руб., из которых 569 млрд руб. – средства бизнеса[9].

---

[7] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.10.2025 N 3014-р «О долгосрочных планах комплексного социально-экономического развития ряда агломераций на период до 2035 г». http://government.ru/docs/56661/ (дата обращения: 01.12.2025).

[8] Юрий Трутнев провел заседание Госкомиссии по вопросам развития Арктики. «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики». https://erdc.ru/news/yuriy-trutnev-provyel-zasedanie-goskomissii-po-voprosam-razvitiya-arktiki/ (дата обращения: 02.12.2025).

[9] Дальневосточная и арктическая концессия: особенности и перспективы. Росинфра. https://media.75.ru/tungokoch/documents/143653/i-arkticheskaya-koncessiya-osobennosti-i-perspektivy.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

Эксперты отмечают, что по состоянию на начало 2025 г. ВЭБ. РФ реализует в АЗ РФ 17 крупных проектов общей стоимостью свыше 3 трлн руб., причем объем участия госкорпорации в этих проектах превышает 850 млрд руб.[10] На стадии активной проработки находятся дополнительно 12 проектов суммарной стоимостью до 0,5 трлн руб., которые планируются к запуску в ближайшей перспективе[11]. Минвостокразвития России и его подведомственные структуры оценивают совокупный объем инвестпроектов в АЗ РФ к 2035 г. в 35 трлн руб.[12] Однако, несмотря на заявленные масштабы, открытая статистика по статусу этих ГЧП-проектов подается в информационное поле частично. Публично доступно лишь суммарное число «реализуемых» проектов, что затрудняет оценку эффективности и реального вклада ГЧП в укрепление инфраструктурного и экономического потенциала АЗ РФ. Такой подход не только не позволяет провести анализ и дать оценку эффективности реализации ГЧП-проектов, но и не обеспечивает условия для своевременного мониторинга угроз и рисков экономической безопасности на разных этапах жизненного цикла объектов инфраструктуры АЗ РФ.

Несмотря на отмеченную выше достаточно высокую инвестиционную активность бизнеса, масштаб уже завершенных или полностью реализованных инфраструктурных ГЧП-проектов остается ограниченным. По данным Минвостокразвития России, некоторые проекты остаются «замороженными», а портфель приостановленных ГЧП-проектов превышает завершенные примерно на 300 млрд руб., что указывает на сложности в привлечении или удержании инвесторов[13]. В таких условиях достаточно сложно определить влияние реализации ГЧП-проектов на уровень экономической безопасности. При этом совершенно ясно, что *нарушение сроков реализации проектов создает новые угрозы и риски экономической безопасности РФ* [13].

На основе вышеизложенного, в сложившихся политических и социально-экономических условиях, решение проблем, связанных с реализацией инфраструктурных проектов в АЗ РФ, требует разработки новых теоретико-методологических подходов к использованию механизмов ГЧП с учетом ста-

[10] При поддержке ВЭБ. РФ в Арктике реализуются 17 проектов на 3 трлн руб. РИА Новости. https://ria.ru/20250326/arktika-2007532686.html (дата обращения: 01.12.2025).

[11] В стадии активной проработки находятся проекты в Арктике на 0,5 трлн руб. – ВЭБ. Финмаркет. https://www.finmarket.ru/database/news/6368900 (дата обращения: 01.12.2025).

[12] Чекунков: Для проектов в Арктике нужно государственно-частное партнерство // Газета «Комсомольская правда». https://www.murmansk.kp.ru/daily/27678/5067368/ (дата обращения: 01.12.2025).

[13] Минвостокразвития отметило, что портфель замороженных ГЧП-проектов превысил завершенные на 300 млрд руб. Интерфакс. https://www.interfax.ru/business/1045250 (дата обращения: 01.12.2025).

дий жизненного цикла объектов. Это позволит ГЧП стать одним из основных инструментов обеспечения экономической безопасности и центральным звеном современной модели развития АЗ РФ.

Особенности реализации ГЧП-проектов и специфика жизненного цикла инфраструктурных объектов

Реализация инфраструктурных проектов в АЗ РФ в рамках государственно-частного партнерства имеет ярко выраженную специфику, обусловленную сочетанием природно-климатических, институциональных, технологических и инвестиционных факторов. В этих условиях ГЧП является оптимальной формой взаимодействия государства и бизнеса, обеспечивающей баланс интересов сторон, распределение рисков и устойчивость проекта на всех стадиях его жизненного цикла.

При реализации ГЧП-проекта можно рассматривать его жизненный цикл, в котором, с нашей точки зрения, можно выделить пять ключевых стадий: предпроектную, проектную, инвестиционную, эксплуатационную и стадию вывода из эксплуатации. Каждая из них характеризуется собственным набором мероприятий, управленческо-бюрократических процедур и рисков для реализации ГЧП-проекта. В соответствии с этим структура жизненного цикла ГЧП-проектов в АЗ РФ отражает последовательность управленческих и инвестиционных решений по их реализации.

Как уже отмечалось выше, при оценке эффективности ГЧП-проектов доминирует подход, основанный преимущественно на анализе только конечных результатов, что не позволяет выявить нарастающие угрозы экономической безопасности на ранних стадиях реализации проектов, что особенно критично в условиях АЗ РФ. В этой связи представляется целесообразным проведение мониторинга экономической безопасности и оценка эффективности реализации ГЧП-проектов на основе применения системы индикаторов экономической безопасности на каждой стадии жизненного цикла таких проектов. Это позволит своевременно выявлять угрозы, оценивать степень их воздействия на реализацию ГЧП-проекта и принимать управленческие решения для повышения уровня экономической безопасности.

При рассмотрении основных этапов жизненного цикла ГЧП-проектов в АЗ РФ, сопутствующих им рисков и особенностей реализации авторами данного исследования за основу структуры цикла взят алгоритм реализации ГЧП-проектов в Свердловской области[14]

[14] Алгоритм реализации проектов в рамках механизмов государственно-частного партнерства (концессионные соглашения, соглашения о государственно-частном партнерстве. Инвестиционный портал Свердловской области. https://invest-in-ural.ru/ (дата обращения: 12.11.2025).

и классификация рисков по В.Г. Варнавскому. Отметим, что четыре основные категории рисков: политические и правовые; технические; коммерческие; экономические, валютные и финансовые [14], выделенные В.Г. Варнавским, – в неодинаковой степени характерны для разных этапов жизненного цикла ГЧП-проектов, поэтому в табл. 1 представлены все стадии жизненного цикла проектов, их основное содержание и особенности в специфических условиях АЗ РФ.

Оценка уровня экономической безопасности необходима на всех стадиях жизненного цикла ГЧП-проекта. *Основы обеспечения экономической безопасности закладываются на предпроектной стадии, при формировании концепции проекта.* Особенно важно для реализации стратегических целей обеспечения национальной безопасности в АЗ РФ при подготовке технико-экономического обоснования проекта учесть ресурсный потенциал, местоположение ГЧП-объекта, инвестиционные возможности государства и бизнеса, параметры инфраструктуры и ограничения, связанные с состоянием окружающей среды.

На *проектной стадии* происходит отбор нежизнеспособных или не соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации инициатив[15]. Этот этап определяет обеспечение экономической безопасности ГЧП-проекта для экономики АЗ РФ. Для снижения риска принятия неэффективных решений устанавливаются технические, природно-климатические и инфраструктурные ограничения для реализации проекта. На этой стадии инвесторы согласуют цели проекта, разрабатывается его финансовая модель и распределяются риски между партнерами. Закрепление сторонами условий соглашения о партнерстве на основе существующих институциональных правил снижает вероятность возможных конфликтов между сторонами. Подготовка разрешительной документации, в том числе на подключение к инженерной инфраструктуре, и оформление прав на земельные участки уменьшают технические и правовые риски реализации проектов.

Обеспечение экономической безопасности на *инвестиционной стадии* проекта связано с минимизацией коммерческих, экономических, технических рисков в процессе реализации проекта, выполнения строительно-монтажных работ, закупки и установки оборудования, формирования кадрового потенциала, проведения пусконаладочных работ и ввода объекта в эксплуатацию.

Эксплуатационная стадия связана непосредственно с функционированием объекта, производством продукции или предоставлением услуг. На этом этапе осуществляется текущий мониторинг экономических показателей, оценка эффективности функционирования объекта

[15] Земельный Кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 № 136-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. ст. 4147.

Таблица 1

Стадии жизненного цикла ГЧП-проекта в АЗ РФ

Стадия	Содержание	Основные мероприятия	Особенности для АЗ РФ
Предпроектная	Формирование концепции ГЧП-проекта	Маркетинговый анализ ГЧП-проекта	Низкий уровень развития базовой инфраструктуры. Высокая зависимость от северного завоза и ограниченных логистических маршрутов. Сезонность проведения изыскательных и подготовительных работ. Ограниченный доступ к квалифицированным кадрам. Необходимость учета интересов коренных малочисленных народов. Повышенные экологические требования. Неопределенность спроса и показателей будущей загрузки ГЧП-объекта
	Оценка ресурсной и инфраструктурной обеспеченности	Определение источников финансирования–ГЧП-проекта	
	Технико-экономическое обоснование ГЧП-проекта	Выбор земельного участка	
Проектная	Разработка проектной документации	Переговоры с инвесторами	Многоуровневое согласование проекта. Повышенные требования к надежности. Сложности правового оформления земельных участков и прав пользования недрами. Увеличенные сроки подготовки проектно-сметной документации
	Инженерные изыскания	Подача предложения о заключении соглашения	
	Согласование условий ГЧП-проекта	Получение разрешений, оформление прав на землю	
Инвестиционная	Закупка оборудования для ГЧП-проекта	Формирование кадрового потенциала	Экстремальные климатические условия для строительства. Необходимость использования морозостойких технологий. Высокие риски удорожания проекта в процессе строительства. Значительные капитальные затраты и длительный инвестиционный цикл
	Строительство, монтаж	Реализация строительных работ	
	Пусконаладочные работы	Ввод объекта в эксплуатацию	

Окончание табл. 1

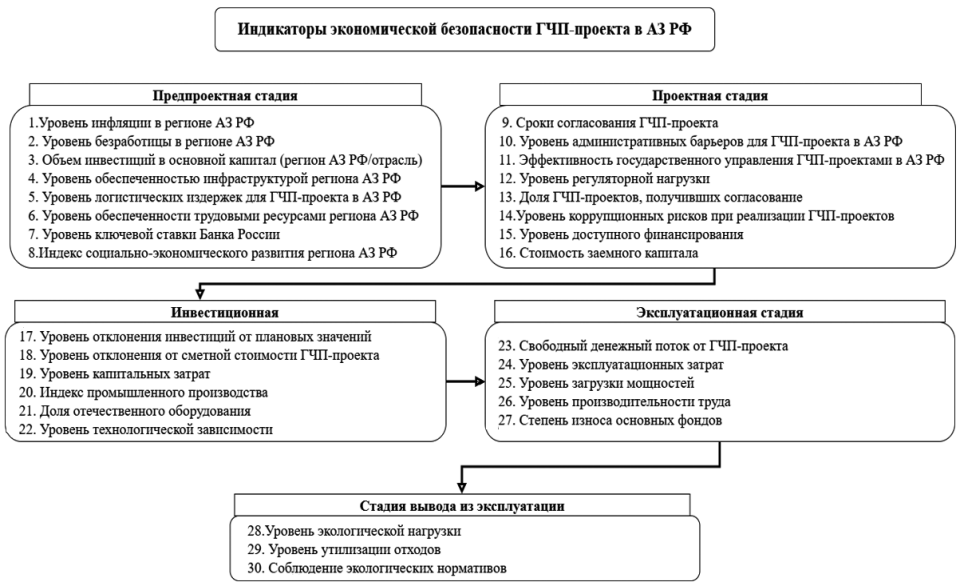
Стадия	Содержание	Основные мероприятия	Особенности для АЗ РФ
Эксплуатационная	Функционирование ГЧП-объекта	Текущий контроль показателей ГЧП-объекта	Высокие операционные затраты на содержание и обслуживание объектов. Повышенный износ оборудования вследствие суровых климатических условий. Необходимость внедрения систем цифрового мониторинга реализации проекта. Высокие требования к бесперебойности функционирования объектов
	Мониторинг состояния ГЧП-объекта	Обеспечение гарантийных обязательств	
	Ремонт и модернизация ГЧП-объекта	Сервисная поддержка ГЧП-объекта	
Выход из эксплуатации	Ликвидация ГЧП-объекта	Утилизация оборудования и транспортировка материалов	Хрупкие арктические экосистемы. Высокая стоимость работ по демонтажу и ликвидации объектов
	Передача прав на ГЧП-объект	Юридическое оформление прав собственности	Необходимость проведения специализированных работ по утилизации отходов. Долгосрочный экологический мониторинг после вывода объекта из эксплуатации
	Экологическая рекультивация ГЧП-объекта	Восстановление природной среды	

Источник: составлено авторами.

и выполнение обязательств по соглашению о партнерстве на основе индикаторов экономической безопасности.

Стадия вывода объекта из эксплуатации предусматривает его ликвидацию или передачу объекта в собственность публичного партнера, а также утилизацию оборудования и проведение экологических мероприятий в соответствии с индикаторами экономической безопасности на данной стадии.

На рис. 1 представлена разработанная авторами система индикаторов оценки и мониторинга экономической безопасности ГЧП-проектов в АЗ РФ по стадиям жизненного цикла.

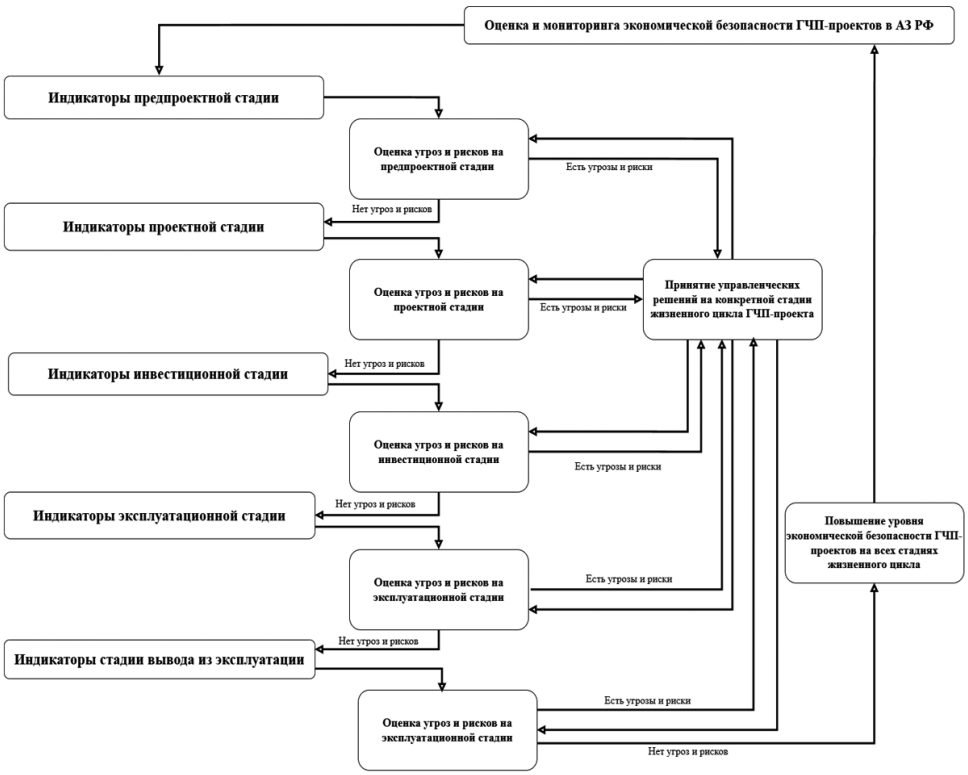

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Система индикаторов оценки и мониторинга экономической безопасности ГЧП-проектов в АЗ РФ

На основе предложенной системы индикаторов оценки и мониторинга экономической безопасности ГЧП-проектов в АЗ РФ по стадиям жизненного цикла был построен алгоритм проведения оценки и мониторинга экономической безопасности по замкнутому циклу (см. рис. 2).

Данный алгоритм позволяет оценивать уровень экономической безопасности и устойчивость ГЧП-проектов к политическим, правовым, техническим, коммерческим, экономическим, валютным и финансовым рискам, а также выявлять потенциальные угрозы и принимать управленческие решения в сфере государственной политики для повышения уровня экономической безопасности при реализации ГЧ-проектов в АЗ РФ.

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Алгоритм оценки и мониторинга экономической безопасности ГЧП-проектов в АЗ РФ

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что реализация ГЧП-проектов в АЗ РФ происходит в условиях беспрецедентного роста конкуренции за ресурсы, транспортные коридоры, сферы политического и технологического влияния. Это обусловливает необходимость выстраивания эффективной системы обеспечения экономической безопасности в стратегически значимом регионе, в котором аккумулируется значительная часть природных богатств нашей страны и формируется основа экономического суверенитета России. В данном контексте экономическая безопасность АЗ РФ рассматривается как устойчивость системы принятия решений, способность противостоять внутренним и внешним угрозам и обеспечивать развитие национальной экономики в условиях высокой неопределенности, включая реагирование на возникновение редко случающихся или экстремальных событий.

Предложенный авторами новый подход к оценке и мониторингу уровня экономической безопасности на разных этапах жизненного цикла ГЧП-проектов в АЗ РФ позволит сделать государственно-частное партнерство эффективным инструментом обеспечения экономической безопасности для стратегического присутствия России в Арктике и развития ресурсного потенциала АЗ РФ. Такое утверждение обусловлено рядом фактором. Во-первых, детально проработанные стадии ГЧП-проектов, их содержание, риски и особенности реализации в АЗ РФ позволяют формировать систему индикаторов обеспечения экономической безопасности ГЧП-проектов по стадиям жизненного цикла. Во-вторых, разработанный алгоритм оценки и мониторинга экономической безопасности по замкнутому циклу позволяет оценивать уровень экономической безопасности и устойчивость ГЧП-проектов к основным категориям рисков и особенностям реализации проектов в Арктическом регионе. В-третьих, предложенная система индикаторов оценки и мониторинга экономической безопасности позволит своевременно выявлять возможные угрозы и принимать оптимальные управленческие решения на разных стадиях жизненного цикла проектов для обеспечения экономической безопасности в АЗ РФ.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Афонцев С.А.* Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 231–234. [*Afontsev S.A.* Conceptual bases of analysis of national and international economic security // Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the ministry of internal affairs of Russia. 2020. No. 3 (51). Pp. 231–234. (In Russ.).] EDN: OCSKAF.
2. *Караваева И.В.* Национальная экономическая безопасность в теоретических исследованиях Института экономики РАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 2. С. 27–42. [*Karavaeva I.V.* National economic security in theoretical studies of the institute of economics of the Russian Academy of Sciences // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No 2. Pp. 27–42 (In Russ.).] DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10013. EDN: BRJZHA.
3. *Ваславская И.Ю., Михалев Д.А.* Экстремальные события как механизм эндогенного развития социально-экономических систем // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2026. Т. 36. № 1. С. 45–53. [*Vaslavskaya I.Yu.* Extreme events as a mechanism of endogenous development of socio-economic systems // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2026. Vol. 36. No. 1. Pp. 45–53. (In Russ.).] DOI: 10.35634/2412-9593-2026-36-1-45-53. EDN: BFAGQS.
4. *Сухарев О.С.* Теория экономического развития Й. Шумпетера и факты современной жизни (эволюционная экономика) // Журнал экономической теории. 2010. № 2. С. 181–196. [*Sukharev O.S.* Theory of Economic Development by J. Schumpeter and the Facts of Modern Life (Evolutionary Economics) // Journal of Economic Theory. 2010. No. 2. Pp. 181-196. (In Russ.).] EDN: MTBENZ.

5. *Цветков В.А.* Стратегическое развитие арктического региона в условиях больших вызовов и угроз // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 3. С. 680–695. [*Tsvetkov V.A.* Strategic Development of the Arctic Region in the Context of Major Challenges and Threats // Economy of the Region. 2020. Vol. 16. No. 3. Pp. 680–695 (In Russ.).] DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-1. EDN: YEBGDQ.
6. *Цветков В.А.* Управление развитием Арктики: финансовое обеспечение региона и выбор критериев оценки эффективности инвестиционных проектов для его освоения // Управленческие науки. 2019. Т. 9. № 2. С. 62–77. [*Tsvetkov V.A.* Arctic Development Management: Financial Support for the Region and the Choice of Criteria for Assessing the Effectiveness of Investment Projects for its Development // Management Sciences. 2019. Vol. 9. No. 2. Pp. 62–77. (In Russ.).] DOI: 10.26794/2304-022X-2019-9-2-62-77. EDN: FRSLHH.
7. *Новоселов А.Л.* Методическое обеспечение ресурсосберегающего освоения арктических территорий // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: Материалы IX Международного форума, Москва, 29–30 октября 2020 г. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем рынка Российской академии наук, 2020. С. 518–521. [*Novoselov A.L.* Methodological Support for Resource-Saving Development of Arctic Territories // Russia in the 21st Century: Global Challenges and Development Prospects: Proceedings of the Ninth International Forum, Moscow, October 29–30, 2020. Moscow: Federal State Budgetary Scientific Institution Market Problems Institute of the Russian Academy of Sciences, 2020. Pp. 518–521. (In Russ.).] EDN: HHDFQV.
8. *Патрин Д.А.* Государственно-частное партнерство в развитии опорных зон в Арктической зоне Российской Федерации // Контентус. 2020. № 5 (94). С. 129–137. [*Patrin D.A.* Public-Private Partnership in the Development of Support Zones in the Arctic Zone of the Russian Federation // Contentus. 2020. No. 5 (94). Pp. 129–137. (In Russ.).] DOI: 10.24411/2658-6932-2020-10052. EDN: TYBMIN.
9. *Воротников А.М.* Государственно-частное партнерство в формировании и развитии опорных зон развития в Арктической зоне Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 7–12. [*Vorotnikov A.M.* Public-Private Partnership in the Formation and Development of Support Zones for Development in the Arctic Zone of the Russian Federation // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2018. No. 4 (34). Pp. 7–12. (In Russ.).] EDN: YSHPRZ.
10. *Городецкий А.Е.* Правовые и методические проблемы стратегического планирования развития арктических регионов России // Арктика: экология и экономика. 2014. № 4 (16). С. 4–13. [*Gorodetsky A.E.* Legal and Methodological Problems of Strategic Planning for the Development of Russia's Arctic Regions // Arctic: Ecology and Economy. 2014. No. 4 (16). Pp. 4–13. (In Russ.).] EDN: TFYHVD.
11. *Цевенкова Е.О.* Анализ транспортно-логистической инфраструктуры Арктической зоны Российской Федерации // Молодежь, образование и наука XXI века: Материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФ, профессора В.С. Соминского, Санкт-Петербург, 19 апреля 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. С. 186–196. [*Tsevenkova E.O.* Analysis of the transport and logistics infrastructure of the Arctic zone of the Russian Federation // Youth, education and

science of the 21st century: Proceedings of the scientific and practical conference of students and postgraduates dedicated to the memory of Honored Scientist of the Russian Federation, Professor V.S. Sominsky, St. Petersburg, April 19, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2023. Pp. 186–196. (In Russ.).] EDN: GQIREM.

12. *Цевенкова Е.О.* Роль Северного морского пути в развитии Арктической зоны Российской Федерации // Актуальные проблемы развития таможенного дела на современном этапе: Сборник научных статей IV-й Межвузовской студенческой научно-практической конференции, Новосибирск, 27 ноября 2024 г. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2025. С. 102–109. [*Tsevenkova E.O.* The role of the Northern Sea Route in the development of the Arctic zone of the Russian Federation // Actual problems of customs development at the present stage: Collection of scientific articles of the IV Interuniversity Student Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, November 27, 2024. Novosibirsk: Siberian State Transport University, 2025. Pp. 102–109. (In Russ.).] EDN: TPGFIX.
13. *Ваславская И.Ю.* Совершенствование инструментария оценки уровня экономической безопасности // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2025. № 3. С. 198–203. [*Vaslavskaya I.Yu.* Improving the Toolkit for Assessing the Level of Economic Security // Forging and Stamping Production. Materials Pressure Processing. 2025. No. 3. Pp. 198–203. (In Russ.).] EDN: ICLGYO.
14. *Варнавский В.Г., Клименко А.В., Королев В.А.* и др. Государственно-частное партнерство: теория и практика: Институт государственного и муниципального управления Государственного университета, Высшей школы экономики, Центр ГЧП Внешэкономбанка. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2010. [*Varnavskii V.G., Klimenko A.V., Korolev V.A.,* et al. Public-Private Partnership: Theory and Practice: Institute of State and Municipal Administration of the State University. Higher School of Economics, Center for Public-Private Partnerships of Vnesheconombank. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2010. (In Russ.).] EDN: TRHFVP.
15. *North D.C.* Institutions, institutional change and economic performance. In Cambridge University Press eBooks, 1990. DOI: 10.1017/cbo9780511808678.

Дата поступления рукописи: *05.12.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *28.05.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ваславская Ирина Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики предприятий и организаций Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия
ORCID: 0000-0002-1363-3865
vaslavskaya@yandex.ru

Ваславский Ян Ильич – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного обеспечения внешней политики ФМП МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0707-1699
vaslavsky@yandex.ru

Михалев Данил Алексеевич – аспирант кафедры экономики предприятий и организаций Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия
ORCID: 0009-0009-1026-920X
danil.mikhalev.2001@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina Yu. Vaslavskaya – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor, Department of Economics of Enterprises and Organizations, Naberezhnye Chelny (branch) of the Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia
ORCID: 0000-0002-1363-3865
vaslavskaya@yandex.ru

Yan I. Vaslavskiy – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Department of Information Provision for Foreign Policy, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0707-1699
vaslavsky@yandex.ru

Danil A. Mikhalev – Postgraduate Student of the Department of Economics of Enterprises and Organizations, Naberezhnye Chelny (branch) of the Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia
ORCID: 0009-0009-1026-920X
danil.mikhalev.2001@mail.ru

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS A TOOL FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The growth of economic activity in the Arctic region and the increasing competition for its resources necessitate the development of an effective system for ensuring the economic security of the Russian Federation. This strategically important region is rich in natural resources and forms the foundation for Russia's economic sovereignty. However, the development of its infrastructure requires substantial investments, sound management decisions, advanced technologies, and systematic risk management. The article argues for the need to use public-private partnerships as a tool for ensuring economic security in the Arctic zone of the Russian Federation. A new theoretical and methodological approach to assessing and monitoring the level of economic security at various stages of the life cycle of infrastructure facilities in the Arctic zone of the Russian Federation is proposed.

Keywords: *public-private partnership, economic security, Arctic zone of the Russian Federation, life cycle, infrastructure, monitoring, sovereignty.*

JEL: H54, H76, O18.

Д.Е. КОНОВАЛОВ
младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СПРОСА НА КУЛЬТУРНЫЕ БЛАГА: БАРЬЕРЫ ПОТРЕБИТЕЛЯ И ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ КУЛЬТУРЫ

Показатели, характеризующие уровень спроса на культурные блага, в России используются в качестве ключевых индикаторов для оценки эффективности функционирования сферы культуры. На протяжении последних двух десятилетий государство стремится стимулировать рост показателей посещаемости, нормативно закрепляя их целевые значения в отраслевых документах программно-целевого планирования. При этом первопричины снижения спроса на культурные блага в полной мере не устраняются, что приводит к фактическому переносу ответственности за достижение установленных показателей на уровень организаций отрасли. В статье обосновывается тезис о том, что спрос на культурные блага формируется под влиянием социально-экономических, инфраструктурных и институциональных условий. Эти условия создают барьеры для конечного потребителя и находятся вне управленческого контура организаций культуры. В исследовании рассматриваются основные барьеры формирования спроса на культурные блага, с которыми сталкиваются конечные потребители (население страны), стремящиеся увеличить частоту потребления культурных благ. Среди таких барьеров: ценовая недоступность отдельных видов культурных благ, ограниченная пространственная доступность организаций культуры и иные ограничения. Анализируются не только сами барьеры на стороне спроса, но и их первопричины, устранение которых настоятельно требуется для повышения доступности культурных благ для широких слоев населения. Исследование позволяет уточнить пределы ответственности организаций культуры за показатели посещаемости и поставить вопрос о релевантности использования указанных метрик в качестве ключевых индикаторов для оценки развития сферы культуры и эффективности мер ее государственной поддержки.

Ключевые слова: *государственная культурная политика, спрос на культурные блага, посещаемость организаций культуры, барьеры формирования спроса, оценка эффективности, релевантность целей, государственная поддержка культуры.*

УДК: 338.46, 338.24, 338.26

EDN: LFZSVA

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_3_96_115

Введение

В России показатели спроса на культурные блага входят в перечень основных индикаторов для оценки эффективности функционирования сферы культуры. Начиная с 2005 г. показатели посещаемости в сфере культуры закладываются в документы стратегического и программно-целевого управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [1]. Для организаций некоммерческого сегмента сферы культуры целевые показатели по посещаемости устанавливаются нормативным образом, тем самым формируя дополнительный (внешний) управленческий контур. Показатели эффективности, формируемые государством, влияют на то, как организации отрасли осуществляют процесс целеполагания и выстраивают свою деятельность.

В то же время в сфере культуры сохраняется ряд отраслевых проблем, решение которых требует участия государства. Одним из ключевых инструментов такого участия выступают меры государственной поддержки. Посредством инструментария государственных программ, национальных проектов и других программно-целевых механизмов государство ресурсно обеспечивает достижение избранных им целей в области культуры, которые, однако, не всегда оказываются тождественны решению проблем данной отрасли. Речь идет о том, что при разработке мер государственной поддержки не всегда учитывается масштаб вызовов, стоящих перед отраслью, а главное – подбирается не всегда релевантный для ответа на эти вызовы инструментарий.

На первый взгляд вопрос доступности культурных благ для населения страны стоит, казалось бы, не слишком остро – в условиях наличия интернета сегодня можно получить быстрый доступ к самому разнообразному и многожанровому контенту. Однако, далеко не все виды искусств способны адекватно «конвертироваться» в цифровой формат без потери качества. Примером тому служат исполнительские искусства, отличительной особенностью которых является то, что человек способен в полной мере оценить их ценность лишь физически присутствуя в зрительном зале в момент исполнения произведения, становясь соучастником происходящего события. Для жителей России доступ к таким видам искусства, равно как и к возможности принимать участие в процессе создания его произведений (например, путем любительского творчества) является ограниченным. Эти ограничения имеют разную природу и проистекают, главным образом, из социально-экономических, инфраструктурных и институциональных условий среды проживания каждого человека. Данные условия влияют на объем ресурсов,

которыми обладает человек как потенциальный потребитель культурных благ, соответственно – на его возможности, качество и уровень жизни, а в конечном итоге – на уровень спроса на культурные блага со стороны населения страны.

Целью данного исследования является выявление и анализ барьеров формирования спроса на культурные блага на уровне конечного потребителя, а также обоснование значимости их учета при разработке мер государственной поддержки сферы культуры и формировании показателей эффективности для данной отрасли экономики. Объект исследования – спрос на культурные блага со стороны населения России. Предметом исследования являются барьеры формирования спроса на культурные блага на уровне конечного потребителя и их влияние на достижение целевых показателей посещаемости организаций культуры (на примере театров). Предлагаемый в статье подход отличается тем, что «проблема посещаемости» рассматривается с точки зрения конечного потребителя культурных благ (жителя страны), чьи интересы представляет государство, когда устанавливает для сферы культуры целевые показатели посещаемости. Данный подход исследует барьеры и ограничения, на которые наталкиваются потребители культурных благ при возникновении потребности посещать культурные мероприятия чаще: потребности, которая не всегда способна трансформироваться в платежеспособный спрос. Анализируются причины возникновения этих преград и намечаются пути их устранения.

Поскольку проблема формирования спроса на культурные блага рассматривается с позиции ресурсных ограничений конечного потребителя, то это обуславливает и логику, в соответствии с которой выстроено данное исследование. Вначале обосновывается тезис о том, что формирование спроса на культурные блага происходит под влиянием социально-экономических, инфраструктурных и иных условий, задается общий контекст анализа. Затем вводится система ресурсных ограничений потенциального потребителя культурных благ и показывается их связь с факторами формирования спроса. После этого последовательно рассматриваются ключевые барьеры, возникающие у конечного потребителя, — ценовая недоступность культурных благ, проблема инфраструктурной обеспеченности и проблема формирования устойчивого спроса на культурные блага. Анализируются причины возникновения каждого из указанных барьеров и определяются возможные направления устранения этих преград. В заключение уточняются пределы ответственности организаций культуры за достижение показателей посещаемости и обосновывается необходимость пересмотра подходов к целеполаганию и оценке эффективности в системе государственной поддержки сферы культуры.

Социально-экономический, инфраструктурный и институциональный контекст формирования спроса на культурные блага

Для принятия взвешенных решений в области государственной поддержки сферы культуры необходимо знать не только общий уровень посещаемости организаций культуры и социально-экономический состав потенциальных потребителей культурных благ, но и факторы формирования спроса, поддающиеся политическому воздействию [2, p. 2]. К числу этих факторов можно отнести социально-экономические, инфраструктурные и институциональные условия, сложившиеся в каждой стране или регионе в конкретный исторический период (*далее – условия внешней среды*).

Социально-экономические, инфраструктурные и институциональные факторы задают для конечных потребителей определенный уровень ресурсных ограничений, который опосредованно влияет на уровень спроса. Как показывают исследования, динамика спроса на культурные блага в 1990-х и первой половине 2000-х в разных странах демонстрировала противоположные тенденции: так, в России и в Германии посещаемость театров снижалась [3, p. 164–165; 4, p. 369], во Франции – росла, а в США оставалась на относительно стабильном уровне [5]. Динамика спроса определяется условиями его формирования, которые в разных странах существенно различаются. Следовательно, при разработке мер государственной поддержки сферы культуры их необходимо принимать во внимание.

Если обратиться к посещаемости театров в РСФСР, то мы обнаружим, что ее пик приходился на 1970 г. (533,7 посещений на 1000 жителей), когда в театр ходил каждый второй житель страны; тенденция снижения числа посещений наметилась в 1980-е гг. и продолжалась вплоть до достижения исторического минимума, который «был зафиксирован в 2005 г. на отметке 194,7 посещений в расчете на 1000 жителей» [4, с. 369]. Сегодня мы можем констатировать факт, что уровень посещаемости театров более чем за полвека восстановить так и не удалось: в 2024 г. он составил 292,9 посещений на 1000 жителей, что в 1,82 раза (или на 45,1%) меньше, чем в 1970 г.[1] Списать это на некачественную работу организаций культуры едва ли возможно – когда мы оперируем такими длинными временными рядами, то становится очевидно, что проблема снижения посещаемости организаций культуры – системное явление, причины которого лежат за пределами зоны ответственности конкретных организаций отрасли.

[1] Рассчитано автором по данным Росстат и ГИВЦ Минкультуры России за 2024 г.

«Если имеется проблема, требующая решения, то прежде всего следует выяснить ее причины», поскольку устранение этих причин является основополагающим фактором и «необходимым условием решения задачи / проблемы» [6, с. 405]. Чтобы определить причины снижения спроса на культурные блага в России, необходимо обратиться к анализу барьеров (ресурсных ограничений), которые возникают у жителей страны – конечных потребителей культурных благ.

Ресурсные ограничения потребителей культурных благ

В исследовании [7] Р.И. Капелюшников и Н.В. Дёмина указывают, что спрос на культурные блага «можно представить как функцию от наделенности индивидов ресурсами трех типов — (1) денежными; (2) временными; (3) «эстетическими»» [7, с. 44]. Другими словами, каждый человек – потенциальный потребитель культурных благ – обладает определенным объемом финансовых средств, свободного времени и так называемого «культурного капитала»[2]. Эти ресурсы соотносятся с определенными факторами формирования спроса на культурные блага. Так, уровень доходов потребителей влияет на количество «денежных ресурсов». Пространственная доступность организаций культуры обуславливает объем затрат «денежных» и «временных ресурсов», необходимых для получения возможности доступа к культурным благам. Культурный капитал в этой схеме увязывается с «эстетическими ресурсами», которые накапливаются у человека в процессе потребления культурных благ и приобщения к культурным ценностям (см. табл. 1). Следовательно, коридор возможностей потенциального потребителя определяется его ресурсной обеспеченностью и конкретизируется через соответствующие факторы формирования спроса на культурные блага.

Вместе с тем непосредственное влияние на факторы спроса оказывают социально-экономические, инфраструктурные и институциональные условия. Социально-экономическая ситуация в регионе влияет на уровень доходов конечных потребителей. Наличие учреждений культуры, уровень их финансирования и кадровая обеспеченность отражается на качестве предложения культурных благ. Наличие или отсутствие традиций приобщения к искусству (в конкретном городе, в конкретной семье) накладывает отпечаток на культурный бэкграунд человека. Из этого следует, что спрос на культурные блага формируется под влиянием объективных условий внешней среды, которые

[2] Под культурным капиталом понимается «имеющийся у индивидов запас способностей, знаний и навыков, помогающий им получать удовлетворение при пользовании культурными благами (извлекать из них «полезность»)» [7, с. 44].

Таблица 1

Барьеры формирования спроса на культурные блага на уровне конечного потребителя: причины возникновения и пути устранения

Тип ресурсов потенциального потребителя	Факторы формирования спроса на культурные блага	Проблема	Причины	Необходимые решения
Денежные	Уровень доходов граждан [7; 23; 27]	Проблема ценовой недоступности культурных благ [8; 27]	Низкий уровень жизни населения [4]	Повышение уровня благосостояния граждан [7]
			Коммерциализация некоммерческого сегмента сферы культуры [9]	Повышение качества целеполагания и совершенствование институционального устройства системы государственной поддержки сферы культуры [1; 28]
Временные	Пространственная доступность и размер городской агломерации [13; 14; 15]	Проблема инфраструктурной обеспеченности [26; 29]	Нормативы обеспеченности организациями культуры, недостаточность средств в муниципальных бюджетах на рост инфраструктуры культуры	Развитие культурной инфраструктуры и расширение сети организаций культуры в малых городах и сельских населенных пунктах [26]
«Эстетические»	Культурный капитал [7; 16; 21; 23]	Проблема формирования устойчивой потребности в потреблении культурных благ	Наличие специальной художественной подготовки и/или традиции приобщения к искусству; качество предложения культурных благ и их конкурентоспособность относительно товаров-субститутов в широком смысле слова [21; 22; 23]	Просветительские программы для развития аудитории и механизмы ценовой дискриминации [30]
				Субсидии потребителям культурных благ [31; 32; 33]
				Системный характер мер государственной поддержки сферы культуры и их результативность в устранении первопричин существующих отраслевых проблем

Источник: составлено автором.

одинаково значимы как для потребителей, так и для производителей культурных благ. Если такие условия носят устойчивый характер, они начинают воспроизводить ограничения спроса и предложения, закрепляя уже сложившуюся траекторию развития сферы культуры, что является проявлением «эффекта колеи».

Существование проблемы снижения спроса на культурные блага предполагает наличие неких барьеров для потребителя, которые не позволяют ему увеличить частоту потребления культурных благ. Государство, устанавливая целевые показатели по посещаемости в систему оценки эффективности функционирования сферы культуры, намеревается решить эту проблему. Своими действиями оно, очевидно, встает на защиту интересов потенциального потребителя. Однако, для решения столь комплексной проблемы этого недостаточно – необходимо разобраться с барьерами[3], которые не позволяют жителям страны посещать культурные мероприятия и организации культуры чаще, и устранить причины возникновения этих преград.

Проблема ценовой недоступности культурных благ

Положительная связь уровня доходов граждан с уровнем потребления культурных благ – «универсальный феномен, давно признанный в экономике и социологии культуры» [7, с. 71]. Как показывают исследования театральной сферы, «низкий уровень жизни не позволяет людям ходить в театр так часто, как им хотелось бы» [4, с. 369]. В этой связи расширение материальных возможностей населения может рассматриваться как одно из условий стимулирования спроса на культурные блага. Низкий уровень жизни при этом является не единственной причиной проблемы ценовой недоступности театра. Второй предпосылкой возникновения данной проблемы является «политика коммерциализации театральной деятельности» [8, с. 133], проводимая государством. Речь идет о форсированном внедрении рыночных механизмов в деятельность некоммерческих (государственных и муниципальных) организаций культуры. В научной среде такая практика получила название «коммерциализации некоммерциализируемого» [9].

[3] Отметим, что рассматриваемые в исследовании барьеры нередко затрагивают сразу несколько видов ресурсов потребителей культурных благ. Так, удаленность организаций культуры от места проживания потребителя требует дополнительных затрат как денежных, так и временных ресурсов, а отказ от таких издержек ограничивает возможности накопления «эстетических ресурсов» (культурного капитала). Вместе с тем в табл. 1 факторы формирования спроса, соответствующие проблемы потребителя, причины этих проблем и предлагаемые решения соотносятся только с одним видом ресурсов, что позволяет сохранить концептуальную рамку, предложенную Р.И. Капелюшниковым и Н.В. Дёминой в работе [7].

В условиях бюджетного недофинансирования отрасли государство как учредитель обращается к некоммерческим организациям культуры с требованием постоянно наращивать объем финансовых поступлений от осуществления основной деятельности. Прирост доходов театров, как правило, обеспечивается за счет увеличения интенсивности проката спектаклей и/или за счет роста цен на билеты. Полученные таким образом средства направляются на покрытие дефицита дохода этих организаций. Вместе с тем такая практика приводит к сверхинфляционному росту цен на билеты, что «создает барьеры для посещаемости спектаклей значительным группам населения, для которых театр оказывается недоступен или ограниченно доступен» [8, с. 133].

Как данная ситуация отражается на функционировании организаций отрасли? Государственные и муниципальные театры при осуществлении репертуарной политики оказываются вынуждены отдавать предпочтение прокату спектаклей, «делающих кассу», тогда как прокат спектаклей, не рассчитанных на широкую аудиторию, несмотря на их потенциально высокую художественную ценность, закономерно сокращается. Какие последствия это имеет для зрителя как конечного потребителя? Со сцены государственных и муниципальных театров постепенно вымывается репертуар, имеющий сугубо некоммерческую направленность, что ведет к сокращению предложения культурных благ. Произведения искусства, способные ставить перед зрителем фундаментальные вопросы о смысле жизни, уступают место комедиям положений, водевилям и другим легким жанрам. Чем менее разнообразным является предложение культурных благ, тем меньше и спрос, поскольку «продукт» становится все более однородным и не закрывает эстетические потребности отдельных сегментов зрительской аудитории.

Рассмотренная выше проблема имеет институциональные корни и, по мнению исследователей, служит примером проявления «патерналистского провала» государства [10; 11]. Для ее решения представляется необходимым выполнение как минимум двух условий.

1. Устранение существующих противоречий, возникших вследствие игнорирования специфики экономических отношений в некоммерческом сегменте сферы культуры;

2. Повышение качества целеполагания в системе государственной поддержки сферы культуры (что предполагает, в том числе, уход от использования нормативно заданных целевых показателей посещаемости в сфере культуры).

Устранение первопричин проблемы ценовой недоступности культурных благ для конечного потребителя способно повысить результативность мер государственной поддержки и положительно сказаться на перспективах развития отрасли, а значит – на качестве предложения культурных благ и уровне платежеспособного спроса.

Проблема инфраструктурной обеспеченности

Еще У. Баумоль и У. Боуэн указывали, что «издержки зрителя не ограничиваются ценой билета», ввиду чего необходимо учитывать и сопутствующие расходы, в том числе транспортные издержки, поскольку «они влияют на решение пойти в театр порой не меньше, чем цена билета» [12, p. 261]. Это замечание актуально и в отношении временных издержек, которые несет потребитель культурных благ при посещении мероприятий в сфере культуры. От пространственной доступности организаций культуры [13; 14], а также от размера городской агломерации, где проживает потребитель культурных благ [15], зависит и объем временных затрат потребителя, влияющих на уровень спроса.

Пространственная доступность организаций культуры, как известно, является одним из факторов спроса на культурные блага. В научной литературе подчеркивается, что «отдаленность от объектов культуры подрывает спрос на культурные блага» [7, с. 71], который «будет тем выше, чем ближе место жительства индивида к объектам культуры» [7, с. 44]. Одним из объяснений этой зависимости являются временные издержки: чем дальше организации культуры находятся от места проживания потребителя, тем больше свободного времени требуется на их посещение.

Немаловажную роль здесь играет и степень концентрации населения в городской агломерации. Этот фактор спроса на культурные блага был выявлен в 2024 г. итальянскими исследователями К. Кастильоне и Д. Инфанте, которые провели анализ региональных детерминант спроса и предложения на рынке театральных услуг Италии за период с 1980 по 2014 г. Авторы пришли к выводу, что уровень урбанизации является одним из ключевых факторов, влияющих на обе стороны рынка культурных благ (и на спрос, и на предложение): он «играет определяющую роль в влиянии как на посещаемость театров, так и на количество спектаклей» [15, p. 24].

Со стороны спроса на культурные блага, рост численности городской агломерации увеличивает число потенциальных посетителей организаций культуры. Это происходит, в том числе, за счет увеличения длительности пребывания внутренних туристов в регионе, что «генерирует побочный эффект в виде роста посещаемости культурных мероприятий, включая театр» [15, p. 10]. Со стороны предложения культурных благ, рост уровня урбанизации способствует развитию местной культурной инфраструктуры и ведет к расширению рынка культурных благ [15, p. 24], в том числе за счет повышения окупаемости гастрольной деятельности театров из других регионов.

В населенных пунктах с невысокой степенью концентрации населения в городской агломерации данный фактор оказывает противопо-

ложное воздействие – сокращение численности населения приводит к сокращению спроса и предложения культурных благ. Результаты эконометрического анализа, проведенного К. Кастильоне и Д. Инфанте показывают, что города с невысокой численностью населения испытывают проблемы с привлечением профессиональных кадров в организации сферы культуры, что отражается как на качестве предложения культурных благ, так и на уровне спроса на культурные блага со стороны населения [15]. Таким образом, вопрос обеспечения доступности и качества предоставления культурных благ для жителей малых городов и сельских поселений стоит особенно остро. Это подтверждается результатами социологических исследований.

Так, по результатам опроса ВЦИОМ, проведенного в 2024 г.[4], среди россиян, которые посещают театр не чаще одного раза в год или вовсе не посещают его, каждый третий (33%) объясняет это отсутствием театра по месту проживания. Среди жителей городов с населением до 100 тыс. человек на эту проблему указывают 57% опрошенных, среди жителей сельской местности – 62%. Потребность населения страны в появлении новых театров продемонстрировали и результаты Всероссийского социологического опроса театральной публики, проведенного в 2019 г. – тогда об этом высказались 46,7 % респондентов [8, с. 104].

Ограниченная доступность культурных благ для населения страны является прямым следствием неравномерного развития инфраструктуры культуры. Региональные диспропорции в сфере культуры проявляются сразу в трех аспектах: в уровне спроса на культурные блага, в уровне бюджетного финансирования отрасли, в уровне развитости и обеспеченности инфраструктуры культуры[5,6]. Отметим, что указанные диспропорции характерны не только для межрегионального уровня, но и проявляются между населенными пунктами в пределах одного региона.

Обратившись к действующим «нормативам и нормам оптимального размещения организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры», принятым Распоряжением Министерства культуры Российской Федерации от 18 ноября 2025 г. № Р-494, мы обнаружим, что в городских населенных пунктах, численность населения которых ниже 100 тыс. человек, а также в сельских поселениях

---

[4] Аналитический центр ВЦИОМ (2024) «Весь мир – театр!». https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/massiv_49702.zip (дата обращения: 19.03.2026).

[5] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/ (дата обращения: 19.03.2026).

[6] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 г. № 2501-р. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409160031 (дата обращения: 19.03.2026).

любой численности не предполагается размещение парков культуры и отдыха, театров[7], цирков и концертных организаций[8]. На практике применение таких норм ведет к фактическому ограничению доступности культурных благ для широких слоев населения: по данным Росстат (по состоянию на 1 января 2024 г.) в 949 российских городах, численность населения которых не превышает 100 тыс. человек, проживает 25,9 млн человек; еще 25,7 млн человек проживает в 13 993 сельских поселениях; суммарно это 51,6 млн человек, что эквивалентно 35,34% постоянного населения России[9].

Применение действующих нормативов ведет к тому, что при рассмотрении вопроса о создании театра в городе с численностью населения 90 тыс. человек ведомства финансово-экономического блока вправе сослаться на отсутствие нормативного основания для выделения средств из бюджета соответствующего уровня – по действующим нормативам в таких населенных пунктах наличие театра не предполагается. Развитие сети учреждений культуры в малых городах и сельских населенных пунктах, являющееся необходимым условием решения проблемы инфраструктурной обеспеченности, требует пересмотра действующих нормативов.

Ситуация осложняется еще и тем, что ответственность за решение проблемы инфраструктурной обеспеченности институционально перекладывается на региональный и муниципальный уровень. «Учет региональной и местной специфики осуществляется <…> *в пределах собственных средств* (курсив автора) согласно рекомендуемой нормативной потребности и условий оптимального размещения организа-

---

[7] По действующим нормативам размещение музыкального театра, театра оперы и балета рекомендуется в административных центрах субъектов Российской Федерации. При этом наличие таких театров в административном центре засчитывается как обеспеченность театром городских населенных пунктов соответствующего региона в целом. На практике это означает, что для жителей малых городов и сельских населенных пунктов посещение театрального спектакля часто связано с необходимостью поездки в региональный центр, что требует дополнительных временных и финансовых затрат. Поскольку в данном случае нас интересует фактическая доступность культурных благ для конечного потребителя, то указанную норму автор не учитывает при подсчете количества театров, входящих в нормы оптимального размещения.

[8] Распоряжение Министерства культуры Российской Федерации от 18 ноября 2025 г. № Р-494 «Об утверждении методических рекомендаций органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления о применении нормативов и норм оптимального размещения организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры». https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413073359/ (дата обращения: 13.03.2026).

[9] Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 г. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (дата обращения: 14.03.2026). Рассчитано автором.

ций культуры»[10]. Подчеркнем, что вопросы инфраструктурной обеспеченности затрагивают сферу реализации конституционных прав граждан «на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям»[11]. Чтобы обеспечить для жителей страны условия *равного доступа* к этим благам, требуется не только административный контроль со стороны профильного министерства, но и значительная финансовая поддержка со стороны федерального бюджета (за счет межбюджетных трансфертов и других инструментов).

Проблема формирования устойчивой потребности в потреблении культурных благ

Рассуждая о барьерах повышения посещаемости в сфере культуры, нельзя оставить в стороне еще один аспект, опосредующий процесс формирования спроса на культурные блага. Если денежные и временные ресурсы создают возможности для досуговой деятельности, то выбор ее конкретных форм во многом зависит от эстетических предпочтений индивида. Они формируются под влиянием опыта и определенных компетенций, которые приобретаются им в процессе потребления культурных благ и соприкосновения с произведениями искусства [16, p. 289].

Совокупность человеческого опыта и компетенций в сфере искусства в научных исследованиях обозначается как «эстетические ресурсы» [7, с. 44], «культурный капитал» [17], «человеческий капитал» [18; 19] и «культурная составляющая человеческого потенциала» [20]. Пристальное внимание ученых к этой теме небеспричинно, поскольку «факторы, отражающие культурный бэкграунд, вносят в формирование спроса на культурные блага больший вклад, чем чисто экономические» [7, с. 44], которые «выступают скорее сдерживающим фактором, тогда как переменные, измеряющие различные аспекты культурного капитала, объясняют как сам факт доступа, так и интенсивность участия» [21, p. 147–148].

---

[10] Распоряжение Министерства культуры Российской Федерации от 18 ноября 2025 г. № Р-494 «Об утверждении методических рекомендаций органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления оприменении нормативов и норм оптимального размещения организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры». https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413073359/ (дата обращения: 13.03.2026).

[11] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). https://sudact.ru/law/konstitutsiia/ (дата обращения: 13.03.2026).

В современных условиях «культура должна конкурировать со многими другими видами досуга» за время и финансовые ресурсы человека, при этом оставаясь лишь «частью всеядного досугового рациона», включающего в себя экскурсии, отпускные поездки, посещение парков развлечений и занятия спортом [22, p. 21–22]. В этой связи научное сообщество и специалисты отрасли вот уже несколько десятилетий задаются вопросом: как сформировать у конечного потребителя *устойчивую* потребность ходить в театр, посещать выставки и концерты?

В кругу специалистов дискуссии о приобщении к искусству сводятся к необходимости создания условий, при которых происходит формирование культурного капитала человека. Исследователи указывают, что культурный капитал накапливается у человека как в процессе специальной художественной подготовки, так и в ходе непосредственного контакта с произведениями искусства [21; 22; 23]. Поскольку «детский опыт оказывает огромное (чаще всего — решающее) влияние на последующее поведение индивидов в сфере культуры», то «воспитание» зрительской аудитории театров традиционно ведется с малых лет [7, с. 47]. Важное место в этом процессе занимает просветительская работа организаций культуры — лекции, мастер-классы, дискуссии, а также механизмы ценовой дискриминации (спецпрограммы), применяемые для обеспечения доступности культурных благ для молодежи, пожилых людей и инвалидов.

В аналогию с тем, как «необразованные не видят всех выгод образования» [24, p. 14], в случае культурных благ возникает подобная ситуация: они «востребованы только теми, кто невольно уже получил опыт их потребления» [25, p. 520]. В этом контексте представляется значимым тот факт, что в решение задачи по формированию устойчивого спроса на культурные блага включается и государство. Так, с 2021 г. в России появилось субсидирование потребителей культурных благ: молодым людям в возрасте от 14 до 22 лет выдается «Пушкинская карта» – ваучер на посещение организаций культуры.

В период с сентября 2021 г. по январь 2024 г. «Пушкинской картой» воспользовались 7,6 млн человек[12]. Принимая во внимание востребованность этого инструмента, необходимо отметить, что если в местности, где проживает человек, нет доступных ему для посещений организаций культуры (например, нет ни театров, ни концертного зала, ни музея), то и воспользоваться таким инструментом, не покидая место проживания, он в таком случае не сможет. Следовательно, достижение долгосрочного эффекта от подобных мер требует сочетания финансо-

[12] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409160031 (дата обращения: 19.03.2026).

вой поддержки потребителей с устранением пространственных барьеров доступа к культурным благам.

В исследованиях отмечается, что сложившиеся традиции приобщения к искусству в каждом конкретном городе, в конкретной семье образуют важный неформальный институт, наличие которого влияет как на эстетические предпочтения потребителей, так и, в конечном счете, на уровень спроса [26]. Поскольку формирование таких традиций занимает длительное время, особое значение приобретает качество культурных благ: именно оно способно поддерживать устойчивую потребность в их потреблении. В этом контексте одним из барьеров на стороне спроса представляется неудовлетворенность потребителей качеством конечного «продукта», а шире — качеством предложения культурных благ.

При выборе того, как распорядиться собственным досуговым временем, вопросы качества выступают существенным аргументом для конечного потребителя. Качественные характеристики культурных благ фактически определяют уровень их конкурентоспособности относительно товаров-субститутов в самом широком смысле слова. Поэтому для повышения посещаемости в сфере культуры необходимо, прежде всего, озаботиться созданием условий, при которых рост качества культурных благ станет возможным (см. табл. 1). Речь идет о кадровом обеспечении отрасли, поддержании и обновлении ее материально-технической базы, определении адекватных объемов финансирования и формировании иных институциональных условий. Все перечисленное происходит при непосредственном участии государства. Из этого следует, что повышение спроса на культурные блага в России требует не отдельных точечных решений, а последовательного и комплексного подхода, направленного на решение отраслевых проблем.

В контексте задачи по обеспечению роста посещаемости в сфере культуры необходимо отметить, что регулярность потребления культурных благ может быть обеспечена за счет коммерческой привлекательности конечного продукта, его жанровой доступности и соответствия уже сложившимся предпочтениям аудитории (примером тому может служить российский кинопрокат в сегменте массового развлекательного кино). Однако регулярность потребления не тождественна качественному изменению спроса на культурные блага. Процесс формирования культурного капитала предполагает не только увеличение частотности потребления культурных благ, но и накопление опыта обращения к разным жанрам и видам искусства, повышение способности воспринимать более сложные формы художественного высказывания, расширение мировоззрения человека. Эту заботу по совершенствованию человеческого потенциала граждан берут на себя организа-

ции сферы культуры. В этом контексте представляется необходимым, чтобы институциональные условия, формируемые государством, способствовали, а не мешали реализации данной стратегической цели.

Заключение

Вот уже два десятилетия в России перед сферой культуры ставится задача по увеличению спроса на культурные блага со стороны населения страны, а бремя по решению этой задачи ложится на некоммерческий (государственный) сектор данной отрасли. Ожидая ежегодный прирост уровня спроса на культурные блага, государство из года в год повышает целевые значения показателей посещаемости в сфере культуры. По ним же оценивается и эффективность мер государственной поддержки данной отрасли. Однако не всегда принимается во внимание тот факт, что спрос на культурные блага со стороны конечных потребителей формируется под влиянием ресурсных ограничений, которые задаются условиями внешней среды. Проведенный анализ этих ограничений позволяет сделать следующие выводы.

1. Социально-экономические, инфраструктурные и институциональные условия оказывают одновременное воздействие на потребителей и производителей культурных благ. Так, социально-экономические факторы влияют на уровень доходов населения; инфраструктурные ограничения сказываются на пространственной доступности организаций культуры, особенно в малых городах и сельских населенных пунктах; институциональные рамки, в свою очередь, задают параметры формирования предложения культурных благ. Эти условия определяют объем возможностей производителей и потребителей культурных благ, накладывают отпечаток на факторы формирования спроса на эти блага, и, тем самым, задают объективный «потолок» роста посещаемости в сфере культуры.

2. При формировании целей по увеличению посещаемости в сфере культуры следует учитывать, что возможности, которыми располагают организации отрасли, принципиально отличаются от тех ресурсов и механизмов, которые имеет в своем распоряжении государство. Проведенный анализ демонстрирует, что рассмотренные в статье факторы формирования спроса на культурные блага (доходы населения, инфраструктурная обеспеченность, размер городской агломерации и другие) находятся вне управленческого контура организаций культуры. По этой причине организации отрасли нельзя рассматривать как «виновников» низкой посещаемости – во многих случаях они выступают скорее «заложниками» институциональных ограничений, формируемых вовне. Следовательно, переносить ответственность за достижение целевых показателей посещаемости на уровень орга-

низаций культуры представляется методологически некорректным, поскольку значительная часть факторов формирования спроса находится за пределами их управленческого влияния.

3. При неблагоприятных социально-экономических, инфраструктурных, институциональных условиях и спрос, и предложение культурных благ развиваются в рамках одних и тех же структурных ограничений, которые со временем начинают воспроизводить сами себя и закреплять уже заданную траекторию развития сферы культуры. Это является проявлением «эффекта колеи». Для изменения сложившейся траектории развития отрасли требуется обеспечить системный характер мер государственной поддержки сферы культуры и их результативность в устранении первопричин существующих отраслевых проблем.

4. В этой связи стратегические приоритеты государственной поддержки сферы культуры целесообразно связывать не с достижением целевых показателей посещаемости, а с последовательным устранением барьеров и решением проблем, ограничивающих спрос на культурные блага на уровне конечного потребителя. Устранение барьеров на стороне спроса, ограничивающих участие в культурной жизни широких слоев населения России, представляется релевантной целью в системе государственной поддержки сферы культуры, поскольку ее достижение не просто желательно, а *необходимо* для повышения доступности культурных благ и формирования устойчивой потребности в их потреблении у жителей страны.

5. При установке целей государственной поддержки сферы культуры принципиально важно сохранять корректные причинно-следственные связи. Устранение барьеров формирования спроса на культурные блага, возникающих у конечных потребителей, действительно способно положительно повлиять на качество предложения культурных благ и на их конкурентоспособность по отношению к другим направлениям досуговой деятельности. Следствием этого может стать и рост посещаемости. Однако в обратную сторону эта связь не работает: формальный рост показателей посещаемости не свидетельствует о решении накопившихся отраслевых проблем, а потому не является индикатором качества функционирования отрасли. Отсюда следует, что использование показателей спроса на культурные блага в качестве ключевых индикаторов для оценки эффективности государственной поддержки сферы культуры является методологически некорректным, нерелевантным.

6. Оценку эффективности организаций сферы культуры также нельзя сводить к показателям посещаемости, не учитывая то, в какой мере государство обеспечивает базовые социально-экономические, инфраструктурные и институциональные условия, необходимые для

увеличения уровня платежеспособного спроса. Следовательно, низкая посещаемость сама по себе не может служить достаточным основанием для вывода о неэффективности организаций культуры.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой более детальных рекомендаций по совершенствованию процессов целеполагания и оценки эффективности мер государственной поддержки сферы культуры. В следующей работе автора будет рассмотрен вопрос о том, каким образом необходимо формировать цели и показатели для данной отрасли, чтобы они позволяли оценивать результативность мер государственной поддержки с точки зрения их вклада в решение существующих отраслевых проблем.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Коновалов Д.Е.* Целеполагание и результативность государственной культурной политики России // AlterEconomics. 2025. Т. 22. № 2. С. 240–258. [*Konovalov D.E.* Russian Cultural Policy: Goal-Setting and Outcomes // Alter Economics. 2025. Vol. 22. No. 2. Pp. 240–258. (In Russ.).] EDN: UUJJIF. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-2.4.
2. *O'Hagan J., Castiglione C.* European Statistics on Cultural Attendance and Participation and Their International Comparability: ESA Research Network Sociology of Culture Midterm Conference "Culture and the Making of Worlds", October 2010. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2010. https://ssrn.com/abstract=1692083 (accessed: 07.05.2026).
3. *O'Hagan J., Zieba M.* Output Characteristics and Other Determinants of Theatre Attendance—An Econometric Analysis of German Data // Applied Economics Quarterly. 2010. Vol. 56. No. 2. Pp. 147–174. DOI: 10.3790/aeq.56.2.147.
4. *Музычук В.Ю.* Театр в зеркале статистики: факты вместо мифов // Обсерватория культуры. 2019. № 4 (16). С. 362–373. [*Muzychuk V.Yu.* Theaters in the Mirror of Statistics: Facts Instead of Myths // Observatory of Culture. 2019. Vol. 16. No. 4. Pp. 362–373. (In Russ.).] EDN: KPQNLI. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-4-362-373.
5. *Christin A., Donnat O.* Pratiques culturelles en France et aux États-Unis: Éléments de comparaison 1981–2008 // Culture études. 2014. No. 1. Pp. 1–16. [*Christin A., Donnat O.* French and American Cultural Participation: Elements of comparison, 1981–2008 // Culture études. 2014. No. 1. Pp. 1–16. (In French).] DOI: 10.3917/cule.141.0001.
6. *Братченко С.А.* Условия взаимной согласованности целей в государственном управлении // AlterEconomics. 2025. Т. 22. № 3. С. 399–416. [*Bratchenko S.A.* Requirements for Goal Consistency in State Governance // AlterEconomics. 2025. Vol. 22. No. 3. Pp. 399–416. (In Russ.).] EDN: USVUCA. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-3.2.
7. *Капелюшников Р.И., Дёмина Н.В.* Потребление культурных благ в России: масштабы, детерминанты, дифференциация // Экономическая социология. 2021. Т. 22. № 2. С. 42–80. [*Kapeliushnikov R.I., Demina N.V.* Consumption of Cultural Goods in Russia: Scale, Determinants, Differentiation // Journal of Economic Sociology. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 42–80. (In Russ.).] EDN: BNJNTC. DOI: 10.17323/1726-3247-2021-2-42–80.
8. *Рубинштейн А.Я.* Театр, зритель и государство: 12 комментариев экономиста // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 5. С. 98–149. [*Rubinstein A.Ya.* The

Theatre, the Audience and the State: Twelve Economist's Comments // Journal of Economic Sociology. 2019. Vol. 20. No. 5. Pp. 98–149. (In Russ.).] EDN: VRFSCZ. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-5-98-149.

9. *Музычук В.Ю.* Сфера культуры: коммерциализация некоммерциализируемого (масштабы и последствия) // Декоммерциализация экономики (социально-экономические предпосылки прогресса человеческого потенциала и технологической модернизации) / под ред. А.В. Бузгалина, Н.Г. Яковлевой. Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2023. С. 223–258. [*Muzychuk V.Yu.* The Cultural Sector: Commercialization of the Non-Commercializable (Scale and Consequences) // Decommercialization of the Economy (Socio-Economic Preconditions for the Progress of Human Potential and Technological Modernization) / edited by A.V. Buzgalin, N.G. Yakovleva. St. Petersburg: Politekhnika-Service, 2023. Pp. 223–258 (In Russ.).] EDN: UFDVII.
10. *Музычук В.Ю.* Государственный патернализм в сфере культуры: что не так с установками патера в России? Научный доклад. Москва: Институт экономики РАН, 2017. [*Muzychuk V.Yu.* State paternalism in the cultural sector: what's wrong with the guidelines of the patron in Russia? Research paper. M.: Institute of Economics of the RAS, 2017. (In Russ.).] EDN: YQYQLR.
11. *Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е.* Некоторые аспекты экономической теории государства. Научный доклад. Москва: Институт экономики РАН, 2017. [*Rubinstein A. Ya., Gorodetskiy A.E.* Some aspects of the economic theory of the state: Scientific report. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2017. (In Russ.).] EDN: YLUGIZ.
12. *Baumol W.J., Bowen W.G.* Performing arts, the economic dilemma: a study of problems common to theater, opera, music and dance. Repr. of the ed. 1966, New York. Millwood, N.Y: Kraus Reprint Co, 1978.
13. *Brook O.* Reframing models of arts attendance: Understanding the role of access to a venue. The case of opera in London // Cultural Trends. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 97–107. DOI: 10.1080/09548963.2013.783175.
14. *Biferale L. et al*. The spatial dimensions of cultural consumption: how distance influences consumption levels in a spatial setting // Journal of Cultural Economics. 2024. Vol. 48. No. 4. Pp. 499–525. DOI: 10.1007/s10824-024-09506-0.
15. *Castiglione C., Infante D.* The Demand and Supply for Theatre: A Long-Run Analysis over the Italian Regions // Homo Oeconomicus. 2025. Vol. 42. No. 2. Pp. 87–113. DOI: 10.1007/s41412-024-00142-9.
16. *Throsby D., Severn J.R., Petetskaya K.* Preference formation in demand for live theatre // Journal of Cultural Economics. 2024. Vol. 48. No. 2. Pp. 285–310. DOI: 10.1007/s10824-023-09487-6.
17. *Bille T.* The values of cultural goods and cultural capital externalities: state of the art and future research prospects // Journal of Cultural Economics. 2024. Vol. 48. No. 3. Pp. 347–365. DOI: 10.1007/s10824-024-09503-3.
18. *Falck O., Fritsch M., Heblich S.* The phantom of the opera: Cultural amenities, human capital, and regional economic growth // Labour Economics. 2011. Vol. 18. No. 6. Pp. 755–766. DOI: 10.1016/j.labeco.2011.06.004.
19. *Herrero-Prieto L.C., Gómez-Vega M.* Orchestras // Handbook of Cultural Economics, Third Edition / edited by Towse R., Navarrete Hernández T. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020. Pp. 392–398. DOI: 10.4337/9781788975803.00049.

20. *Музычук В.Ю.* Культура в экономической системе координат (препринт). Москва: Институт экономики РАН, 2023. [*Muzychuk V.Yu.* Culture in the economic coordinate system (preprint). Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2023. (In Russ.).] EDN: VOKJQS.
21. *Ateca-Amestoy V. Determining* Heterogeneous Behavior for Theater Attendance // Journal of Cultural Economics. 2008. Vol. 32. No. 2. Pp. 127–151. DOI: 10.1007/s10824-008-9065-z.
22. *Van der Ploeg R.* In Art We Trust // De Economist. 2002. Vol. 150. No. 4. Pp. 333–362. DOI: 10.1023/A:1020127924021.
23. *Zieba M.* Theatre // Handbook of Cultural Economics, Third Edition / edited by Towse R., Navarrete Hernández T. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020. Pp. 503–513. DOI: 10.4337/9781788975803.00062.
24. *Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance: A Study in Public Economy. New York: McGraw-Hill, 1959.
25. *Blaug M.* Welfare economics // Handbook of Cultural Economics, Third Edition / edited by Towse R., Navarrete Hernández T. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020. Pp. 520–526. DOI: 10.4337/9781788975803.00064.
26. *Коновалов Д. Е.* Проблемы финансирования музыкальных театров в регионах России // Культурологические записки: сборник статей. Москва: Государственный институт искусствознания, 2024. № 22. С. 139–150. [*Konovalov D. E.* Problems of Financing Music Theaters in the Regions of Russia // Cultural Studies Notes: Collection of Articles. Moscow: State Institute for Art Studies, 2024. No. 22. Pp. 139–150. (In Russ.).] EDN: IFMMHO.
27. *Rushton M.* Pricing the Arts // A Handbook of Cultural Economics, Second Edition / edited by Towse R. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2011. Pp. 350–355. DOI: 10.4337/9780857930576.00055.
28. *Коновалов Д.Е.* Сравнительный анализ целей в документах стратегического планирования в области культуры // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 1. С. 47–65. [*Konovalov D.E.* Comparative Analysis of Objectives in Strategic Planning Documents in the Cultural Domain // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 1. Pp. 47–65. (In Russ.).] EDN: GIBTLG. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_47_65.
29. *Абанкина Т.В., Ксынкина Г.М., Николаенко Е.А.* Динамика обеспеченности населения России культурными благами (2000—2019) // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18. № 1. С. 4–21. [*Abankina T.V., Ksynkina G.M., Nikolayenko E.A.* Dynamics of the Cultural Benefits Provision to the Russian Population (2000–2019) // Observatory of Culture. 2021. Vol. 18. № 1. Pp. 4–21. (In Russ.).] EDN: WWTYKX. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-1-4-21.
30. *Albinsson S.* Workers' access to Swedish opera houses and concert halls, 1898–2019 // Journal of Cultural Economics. 2023. Vol. 47. No. 1. Pp. 1–30. DOI: 10.1007/s10824-021-09437-0.
31. *Baumol W.J.* Economics of Athenian Drama: Its Relevance for the Arts in a Small City Today // The Quarterly Journal of Economics. 1971. Vol. 85. No. 3. Pp. 365–376. DOI: 10.2307/1885927.
32. *Baumol W.J.* Application of Welfare Economics // A Handbook of Cultural Economics, Second Edition / edited by Towse R. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2011. Pp. 9–18. DOI: 10.4337/9780857930576.00007.

33. *Forte F.* The Individual Choice-Public Choice Perspective and Cultural Economics // The Artful Economist / edited by Rizzo I., Towse R. Cham: Springer International Publishing, 2016. Pp. 11–29. DOI: 10.1007/978-3-319-40637-4_2.

Дата поступления рукописи: *01.04.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *28.05.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коновалов Дмитрий Евгеньевич – младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0009-5103-7544
dkpik@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitri E. Konovalov – Junior Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0009-5103-7544
dkpik@mail.ru

BARRIERS TO CONSUMER DEMAND FOR CULTURAL GOODS AND THE LIMITS OF CULTURAL INSTITUTIONS' RESPONSIBILITY

In Russia, indicators measuring the level of demand for cultural goods are used as key metrics for evaluating the performance of the cultural sector. Over the past two decades, public authorities have attempted to stimulate attendance growth by establishing target values for attendance metrics in official policy documents for the cultural sector. At the same time, the root causes of declining demand for cultural goods have not been fully addressed. As a result, responsibility for achieving these targets is shifted to cultural organizations. The article argues that demand for cultural goods is shaped by a set of framework conditions: socio-economic, infrastructural and institutional conditions. These framework conditions create barriers for end consumers and are beyond the managerial control of cultural institutions. The study examines the main barriers faced by end consumers (the country's population) seeking to increase their consumption of cultural goods. These barriers include financial barriers to access to certain cultural goods, the limited spatial accessibility of cultural institutions, and other constraints. The article analyzes not only these demand-side barriers but also their root causes, the removal of which is urgently needed to improve access to cultural goods for broad groups of the population. The study helps to clarify the limits of cultural institutions' responsibility for attendance outcomes. It also raises the question of the relevance of these metrics as key indicators for assessing the development of the cultural sector and the effectiveness of public support measures.

Keywords: *cultural policy, demand for cultural goods, attendance of cultural institutions, demand-side barriers, performance evaluation, relevance of objectives, public support for culture.*
JEL: Z11, Z18, E61, I38, O20.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

А.В. ВИЛЕНСКИЙ
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором региональной экономики и местного самоуправления ФГБУН Институт экономики РАН

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ВНУТРИНАЦИОНАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: МИРОВОЙ ОПЫТ

В работе показано, что эволюция внутринациональной региональной экономической политики в зарубежных странах с рыночной экономикой (прежде всего во Франции, Великобритании и США) и ее теоретических основ шла постепенно, поэтапно – от простого к сложному. Первоначально считалось, что рыночные отношения, конкуренция между субъектами хозяйствования сами обеспечат должное развитие регионов страны. Ситуация изменилась кардинальным образом в ходе мировой «Великой депрессии» конца 1920-х годов благодаря переходу к региональной государственной экономической политике в странах с рыночной экономикой на основе кейнсианства. К настоящему времени в ведущих зарубежных странах сформировались контуры современной модели внутринациональной региональной экономической политики, которая более всего подчинена требованиям прагматизма, основанного на неолиберальных и неоинституциональных подходах.

Ключевые слова: *политика регионального развития, рыночные механизмы, кейнсианство, полюса роста, неолиберализм.*

УДК: 332.01, 332.02, 332.1, 338.2

EDN: BNTLVS

DOI: 10.52180/2073–6487_2026_3_116_132

Введение

Государственная внутринациональная региональная экономическая политика играет важную роль в обеспечении социально-экономического развития любой, и особенно крупной страны. Более того, она всегда была важнейшим направлением государственного строительства, обеспечивающего территориальное единство страны. Ее содержание и история изучаются многими исследователями как в нашей стране, так и за рубежом [1; 2; 3], однако при этом прак-

тические аспекты рассматриваются обычно в отрыве от теории, так или иначе лежащей в ее основе. Чаще всего исследователи ограничиваются выявлением связи между фрагментарными теориями регионального развития (например, точек роста) и государственной региональной политикой. Паттерн сложился так, что само появление региональной экономической политики в странах с рыночной экономикой обычно связывается с событиями по поддержке регионов в США, наиболее пострадавших от Великой депрессии конца 1920-х годов [10, с. 42–70]. В нашем исследовании предполагается выйти за рамки такого трафаретного подхода и попытаться выявить этапы развития региональной экономической политики со времени ее реального появления, рассматривая этот процесс в контексте ее взаимосвязи с развитием экономической теории. Попытаемся показать, как региональная политика в последние десятилетия стала преобразовываться в пространственную политику с ее тяготением, в отличие от традиционной региональной политики, к неолиберализму и неоинституционализму[1].

Появление и начало эволюции региональной экономической политики

Первый и наиболее длительный из этапов эволюции региональной экономической политики – это период ее существования в качестве не самого важного элемента внутринациональной политики по обеспечению казначейских доходов государства в эпоху становления капитализма, во многом сохранившихся со времен феодализма, с централизованными и локальными местными податями (городской налог, подать за проезд через мост и т. п.).

[1] Пространственная экономическая политика, в сопоставлении с традиционной региональной, имеет на порядок больше целей и задач. В первую очередь она нацелена на решение социальных проблем. Кардинально расширился набор методов и инструментов ее реализации. Проблема размещения производительных ресурсов хотя и играет в ней важную роль, но по отношению к социальным целям она оказывается второстепенной. Отметим также, что понятие «пространственная экономика» вошло в научный оборот во второй половине XIX в. благодаря германским географам А. Геттнеру, К. Риттеру и их последователям. Сложилось так, что под пространственной экономикой (экономикой пространства) понимается все, что имеет отношение к экономике и социальной сфере (включая население, здания и сооружения, инфраструктуру и т. п, организацию хозяйственной деятельности с ее агентами, механизмы государственного и муниципального управления и регулирования, элементы качества жизни и т. д.) на определенной ограниченной территории (подробнее см.: *Виленский А.В.* Единство национального экономического пространства и преференциальные экономические зоны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 5. С. 46–64).

Сама государственная внутринациональная экономическая политика появляется вместе с зарождением капитализма. Так, в Великобритании в XVI–XVII вв. государственная политика «огораживания», то есть инициированной лендлордами по ценовым соображениям масштабной ликвидации общинных посевных земель и выселения массы крестьян (вилланов) с них ради расширения пастбищ для овец, осуществлялась по всей стране. Но она шла с отчетливо выраженной разной скоростью в ее разных регионах. В рамках этой политики государством принимались законы по борьбе с возникшим тогда массовым бродяжничеством, включая повешение за бродяжничество, принудительное прикрепление бродяг к работе на частных мануфактурах на рабских условиях, создание при церковных приходах работных домов (workhouses) с теми же рабскими условиями принудительного труда. При этом политика «огораживания» наиболее активно реализовывалась в графствах на Юге, Юго-Востоке и Центре Англии, а в наиболее радикальных и жестких формах – в Шотландии [4, с. 10–38].

Политика «огораживания» завершила период феодализма в Великобритании и открыла широкие возможности для становления имперского капитализма в этой стране с его государственной экономической политикой. Аналогичным образом стала выстраиваться внутренняя государственная экономическая политика во всех странах, переходящих от феодализма к капитализму. Отметим, что в то время государственная внутренняя экономическая политика в капиталистических странах не отличалась большим разнообразием как в отношении страны в целом, так и в отношении внутренних регионов.

Вся эта политика на первых порах строилась на принципах меркантилизма (Т. Ман [5], С. Ж. Батист [6, с. 110–118] с его положениями о небольшом государственном участии в экономических процессах (регулирование торговли, протекционизм в позднем меркантилизме), сдерживание оттока капитала из страны, минимальная поддержка промышленности). *Именно меркантилизм изначально лег в основу внутринациональной региональной политики.*

С конца XVIII века меркантилизм стал оттесняться положениями появившейся классической политэкономии (А. Смит [7], Ф. Рикардо [8]), либеральной по своей сути. Классическая политэкономия предполагала совсем минимальное, преимущественно косвенное вмешательство государства в экономические процессы, делая упор на саморегулирование рынка. Главная функция государства – защита прав собственности, безопасность людей, создание рыночной инфраструктуры в тех случаях, когда с ее формированием и функционированием не могут справиться частные субъекты хозяйствования. Положения классической политэкономии стали считаться незыблемыми. При этом в капиталистических странах реализовывались разные, в том

числе крупные внутринациональные межрегиональные государственные проекты. Примером таковых в России являются проекты строительства Царскосельской и Московско-Петербургской железных дорог, стимулирования развития горной промышленности на Урале и Юге страны, развития нефтедобычи.

Региональная экономическая политика кейнсианского типа: опыт США, Великобритании, Франции

Следующий этап государственной внутринациональной региональной политики был порожден мировой Великой депрессией конца 1920-х – начала 1930-х годов как реакция на замену свободной конкуренции иррациональным для национального хозяйства диктатом появившихся монополий, крупных корпораций и банков. Необходимость противодействия этому диктату привела к кардинальному пересмотру роли государства во внутринациональном экономическом развитии, в результате чего и возникло кейнсианство (Дж. Кейнс [9] и его последователи), отодвинувшее в сторону прежние классические подходы к рыночной экономике. Основополагающий тезис Дж. Кейнса и всего кейнсианства сводится к тому, что рыночная экономика требует постоянного государственного вмешательства в ее процессы, – сама она не способна к рациональному саморегулированию. Великая депрессия конца 1920-х годов это наглядно показала и доказала. Основная цель государственного вмешательства в экономику – это всяческое стимулирование спроса (от роста госрасходов, снижения налогов, бюджетного дефицита до поддержания безработицы на приемлемом уровне).

Вместе с кейнсианской политикой государственного вмешательства в экономику стала формироваться и принципиально новая региональная экономическая политика. То, что в развитии регионов страны раньше считалось естественным проявлением рыночного саморегулирования или последствием этого саморегулирования, в определенной мере было поставлено под контроль государства, причем этот контроль на порядок стал более существенным. Речь шла в первую очередь о слабых регионах, экономика которых длительно нуждалась в поддержке вследствие отсутствия ресурсов, слабости инфраструктуры, удаленности. Причем нуждалась она в государственной поддержке в связи с тем, что отсталый регион являлся составной частью единой территории страны с ее единым национальным хозяйством. Впервые возникла цель уменьшения межрегиональных диспропорций, в первую очередь по социальным параметрам. На многие десятилетия эта цель стала главной для региональной политики.

В США в 1930-е годы региональная политика получила статус части «Нового курса» (New Deal), провозглашенного президентом

Ф. Рузвельтом. В рамках Нового курса она стала рассматриваться как элемент общей экономической политики реализации крупных инфраструктурных проектов, поддержки сельского хозяйства, борьбы с бедностью.

Отметим, что поддержка отдельных регионов США наблюдалась и до этого, но в Новом курсе стимулирование развития отсталых регионов ради межтерриториального социально-экономического выравнивания приобрело значение составной части государственной экономической политики, сначала как один из механизмов преодоления последствий Великой депрессии.

В рамках Нового курса 18 мая 1933 г. был запущен крупный межрегиональный проект с участием государства – «Администрация долины Теннесси (TVA, Tennessee Valley Authority)» [10 с. 42-70], которая функционирует и в настоящее время. Она изначально охватывала отсталые, сильно пострадавшие от кризиса штаты Юго-Востока страны: части Алабамы, Вирджинии, Джорджии, Кентукки, Миссисипи, Северной Каролины и Теннесси. Основное направление ее работы сводилось к формированию новой инфраструктуры – строительства плотин для гидроэлектростанций и самих гидроэлектростанций. Тем самым экономика и социальная сфера на близлежащих территориях обеспечивалась дешевой и доступной электроэнергией, что само по себе призвано было обеспечивать ускоренное социально-экономическое развитие этих территорий. Новые плотины использовались также для борьбы с характерными для вышеназванных регионов наводнениями [11].

Администрация вкладывала государственные деньги в землепользование, в аграрную сферу и в промышленность. На льготных условиях выделялись земельные площадки под строительство новых предприятий, средства и технологическая помощь на поддержку перспективных предприятий и малого бизнеса. При этом в качестве результата стимулирующей деятельности Администрации рассматривалось привлечение в проекты частного капитала, то есть государственно-частное партнерство рассматривалось как цель и одновременно как механизм, инструмент самой Администрации.

Обратим внимание на то, что деятельность Администрации в течение многих десятилетий не обеспечила полного процветания вышеназванных штатов. Большинство из них, несмотря на выделяемые государственные средства и организационные усилия, оставались наименее развитыми территориями США с высокой безработицей, бедностью, преступностью [12]. Но наверняка ситуация с ними была бы еще хуже, если бы не деятельность Администрации. Она обеспечивает единство социально-экономического пространства страны, единство ее территории, снижение социальных конфликтов, противоречий. В этом ее главная заслуга.

Также чрезвычайно существенно и то, что на большинство мер Нового курса накладывалась впервые начатая в США практика государственного планирования, которая стала реализовываться в значительной степени под влиянием планирования в СССР. В планах обозначались цели, методы реализации и ожидаемые результаты от принимаемых мер. Налицо был отход от прежнего упования на рыночное саморегулирование в сторону активного государственного вмешательства, интервенций в социальные и экономические процессы. Сам Новый курс был социально-экономической государственной программой [13].

В Великобритании в 1934 г. впервые был принят закон о специальных районах (Special Areas Act[2]). В нем речь шла о необходимости возрождения старых промышленных регионов (Север Англии, Уэльс, Шотландия), занимавшихся производством угля, стали и судостроением в условиях Великой депрессии. Ради их оживления, противодействия росту безработицы (достигшей в них очень больших размеров) закон создал механизмы оказания финансовой помощи, стимулирования создания новых фирм и новых рабочих мест, выдачи льготных кредитов для поддержания имеющихся и создания новых производств. Причем акцент в законе был сделан преимущественно на косвенных мерах государственного вмешательства в экономику и социальную сферу. Можно констатировать, что тем самым в Великобритании были заложены основы прокейнсианской региональной политики снижения межрегиональных диспропорций, прежде всего в социальной сфере.

В 1940–1960-е годы правительство Великобритании брало на себя функции стимулирования создания рабочих мест в регионах, перемещения предприятий из крупных городов (в первую очередь из Лондона) в слабые, депрессивные регионы. Создавались Специальные экономические зоны, на которые распространялись дополнительные государственные меры стимулирования их социально-экономического развития.

Региональная политика во Франции в 1930-х годах в значительной степени была менее выражена, чем в США и Великобритании. И это в условиях осуществления в этой стране активной государственной социальной политики просоциалистического типа! Но в те годы унитарное французское государство региональную политику считало для себя не главной, а второстепенной проблемой. Реальная региональная политика Франции в полном виде появилась уже в послевоенный

[2] Special Areas (Development and Improvement) Act, 1934. https://vlex.co.uk/vid/special-areas-development-and-861249885

период вместе с экономической политикой дирижизма[3] президента Шарля де Голля. В 1963 г. была создана «Межминистерская делегация по обустройству территории и региональной привлекательности (DATAR)» для поддержки депрессивных регионов, в том числе через координацию государственных инвестиций.

Важнейшим элементом региональной составляющей французского дирижизма стало противодействие происходящему тогда превращению Парижа в абсолютного экономического доминанта страны. Парижу было противопоставлено восемь крупных французских городов (Лион, Марсель, Лилль, Бордо, Тулуза, Нант, Страсбург и Монпелье), и для каждого из них были разработаны меры государственного стимулирования процессов формирования их инфраструктуры, социально-экономического развития, превращения их в крупные хабы. В отношении менее развитых, отдаленных от Парижа регионов страны было намечено строительство дорожной инфраструктуры и расширение каналов связи. Предпринимались меры по стимулированию производственной деятельности в депрессивных регионах, причем на основе планирования и реализации целевых программ.

Таким образом, и во Франции центральной целью внутренней региональной политики было сглаживание межрегиональных диспропорций, снижение разрыва уровней социально-экономического развития между регионами страны, прежде всего социального разрыва. Именно в послевоенной Франции, в значительной мере как социальный заказ, как заказ со стороны власти, появилась теория «полюсов роста» (фр. pôles de croissance), которая затем на много лет была положена в основу региональной политики. Центральное место в ней заняло государственное регулирование развития регионов, включая планирование. Основные положения этой теории были еще в середине 1950-х годов заложены известным французским экономистом-исследователем Франсуа Перру [14; 15]. Он исходил из того, что предприятия перспективных, быстро растущих отраслей образуют доминирующие полюса, привлекающие к себе другие предприятия и других субъектов хозяйствования. Между всеми ними идет взаимное экономическое сотрудничество, кооперация, интеграция, что оказывает значительное позитивное воздействие на их развитие. Под перспективными отраслями подразумевались технологически про-

[3] Под французским дирижизмом понимается активный интервенционализм государства в экономические и социальные процессы. Государство берет на себя функции масштабного управления экономикой, остающейся рыночной, преимущественно частной. В национальном хозяйстве страны создается большой государственный сектор. Дирижизм основан на идеях кейнсианства. К политике дирижизма в послевоенный период прибегала не только Франция, но и Япония, Южная Корея, Тайвань, причем весьма высоко успешно.

двинутые, инновационные отрасли. Исходной точкой его теории были именно успешно работающие предприятия. Заметим, что к 1950-м годам уже получила широкое распространение теория предпринимательства Й. Шумпетера, с его пониманием важности инноваций для ускоренного экономического развития [16]. Теория «полюсов роста» опиралась именно на подходы Й. Шумпетера к инновациям.

Начав с отраслевых проблем деятельности доминирующих предприятий, Ф. Перру в дальнейшем сконцентрировался на территориальных проблемах. Очевидно, что тяготение к доминирующим предприятиям прочих субъектов хозяйствования происходит на определенной территории. Заметим, что территории Ф. Перру понимал как поля притяжения успешных предприятий и тяготеющих к ним других субъектов хозяйствования, причем в широком и разнообразном понимании понятия «поле». Особое внимание Ф. Перру при этом уделил агломерациям. На территории региона, страны в соответствии с воззрениями Ф. Перру в целом образовывается территориальный каркас из «полюсов роста». При этом «полюса роста» сотрудничают, кооперируются, взаимодополняют друг друга.

В русле французского дирижизма Ф. Перру возлагал на государство функции нахождения и реализации национальных интересов через сотрудничество органов власти с крупным монополистическим капиталом, через значительный государственный сектор в экономике страны. Он всецело стоял на кейнсианских позициях, идя дальше и отрицая саму возможность свободной конкуренции в современной глубоко несбалансированной монополистической экономике. Государство же должно обеспечивать решение социальных проблем, прежде всего острых проблем социального неравенства. Конечно, все это необходимо осуществлять с учетом специфики конкретных территорий страны, с учетом межрегиональных диспропорций, стремясь при этом к их снижению, насколько это возможно.

Исследованиями проблем территориальной привязки «полюсов роста» с констатацией неизбежности диспропорций в развитии внутренних регионов страны усиленно занимались такие французские ученые-экономисты, как Ж. Будвилль [17], П. Потье [18], Х.Р . Ласуэна [19]. В их работах подробно рассматривались возможности агломераций, отдельных регионов как точек роста, подробно анализировались проблемы межрегиональных осей коммуникаций (осей развития) и их роли в появлении и развитии инновационных производств. Стал активно использоваться термин «кластеры» в приложении к полюсам (центрам, точкам) роста. Под «полюсом роста» со всей определенностью стала пониматься та или иная территория, ускоренное социально-экономическое развитие которой могло бы способствовать развитию соседних территорий за счет синергетических мультипликативных эффектов.

Тема «полюсов роста» была подхвачена по всему миру и учеными-исследователями и управленцами-практиками. Так, финансируемые, стимулируемые государством территории – «полюса роста» в 1950-е годы были созданы еще в Италии и Испании [20]. «Полюса роста» создавались в Великобритании и Бельгии. При этом их назначение дифференцировалось исходя из разных типов территорий: активно развивающиеся; депрессивные или осваиваемые. На территориях разных типов к «полюсам роста» применялись разные методы и инструменты экономической политики.

В то время в региональной политике рыночных стран сложился относительно устойчивый набор мер, инструментов ее проведения. В их числе – прямое (административное) воздействие через госзаказы, государственно-частное партнерство, инвестиции, дотации и субсидии, а также косвенные экономические стимулы — налоговые и амортизационные льготы, процентные субсидии, займы и создание производственной и социальной инфраструктуры, административные регламенты. Важное место в региональной экономической политике заняло регулирование миграции, как внутренней, так и внешней. Использовались программно-целевые подходы, балансовые и нормативные инструменты экономического программирования.

Считалось, что «полюса роста (центры, точки и т. п.) благодаря активной хозяйственной деятельности в них будут вести за собой прочие территории и регионы страны. К середине 1970-х годов выяснилось, что это не так. Вкладываемые государством средства, льготы и т. п. не давали должной отдачи. Межрегиональные диспропорции не только не сглаживались, но и нарастали вследствие концентрации капитала и квалифицированной рабочей силы в «полюсах роста» за счет их оттока из менее развитых регионов страны. Слабых, требующих государственной помощи регионов становилось только больше.

Региональная прокейнсианская политика с активным участием государства в региональном развитии оказалась подорванной (вместе со всей кейнсианской экономической политикой развитых стран с региональной экономикой) мировым топливно-энергетическим кризисом 1970-х годов. Этот кризис, а также и крупные технологические подвижки, переход к развитию постиндустриального типа с опорой на информационные ресурсы, на экономику знаний сделали неэффективными меры государственного экономического управления и регулирования, которые до этого десятилетиями работали с хорошим результатом. В новых условиях государство оказалось не способным успевать за быстрыми изменениями в экономике страны. Как следствие, в экономической национальной и региональной политике произошел возврат к ориентации на рыночное саморегулирование, к либерализму в его новых трактовках.

Неолиберальная региональная экономическая политика

К началу 1980-х годов неолиберализм уже накопил достаточно обширный теоретический задел. Возник неолиберализм еще в 1930-е годы как альтернатива – оппозиция кейнсианству – основе сложившейся тогда государственной экономической политики, а также и как альтернатива советскому марксизму-ленинизму с приоритетом плановых методов хозяйствования в экономике. Неолиберализм связан с такими крупными именами в экономической науке, как Ф.А. Хаек [21; 22], Л.Ф. Мизес [23], и М. Фридман [24], Р. Коуз [25]. В отношении позиции государства неолиберализм стоял на принципе Láissez-fáire, т. е. невмеша́тельства, родившемся еще до либеральной классической экономической теории, сделавшей его своим теоретическим фундаментом. Но все же неолиберализм не отрицал необходимость выполнения государством определенных функций по экономическому регулированию, причем на порядок бо́льший, чем классический либерализм. С середины 1970-х годов неолиберализм Чикагской школы отказался от полного отрицания кейнсианства и неокейнсианства. Отличия неокейнсианства от неолиберализма сводилось и сводится к разным наборам мер государственного регулирования и управления в экономике и в социальной сфере. При этом неолиберализм изначально сделал упор на государственное финансовое регулирование, на монетаризм. Важным элементом неолиберализма стала экономика предложения.

В экономическую политику стран с рыночной экономикой неолиберализм в полной мере вошел в 1980-е годы. Его элементы наблюдались в экономической политике Чили середины 1970-х годов при А. Пиночете, в значительной мере навязанной этой стране со стороны США в порядке эксперимента. В конце 1970-х годов, при президенте Р. Никсоне, неолиберализм стал внедряться в США, а в 1980-х годах его стало реализовывать консервативное правительство М. Тетчер в Великобритании. Тогда же он лег в основу экономической политики большинства западных стран и Японии. И остался в ней на десятилетия.

Минимизация роли государства в развитии внутренних регионов уже тогда, на начальном подэтапе перехода к неолиберальной политике, приобрела всеобщий характер. Стали проявляться элементы дерегулирования в государственном управлении, снижались налоги, была сделана ставка на кумулятивное развитие регионов и децентрализацию. Но главным в региональной неолиберальной экономической политике был упор на межрегиональную конкурентную борьбу между территориями за привлечение частных инвестиций в рамках свободной конкуренции. Стало считаться, что формируемая в стране и в ее регионах хорошая предпринимательская и инвестиционная

среда, значительно активизируя частную предпринимательскую деятельность, обеспечат ускоренное социально-экономическое развитие каждого из регионов. Активная деятельность хозяйствующих субъектов принесет казне и регионам больше налогов, больше финансовых поступлений, нежели высокие ставки налогов, мешающие активной хозяйственной деятельности. А излишнее перераспределение налоговых поступлений в пользу слабых порождает паразитизм. Налоговые и прочие поступления от хозяйственной деятельности призваны обеспечить реализацию мер государства по еще большему улучшению предпринимательского климата, по повышению качества социально-экономического развития и по решению острых социальных проблем, причем во все большем их многообразии.

Как следствие, в Великобритании еще в 1980-е годы были ликвидированы вышеупомянутые Специальные экономические зоны. Центральное правительство перестало выдавать гранты на развитие депрессивных регионов. Резко снизились расходы на региональную политику. В основу неолиберальной экономической политики была положена нацеленность на стимулирование конкурентоспособности предприятий, расположенных на разных территориях, стимулирование саморазвития территорий, нахождения ими собственных резервов для ускоренного развития, содействие развитию местной промышленности как альтернативе привлечения внешних инвестиций и т. п. Был ликвидирован государственный контроль за размещением предприятий по территориям. Было снижено внимание к социальным проблемам исходя из того, что активизация вовлечения широких слоев населения в малое и среднее предпринимательство в наилучшей мере их решит. При этом, однако, государство стало вкладывать больше денег в подготовку региональных управленческих кадров, в повышение их компетенций, их управленческой культуры в условиях неолиберальной политики.

Уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов в Великобритании активизировалась деятельность агентств регионального развития, занятых привлечением инвестиций, улучшением предпринимательского климата на своей территории. Основной акцент в региональной политике стал делаться на стимулировании повышения конкурентоспособности предприятий как в отраслевом, так и в региональном разрезах. Нарастание протестных движений в стране из-за свертывания социальных программ вызвало в 1990-е годы большее внимание правительства к решению социальных проблем в регионах страны, к снижению разрывов в уровнях жизни населения в развитых и отсталых регионах, чем оно уделяло им раньше.

В региональное управление США неолиберализм принес замену традиционных локальных программ штатов по привлечению инвес-

тиций и созданию новых рабочих мест на предпринимательские программы. Целью таких программ были: активизация инновационной деятельности, кумулятивное развитие регионов, стимулирование их конкурентоспособности, в том числе посредством формирования и распространения кластеров нового типа. Этот новый тип кластеров стал в значительной мере опираться на теоретические разработки М. Портера, обосновавшего их преимущества в виде снижения издержек за счет более близких расстояний между производителями и потребителями производимой продукции, экономии на масштабах хозяйственной деятельности, а главное, благодаря формированию в кластерах высокоэффективного информационного поля и общей инновационной нацеленности [26; 27].

В начале 2000-х годов, особенно после мирового кризиса 2008–2009 гг. (Great Recession), стало увеличиваться вмешательство государства в рыночные процессы развития регионов, при этом монетарный подход был сохранен. Начался новый подэтап неолиберальной экономической политики с ее региональной составляющей. *К настоящему времени сформировались контуры современной модели региональной экономической политики, которая все чаще определяется как пространственная. Ее элементы крайне разнообразны. Более всего она подчинена требованиям прагматизма, основанного на неолиберальных и неоинституциональных подходах.* Намного более обширным, чем было раньше, стало содержание государственных мер по содействию процессам формирования предпринимательской среды в регионах. Больше внимания стало уделяться повышению качества человеческого капитала рабочей силы в регионах, качеству услуг для населения, развитию инфраструктуры, сотрудничеству частных и государственных структур, муниципалитетов, начиная с выработки управленческих решений, максимально возможному привлечению гражданского общества к выработке и реализации таких решений в условиях активной политической конкуренции в стране.

К модифицированным вышеизложенным направлениям и инструментам региональной политики, сложившимся еще в кейнсианский период, добавились такие, как экология, культура, информационный обмен, развитие туризма, обеспечение конкурентоспособности регионов в международных экономических отношениях, содействие сотрудничеству между регионами. Межрегиональное сотрудничество приобрело особое значение в условиях как практического, так и теоретического продвижения к пониманию и реализации того факта, что в нынешних условиях такое сотрудничество, кооперация может дать больший положительный эффект для социально-экономического развития как каждого из регионов, так и страны в целом, нежели обычная конкуренция. Сотрудничество в достижении общих целей порождает

позитивный синергетический эффект, раскрывает дополнительные возможности для инновационной деятельности, для научно-технологического развития, для реализации крупных проектов с наименьшими издержками, для обмена информацией и знаниями в условиях цифровизации, для обеспечения устойчивого развития. В основу политики стимулирования такого сотрудничества были положены работы А. Бранденбургера и Б. Нейлбаффа из Гарвардской школы по кооперации в бизнесе [28], Ф. Шмиттера по корпоративизму [29, с. 17–20]. Ярким примером такого сотрудничества служит федерализм ФРГ с его кооперацией земель.

Социальная направленность региональной политики не просто усилилась, но стала в определенном смысле ее самоцелью. Решение проблем здравоохранения, жилищной политики, повышение качества жизни были поставлены в центр региональной политики, потеснив при этом задачу межрегионального выравнивания, максимального снижения межрегиональных диспропорций. Главное в межрегиональном выравнивании – это выравнивание уровня жизни населения разных регионов, насколько это возможно в сложившихся условиях с учетом географических и климатических отличий регионов.

Таким образом, региональная политика продолжила свою эволюцию, изменяясь и по формам, и по содержанию. Набор методов и инструментов пространственной политики, по сравнению с региональной, в условиях нынешнего неолиберализма кардинально увеличился, расширился, сконцентрировался на поиске решений социальных проблем.

Заключение

Как показало исследование, в основе целей и направлений современной государственной неолиберальной внутринациональной экономической региональной (пространственной) политики стран с рыночной экономикой лежит повышение качества жизни населения, обеспечение научно-технологического, инновационного развития регионов и роста их конкурентоспособности, а также и страны в целом через активное привлечение гражданского общества к выработке решений в региональной политике. Эта политика, исторически и эволюционно пройдя свой путь, стала сложной. История внутринациональной государственной региональной политики стран с рыночной экономикой насчитывает несколько столетий, в ходе которых можно выделить несколько основных этапов ее эволюции.

Приверженцы региональной политики, появившейся вместе с капитализмом, априори полагали, что рыночные отношения, конкуренция между субъектами хозяйствования сами обеспечат долж-

ное развитие регионов. Простота региональной политики была ярко выражена в ее изначально либеральный период господства классической политической экономии.

Ситуация изменилась кардинальным образом в ходе мировой «Великой депрессии» конца 1920-х годов – с началом проведения государственной экономической региональной политики в рыночных странах на основе теории кейнсианства. Особое внимание при этом было уделено социальным проблемам, государственной поддержке депрессивных регионов, сильно пострадавших в результате «Великой депрессии». Меры по снижению межрегиональных диспропорций были поставлены в центр всей региональной политики. В 1950-е годы возникла, по сути, кейнсианская политика «полюсов роста» с опорой на территории, получающие дополнительную поддержку от государства.

Переориентация экономической политики на положения неолиберальной теории в полной мере сказалась и на государственной региональной политике рыночных стран. Региональная политика стала преобразовываться в полноценно пространственную. Минимизация роли государства в развитии внутренних регионов тогда приобрела всеобщий характер. Дерегулирование, снижение налогов, ставка на кумулятивное развитие, сокращение поддержки слабых регионов с ее социальной составляющей, поощрение сильных регионов, сильных «полюсов, точек роста», кластеров стали ключевым направлением пространственной политики. Главным стал упор на конкурентную борьбу между территориями за привлечение частных инвестиций в рамках свободной конкуренции. Тогда же пришло осознание необходимости выстраивать пространственную политику с учетом того, что полное преодоление межрегиональных диспропорций недостижимо – возможно только их некоторое уменьшение.

На втором, нынешнем подэтапе неолиберальной региональной политики рыночных стран, в полной мере реализовывавшейся после мирового кризиса 2008–2009 гг., эта политика включила в себя большее, чем это было раньше, вмешательство государства в пространственное развитие, в рыночные процессы развития регионов. Для этого подэтапа стало характерным кардинальное усиление ее социальной составляющей. Нацеленность на преодоление межрегиональных диспропорций сохранилась, но отошла на второй план и потеряла свое первостепенное значение.

Внутринациональная пространственная политика современной России изначально реализовывалась и продолжает реализовываться в неолиберальном тренде, и она также заметно отходит от установки на полное устранение межрегиональных диспропорций в качестве своей самоцели. В последнее десятилетие российская пространствен-

ная политика строится на основе теории кумулятивного роста, создания многочисленных дополнительных точек роста в виде опорных населенных пунктов. Таким образом, современная региональная политика в России во многом основывается на мировом опыте и предполагает тесную кооперацию федеральной и региональной власти при решении социально-экономических задач страны. Развернутый анализ экономических аспектов современной российской региональной (пространственной) политики и результаты исследования автор предполагает представить в своей следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова и О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. [Regional Policy: Foreign Experience and Russian Realities / edited by A.V. Kuznetsov and O.V. Kuznetsova. Moscow: IMEMO RAS, 2015. (In Russ.).]
2. *Новикова Н.В., Кайгородов В.Г.* Устойчивое развитие региональной экономики и проблемы межрегионального неравенства: зарубежный опыт // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 15. № 11-1. С. 64–79. DOI: 10.34670/AR.2026.86.61.007. [*Novikova N.V., Kaigorodov V.G.* Sustainable Development of the Regional Economy and the Problems of Interregional Inequality: Foreign Experience // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2025. Vol. 15. No. 11-1. Pp. 64–79. (In Russ.).] DOI: 10.34670/AR.2026.86.61.007.
3. *Головлев И.М., Клепинина Д.Р., Гасанов В.Г., Лю Т.* Зарубежный опыт формирования институтов развития регионов в аспекте проведения региональной экономической политики (на примере США, стран ЕС, НИС) // В книге: Направления и механизмы повышения эффективности управления развитием организаций, отраслей, регионов: Монография / под общ. ред. В.В. Бондаренко, Т.В. Харитоновой, Е.М. Щербакова, О.А. Павловой. Пенза. 2017. С. 47–58. [*Golovlev I.M., Klepinina D.R., Gasanov V.G., Liu T.* Foreign Experience in the Formation of Regional Development Institutions in the Aspect of Regional Economic Policy (Based on the Example of the USA, EU Countries, and Newly Industrialized Countries (NIC)), In the Book: Directions and Mechanisms for Improving the Efficiency of Management of Organizations, Industries, and Regions: Monograph / edited by V.V. Bondarenko, T.V. Kharitonova, E.M. Shcherbakov, and O.A. Pavlova. Penza. 2017. Pp. 47–58. (In Russ.).]
4. *Винокурова М.В.* Некоторые нерешенные проблемы аграрной истории Англии XVI–XVIII веков // Средние века. 2015. № 1–2. С. 9–40. [*Vinokurova M.V*. Some unresolved problems of the agricultural history of England in the XVI–XVIII centuries // Middle Ages. 2015. No. 1–2. Pp. 9–40. (In Russ.).]
5. *Ман Т*. Меркантилизм. Рассуждение о торговле Англии с Ост Индией. М.: Директ-Медиа, 2007. [*Ман Т*. Mercantilism. A discussion about the trade of England with the East Indies / Moscow: Direct-Media, 2007. (In Russ.).]
6. *Слудковская М.А.* Политическая экономия Антуана де Монкретьена // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 2. С. 107–118. [*Sludkovskaya M.A.* The Political Economy of Antoine de Moncretien // Moscow University Bulletin. Series 6: Economics. 2016. No. 2. Pp. 107–118. (In Russ.).]

7. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2023. [*Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, Moscow: EKSMO, 2023. (In Russ.).]
8. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: ЭКСМО, 2007. [*Ricardo D*. On the Principles of Political Economy and Taxation. Selected Works. Moscow: EKSMO, 2007 (In Russ.).]
9. *Кейнс Д.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: ЭКСМО, 2009. [*Keynes D.M.* The General Theory of Employment, Interest and Money. Moscow: EKSMO, 2009. (In Russ.).]
10. *Мальков В.Л.* «Социализм» по-американски. К истории создания Администрации долины реки Теннеси // Россия XXI. 2012. № 5. С. 40–71. [*Malkov V.L.* "Socialism" in American. Towards the History of the Creation of the Tennessee River Valley Administration // Russia XXI. 2012. No. 5. Pp. 40–71. (In Russ.).]
11. *Кораблева В.* «Пыльный котел»: экологическая катастрофа 1930-х годов, которая перевернула жизнь США [*Korableva V.* "The Dusty Cauldron": the environmental disaster of the 1930s that turned the life of the United States upside down (In Russ.).] https://www.techinsider.ru/history/1637041-pylnyi-kotel-ekologicheskaya-katastrofa-1930-h-godov-kotoraya-perevernula-jizn-ssha/
12. What does the Rural Utilities Service (RUS) do? https://usafacts.org/explainers/what-does-the-us-government-do/subagency/rural-utilities-service/
13. *Leuchtenburg W.E., Franklin D.* Roosevelt and the New Deal, 1932–1940. New York: Harper and Row, 1963. (The New American Nation Series).
14. *Perroux F*. L'économie du XXème siècle // Paris: Presses Universitaires de France, 1961.
15. *Перру Ф.* Экономическое пространство: теория и приложения // Журнал «Пространственная экономика». 2007. № 2. С. 77–93. [*Perrou F*. Economic space: theory and applications // The Journal of Spatial Economics. 2007. No. 2. Pp. 77–93. (In Russ.).]
16. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКСМО, 2008. [*Schumpeter J.A.* The Theory of Economic Development. Capitalism, socialism and Democracy, Moscow: EKSMO, 2008. (In Russ.).]
17. *Boudeville J.* Problems of regional economic planning // Edinburg: Edinburgh U.P., 1966.
18. *Pottier P*. Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1963. Vol. 14. Pp. 58–132.
19. *Lasuén J.R.* Urbanization and Development: The Temporal Interaction between Geographical and Sectoral Clusters // Urban Studies. 1973. Vol. 10. Pp. 163–188.
20. *Rossi U.* Growth poles and growth centers // International Encyclopedia of Human Geography. 2009. Vol. 4. Pp. 651–656.
21. *Хайек Ф. А.* Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. [*Hayek F.A*. Individualism and Economic Order. Chelyabinsk: Socium, 2011. (In Russ.).]
22. *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. [*Hayek F.A*. The Road to Slavery. Moscow: New Publishing House, 2005. (In Russ.).]
23. *Мизес Л.Ф.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. Право. 1993. [*Mises L.F.* Bureaucracy. Planned chaos. The Anti-Capitalist Mentality. Pravo. 1993. (In Russ.).]

24. *Фридман М.* Основы монетаризма. М.: ТЕИС, 2002. [*Friedman M.* Fundamentals of Monetarism. Moscow: TEIS, 2002.[(In Russ.).]
25. *Коуз Р.* Фирма, рынок, право. М.: Фонд Либеральная миссия, 2007. [*Kose R.* Firm, market, law. Moscow: Liberal Mission Foundation, 2007. (In Russ.).]
26. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y.: The Free Press, 1990. Palgrave Tenth Edition, 1998.
27. *Porter M.E.* Clusters and the new economics of competitions // Harvard Business Revie, Harvard Business School Publication Corp. 1998. Vol. 76. No. 6. Pp. 77–90.
28. *Бранденбургер А., Нейлбафф Б.* Co-opetition. Конкурентное сотрудничество в бизнесе. М.: Кейс, 2012. [*Brandenburger A., Nailbuff B.* Co-opetition. Competitive Cooperation in Business. Moscow: Case Publishing, 2012. (In Russ.).]
29. *Шмиттер Ф.* Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 14–22. [*Schmitter F.* Neocorporativism // Polis. 1997. No. 2. Pp. 14–22. (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: *03.04.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *28.05.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виленский Александр Викторович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором региональной экономики и местного самоуправления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3019-7460
avilenski@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Vilenskiy – Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Head of the Regional Economy and Local Government Sector, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3019-7460
avilenski@mail.ru

EVOLUTION OF THE THEORY AND PRACTICE OF DOMESTIC REGIONAL ECONOMIC POLICY: GLOBAL EXPERIENCE

The paper demonstrates that the evolution of domestic regional economic policy in foreign countries with market economies (primarily in France, the United Kingdom, and the United States) and its theoretical foundations has been gradual, step-by-step – from simple to complex. Initially, it was believed that market relations and competition between business entities would ensure the proper development of the country's regions. The situation changed dramatically during the global Great Depression of the late 1920s, thanks to the transition to regional state economic policy in market economies based on Keynesianism. Today, leading foreign countries have established a modern model of domestic regional policy. This model is primarily driven by pragmatism based on neoliberal and neo-institutional approaches.

Keywords: *regional development policy, market mechanisms, Keynesianism, poles of growth, neoliberalism.*

JEL: R10, R58.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В.В. ЕРЕМИН

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности Факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

С.Н. СИЛЬВЕСТРОВ

доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РАДИОЭЛЕКТРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АФРИКИ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ[1]

Развитие радиоэлектронной промышленности является одним из факторов роста экономики современного государства. В текущем исследовании авторы на примере Африки и Южной Америки показывают, что накопленные преимущества радиоэлектронной промышленности не являются барьером для конкурентов и могут быть достаточно быстро утрачены. Тогда как «поздний старт» в развитии этой промышленности не приговор, априори лишающий регион сравнительных преимуществ. Проведенный анализ позволил выявить факторы, благодаря действию которых преимущества африканской радиоэлектронной промышленности, изначально отстающей, превзошли сравнительные преимущества южноамериканской промышленности, изначально обладающей более глубокими компетенциями. Полученные результаты позволили выделить направления развития российской радиоэлектронной промышленности, необходимые для повышения ее конкурентоспособности на мировой арене.

Ключевые слова: *радиоэлектронная промышленность, сравнительные преимущества, конкурентоспособность экономики, экономика Африки, экономика Южной Америки, внешняя торговля, международная конкуренция, экономическая специализация.*

УДК: 332.146.2

EDN: OQUXXQ

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_3_133_156

[1] Статья подготовлена за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Введение

Цифровизация экономики, в которой исследователи видят предпосылки новой промышленной революции [1], невозможна не только без программного обеспечения или массивов данных, необходимых для обучения больших языковых моделей, но и без того, что часто называется «продукция радиоэлектронной промышленности» – промышленности по производству электронных компонентов и изделий из них. Зависимость страны от зарубежных компонентов даже при наличии отечественных моделей искусственного интеллекта и высокопрофессиональной школы программирования ставит цифровизацию экономики в жесткую зависимость от импорта продукции радиоэлектронной промышленности, а значит – в зависимость от иностранных компаний, контролирующих соответствующе производственные цепочки. Что формирует уязвимость национальной цифровизации к санкционному давлению.

Очевидно, что конкурировать с нуля с голландской компанией *ASML*, создающей интегральные схемы с применением фотолитографии в глубоком ультрафиолете, практически невозможно. Не только из-за критического разрыва в технологиях, ликвидация которого потребует суперквалифицированных кадров, оборудования и миллиардов долларов вложений [2], но и из-за того, что *ASML* координирует в рамках своего производственного процесса широкий спектр постоянно совершенствующихся технологий. Тем не менее Россия в последнее время уделяет все больше внимания собственному производству микросхем. Завод «Микрон» производит чипы по технологии 130–90 нм, осваивается уровень 65 нм. В процессе создания находится «Объединенная микроэлектронная компания». В рамках ее работы до 2030 г. планируется инвестировать 1 трлн руб. (750 млрд руб. — средства госбюджета, 250 млрд руб. — средства Сбербанка) в развитие инфраструктуры, кадров и производства чипов типологией 28 нм и менее.

Но если говорить не только о таком совершенстве, как современные полупроводники, есть ли шанс у стран, несколько «опоздавших на старте», занять свою нишу на современном международном рынке продукции радиоэлектронной промышленности? И какого направления развития в этой отрасли необходимо придерживаться для того, чтобы этот шанс реализовался на практике? Каких ошибок следует избегать? Ответам на эти вопросы посвящено представленное ниже исследование, анализирующее динамику сравнительных преимуществ производства продукции радиоэлектронной промышленности в рамках двух макрорегионов – Африки и Южной Америки. Эти регионы выбраны не только исходя из их отнюдь не лидирующих позиций в сфере продукции радиоэлектронной промышленности, но и исходя

из того, что они относятся к так называемому Глобальному Югу – совокупности развивающихся государств с формирующимися рынками и институтами, на сотрудничество с которыми нацелена Россия [3].

При этом под сравнительным преимуществом производства продукции, согласно Давиду Риккардо, понимается способность страны (региона) производить товар с меньшими альтернативными издержками по сравнению с его производством в другой стране (регионе) [4, с. 210]. Альтернативные издержки – количество единиц другой продукции, от производства которой следует отказаться для производства одной единицы данной продукции.

Математическая основа анализа

Основой представленного ниже исследования служит расчет индекса Баласса, значение которого характеризует наличие или отсутствие сравнительных преимуществ производства продукции в конкретном регионе – формула (1).

$$ИБ = \frac{ЭК_{рп}/ЭК_{ро}}{ЭК_{мп}/ЭК_{мо}}, \quad (1)$$

где ИБ – индекс Баласса; $ЭК_{рп}$ – экспорт *п*-го товара анализируемым регионом в анализируемом периоде времени; $ЭК_{ро}$ – общий объем экспорта анализируемого региона в анализируемом периоде времени; $ЭК_{мп}$ – мировой объем экспорта *п*-го товара в анализируемом периоде времени; $ЭК_{мо}$ – общий мировой объем экспорта в анализируемом периоде времени [5].

Что касается значений индекса Баласса, то часть исследователей разделяет их на две группы. Диапазон от 0 до 1 включительно – продукция не обладает сравнительными преимуществами, ее выгоднее импортировать, чем производить внутри страны. Значение индекса выше 1 – продукция обладает сравнительными преимуществами – ее выгоднее производить внутри страны и экспортировать, чем импортировать [6], [7]. Далее исследователи концентрируют свое внимание на градации значений индекса, превышающих единицу: $1 < ИБ \leq 2$ – слабое сравнительное преимущество; $2 < ИБ \leq 4$ – среднее сравнительное преимущество; $ИБ > 4$ – сильное сравнительное преимущество [8].

Но, на наш взгляд, такая трактовка значений индекса Баласса – во многом фундамент для ликвидации технологического суверенитета ряда стран, включая Россию [9, с. 65–66; 10], так как она является основой для следующего утверждения: страна не обладает сравнительными преимуществами производства данной сложной продукции, поэтому стране лучше импортировать эту продукцию из более технологически

развитых стран. Такой подход – основа технологической деградации и импортозависимости национальной экономики.

В связи с чем нас интересует более детальная классификация значений индекса Баласса в диапазоне от 0 до 1. Такая классификация, в частности, представлена в составе широкой классификации значений индекса Баласса, разработанной и примененной пакистанскими и индийскими учеными (см. рис. 1).

Источник: составлено авторами по: [11], [12].

Рис. 1. Классификация продукции по значению индекса Баласса

При этом национальное производство продуктов уровня 2 требует инвестиций для перевода их в категорию продуктов уровня 1. А производство продуктов уровня 1 требует инвестиций для перевода их в категорию продуктов, обладающих устойчивыми сравнительными преимуществами. Эти продукты обладают перспективами к формированию сравнительных преимуществ. Тогда как производство продуктов уровня 3 требует инвестиций для перелома тенденции по снижению сравнительных преимуществ в целях создания перспектив по формированию таких преимуществ. Продукты уровня 4 не имеют сравнительных преимуществ и перспектив к их формированию.

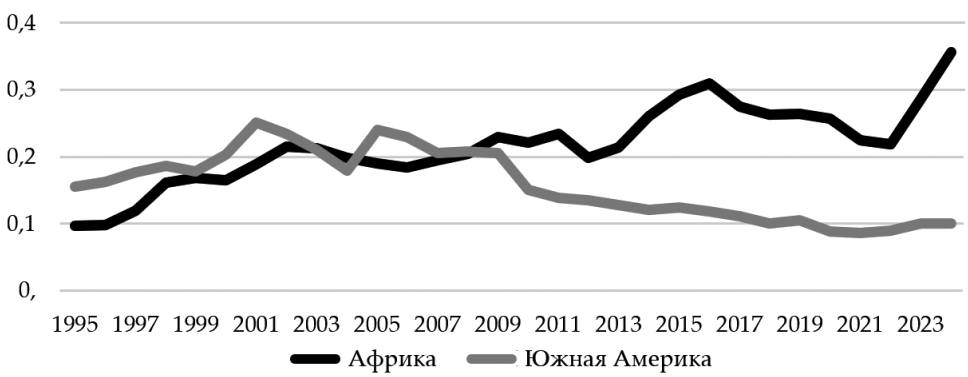
Представленная на рис. 1 классификация удовлетворяет подходу, характеризующему сравнительные преимущества как динамические. В рамках этого подхода страны, обладающие сравнительными преимуществами, могут как упрочить их, так и потерять. А не обладающие – сформировать такие преимущества. Такой подход в большей степени, чем более статичное разделение значений индекса Баласса на

«больше и меньше единицы», способствует формированию технологического суверенитета страны в результате инвестиций, направленных на формирование сравнительных преимуществ.

Динамика сравнительных преимуществ и ее факторы в существующих исследованиях

Применив формулу (1), авторы рассчитали индексы сравнительных преимуществ (индексы Баласса) радиоэлектронной промышленности Африки и Южной Америки, на основе исходных данных, указанных в Атласе экономической сложности (*Atlas of Economic Complexity*)[2]. Так как преимущества следует рассматривать в динамике, расчеты проведены за период 1995–2024 гг. Он взят исходя из того, что именно за этот период доступны статистические данные, используемые для расчетов.

Рассчитанные значения индекса Баласса для радиоэлектронной промышленности Африки и Южной Америки представлены на рис. 2.

Источник: составлено авторами по данным *Atlas of Economic Complexity.* https://atlas.hks.harvard.edu/ (дата обращения: 20.05.2026).

Рис. 2. Значения индекса Баласса для продукции радиоэлектронной промышленности

Рис. 2 показывает изначально более высокие стартовые позиции Южной Америки в анализируемом производстве. С 1995 по 2008 г. (с перерывом в 2004 г.) сравнительные преимущества южноамериканс ой радиоэлектронной промышленности превосходят преимущества Африки. Значения индекса Баласса для анализируемого южноамериканского производства растут с 0,155 в 1995 г. до 0,251 в 2001 г. (в 1,62 раза). Но в то же время сравнительные преимущества анали-

[2] Atlas of Economic Complexity. Harvard Growth Lab. https://atlas.hks.harvard.edu/ (дата обращения: 07.05.2026).

зируемой африканской промышленности показывают более стремительный рост – с 0,097 в 1995 г. до 0,19 в 2001 г. (в 1,96 раза).

С 2001 г. ситуация начинает меняться. Сравнительные преимущества продукции радиоэлектронной промышленности Южной Америки показывают устойчивое падение. Из продукта уровня 2 (см. рис. 1), не обладающего сравнительными преимуществами в 1995–2009 гг., но перспективного к их формированию, эта продукция становится продуктом уровня 4 со слабыми перспективами формирования такого преимущества.

В то же время значения индекса Баласса для производства анализируемой продукции в Африке выросли с 0,096 в 1995 г. до 0,309 в 2016 г. После чего период длительного, устойчивого роста сменился небольшим снижением – с 2016 по 2022 г. анализируемые значения индекса Баласса снизились до 0,22, но затем вновь вернулись на траекторию роста до значения 0,356 в 2024 г. Таким образом, радиоэлектронная промышленность в Африке изначально неперспективная с позиций формирования сравнительных преимуществ (уровень 4) стала производством, обладающим такими перспективами (уровень 2).

В 2008 г. сравнительные преимущества производства радиоэлектроники в Африке окончательно (на текущий момент) превзошли сравнительные преимущества производства этой продукции в Южной Америке.

Возникает вопрос о факторах такой динамики. Первоначально рассмотрим существующие исследования. В них в качестве одного из факторов исследователи выделяют высокие налоги и достаточно жесткое трудовое законодательство Южной Америки, которые делают производство во многих странах этого региона более дорогим, чем в странах Африки или Азии [13]. Отмечается и то, что стремясь к импортозамещению страны Южной Америки, в частности Бразилия, вводили высокие тарифы на иностранные компоненты, что привело к удорожанию местной продукции радиоэлектронной промышленности как за счет этих тарифов, так и за счет менее качественных и более дорогих местных комплектующих [14]. А также – провалы южноамериканской промышленной политики начала 2000-х, не стимулировавшей приток иностранных инвесторов, и противодействовавшей конкуренции протекционистскими тарифами [15].

При этом страны Африки, наоборот, стараются найти свое место в существующих глобальных цепочках производства радиоэлектронной продукции. В частности, не обладая компетенциями для создания собственной элементной базы, эти страны активно используют дешевые иностранные компоненты и адаптируют проверенные инновации [16]. Сами импортные компоненты пересобираются и «переупаковываются» в решения и продукцию, учитывающие особенности именно

местного рынка. Так, например, компания *BRCK* (Кения) создает защищенные роутеры и узлы связи на базе стандартных компонентов, но переработанных для работы в условиях пыли и перебоев с электричеством [17]. В ЮАР и Нигерии развит сектор глубокой переработки и модификации электроники, что позволяет продлевать жизненный цикл западного оборудования. Включает в себя замену вышедших из строя импортных узлов на локально спроектированные печатные платы, интегрируемые в оригинальное устройство [18].

Исследователи отмечают и то, что производительность труда в странах Африки показывает высокие темпы роста [19], тогда как в Южной Америке стагнирует [20]. Немаловажным фактором развития африканской радиоэлектронной промышленности является и то, что на фоне роста населения Африка значительно отстает от Южной Америки в развитии электроэнергетики. По данным на 2021 г. 43% населения Африки не имели доступа к электричеству [21], что формирует потребности в соответствующих компонентах и стимулирует развитие их местного производства. При этом изначальное отставание Африки в компетенциях позволило ей «перепрыгнуть» этап развития радиоэлектронной промышленности, преимущественно основанный на аналоговых комплектующих, перейдя к этапу, основанному непосредственно на электронике и цифровизации [22].

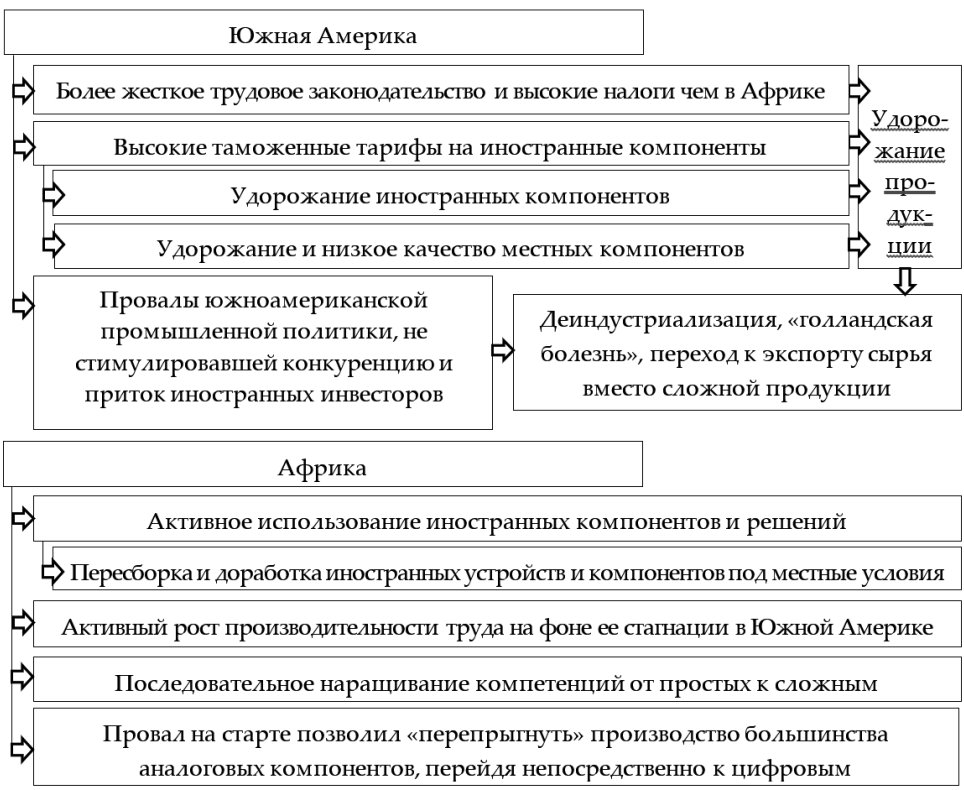
Немаловажную роль в существующих исследованиях играет и гипотеза о влиянии Китая на анализируемую ситуацию. Исследователи считают, что рост экономики Китая способствовал росту африканской радиоэлектронной промышленности, за счет того, что Китай в Африке вытесняет США из цепочек создания добавленной стоимости в этой промышленности, обеспечивая себе приток дешевых комплектующих [23]. Для чего активно участвует в локализации африканского производства простых электронных компонентов [24]. Гипотеза исследователей состоит в том, что китайские инвестиции увеличивают сложность африканской экономики, в том числе в сфере радиоэлектронной промышленности [25].

Причину многие видят в природных ресурсах Африки. Китай критически зависит от африканского сырья для своей радиоэлектронной промышленности (кобальт из Конго, литий из Зимбабве, тантал из Руанды) [26], [27]. При этом, по мнению исследователей, именно обилие дешевых трудовых ресурсов, растущее население континента и развиваемая на китайские инвестиции инфраструктура приводят к тому, что Китай увеличивает местное производство [28]. В эту тенденцию попадает и радиоэлектронная промышленность. Конечно, речь идет о производстве простейших компонентов и сборке, так как для производства сложной радиоэлектронной продукции Африке не хватает квалифицированных инженерных кадров.

При этом исследователи говорят о том, что изобилие ресурсов Южной Америки (литий Боливии, Чили и Аргентины, медь Чили и Перу, ниобий, тантал и графит Бразилии и т.п.) в результате несбалансированной промышленной политики не стало стимулом развития радиоэлектронной промышленности региона. Возник обратный африканскому эффект – деиндустриализация и «голландская болезнь», которая негативно повлияла на промышленность, включая радиоэлектронную [29]. Экономика начала опираться на экспорт сырья, теряя позиции в радиоэлектронике [30].

Выделенные в существующих исследованиях факторы разнонаправленной динамики сравнительных преимуществ продукции радиоэлектронной промышленности Африки и Южной Америки показаны на рис. 3.

Гипотеза о роли Китая в усилении позиций Африки со стороны многих исследователей, на наш взгляд, является «стандартной». Тогда как развитию радиоэлектронной промышленности Южной Америки

Источник: составлено авторами по данным цитируемых исследований.

Рис. 3. Факторы снижения сравнительных преимуществ радиоэлектронной промышленности Южной Америки и роста преимуществ Африки, выделенные в существующих исследованиях

эта роль импульса не придала, не смотря на сопоставимую обеспеченность природными ресурсами. Из-за указанных выше институциональных проблем? Но Африка с ее политической нестабильностью, выливающейся в перманентные военные конфликты, со слабой правовой защитой инвестиций и коррупцией, инфляцией и фрагментацией рынков не может похвастаться благоприятной иностранным инвестициям институциональной средой. Растущая производительность труда в Африке все еще остается ниже (Южная Америка – 21,89 долл. США в час в 2005 г., Африка – 8,13 долл. США в час[3]). Более дешевому африканскому труду противостоит не только более низкая производительность, но и менее развитая инфраструктура Африки. Следовательно, все эти факторы являются важными, но не единственными.

Мы не противоречим цитируемым выше исследованиям и принимаем перечисленные в них и на рис. 3 факторы, оказывающие влияние на разнонаправленную динамику сравнительных преимуществ продукции радиоэлектронной промышленности Африки и Южной Америки. Но, в связи с вышеуказанным, считаем необходимым провести более подробное исследование роли Китая в выявленной разнонаправленной динамике, а также определить дополнительные, сформировавшие ее факторы.

Основой этого исследования является анализ географической и продуктовой структуры экспорта и импорта продукции радиоэлектронной промышленности макрорегионами Африка и Южная Америка.

Анализ структуры экспорта и импорта продукции радиоэлектронной промышленности Африки и Южной Америки

Прежде всего проанализируем гипотезу о значительной роли Китая в росте сравнительных преимуществ продукции африканской радиоэлектронной промышленности. Если Китай переносил производства этой продукции в Африку, получая выгоду от изобилия африканских природных ресурсов и дешевой рабочей силы, то доля экспорта такой продукции из Африки в Китай должна значительно вырасти за анализируемый период времени и превзойти долю экспорта этой продукции в Китай из Южной Америки. Точками анализа выбраны 1995 и 2024 гг. как первый и последний годы доступных данных. 2003 г. как год, в котором, согласно рис. 2, сравнительные преимущества радиоэлектронной промышленности Африки впервые сравнялись с преимуществами Южной Америки. И 2019 г. как последний

[3] Statistics on labour productivity. International Labour Organisation. https://ilostat.ilo.org/topics/labour-productivity/ (дата обращения: 07.05.2026).

Таблица 1

Доля основных регионов-импортеров продукции радиоэлектронной промышленности, %

Регион	Экспортер	1995	2003	2019	2024
Африка	Африка	18,63	21,75	16,9	14,92
	Южная Америка	1,26	1,24	1,98	1,81
Америка	Африка	6,08	3,82	3,67	4,24
	Южная Америка	80,1	80,84	79,53	79,9
в т.ч. Северная и Центральная Америка	Африка	5,16	3,45	3,18	3,86
	Южная Америка	36,23	49,57	30,02	34,84
Южная Америка	Африка	0,93	0,36	0,48	0,39
	Южная Америка	43,87	31,27	49,51	45,05
Азия	Африка	5,11	7,95	10,11	13,84
	Южная Америка	5,5	5,84	6,25	8,29
в т.ч. Китай	Африка	0,07	1,92	0,53	0,65
	Южная Америка	1,3	1,74	1,41	1,35
Европа	Африка	69,55	65,24	68,94	66,64
	Южная Америка	12,33	11,63	11,65	9,42
Океания	Африка	0,63	1,24	0,38	0,36
	Южная Америка	0,81	0,45	0,59	0,58

Источник: составлено авторами по: *Atlas of Economic Complexity.* https://atlas.hks.harvard.edu/ (дата обращения: 20.05.2026).

перед масштабными кризисными явлениями, охватившими мировую экономику. Исходные данные для анализа представлены в табл. 1.

Данные табл. 1 показывают, что Африке с продукцией радиоэлектронной промышленности удалось закрепиться на богатом и масштабном по своему объему европейском рынке с долей от 69,55% в 1995 г. до 66,64% в 2024 г. Тогда как в южноамериканском экспорте анализируемой продукции Европа в 1995 г. занимала гораздо более скромные 12,33% с падением до 9,42% в 2024 г. Основная часть экспорта радиоэлектронной продукции Южной Америки (от 43,87% в 1995 г. до 45,5% в 2024 г.) потреблялась непосредственно внутри этого макрорегиона с гораздо более бедным, чем в Европе рынком. Доля более богатого рынка Северной и Центральной Америки в южноамериканском экспорте анализируемой продукции (36,23% в 1995 г. и 34,84% в 2024 г.) практически вдвое меньше доли Европы в африканском экспорте.

При этом гипотеза иностранных исследователей о роли Китая в росте сравнительных преимуществ радиоэлектроники Африки не подтверждается. Если в 1995 г. Китай занимал 0,07% в общем экспорте продукции африканской радиоэлектронной промышленности, то

в 2024 г. – 0,65%. Что касается Южной Америки, то доля Китая в экспорте продукции радиоэлектронной промышленности этого региона за анализируемый период времени практически не изменилась – 1,3% в 1995 г. и 1,35% в 2024 г. Таким образом, рост экономики Китая не стал драйвером развития радиоэлектронной промышленности Африки и не объясняет рост сравнительных преимуществ этой промышленности по сравнению с южноамериканской.

Но если данные, представленные в табл. 1, не подтверждают позитивную роль Китая в развитии радиоэлектронной промышленности анализируемых регионов, то не является ли эта роль негативной? Ролью конкурента? Для ответа на этот вопрос сравним динамику китайского экспорта продукции радиоэлектронной промышленности по ключевым экспортным направлениям Африки и Южной Америки с динамикой экспорта этих макрорегионов в денежном выражении (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика экспорта продукции радиоэлектронной промышленности, млрд долл. США, текущие цены

Показатель	Экспортер	1995	2024	Рост, раз
Экспорт в Европу	Африка	0,88	13,78	15,66
	Китай	2,75	158,89	57,78
Экспорт в Северную и Центральную Америку	Южная Америка	0,74	2,42	3,27
	Китай	4,11	140,33	34,14
Экспорт в Южную Америку	Южная Америка	0,89	3,13	3,52
	Китай	0,33	32,39	98,15

Источник: составлено авторами по: *Atlas of Economic Complexity.* https://atlas.hks.harvard.edu/ (дата обращения: 20.05.2026).

Экспорт продукции радиоэлектронной промышленности Китаем в Европу в 1995 г. превышал экспорт стран Африки в 3,125 раза (2,7/0,88). Тогда как на южноамериканском рынке в 1995 г. Южная Америка по данному показателю превосходила Китай в 2,7 раза (0,89/0,33). Таким образом, на собственном рынке экспорт продукции радиоэлектронной промышленности одними южноамериканскими странами другим в 1995 г. значительно превосходил китайский. Южная Америка на своем основном рынке сбыта была более серьезным конкурентом Китаю, чем Африка на своем рынке сбыта.

Но уже в анализируемом 1995 г. на более богатом рынке сбыта Северной и Центральной Америки южноамериканские производители проигрывали конкуренцию Китаю – разрыв по экспорту составил 5,55 раза (4,11/0,74). Тенденция этого проигрыша нарастала. Без учета инфляции экспорт продукции радиоэлектронной промышлен-

ности стран Африки в Европу с 1995 по 2024 г. вырос в 15,66 раз, что на фоне роста китайского экспорта на этом рынке в 57,78 раз можно рассматривать как достойный результат конкурентной борьбы. Тогда как рост экспорта Южной Америки на рынке Северной и Центральной Америки за тот же период времени составил 3,27 раза, на рынке Южной Америки – 3,52 раза, что в реальных ценах составит не рост, а сокращение рынка сбыта. При этом рост экспорта продукции радиоэлектронной промышленности Китая на этих же рынках за тот же период времени составил 34,14 раза (Северная и Центральная Америка) и 98,15 раз (Южная Америка).

Одним из результатов такого проигрыша стало переключение Южной Америки на экспорт сырьевых ресурсов в ущерб радиоэлектронике [31]. Продажа сырьевых ресурсов привела к укреплению в 2003-2013 гг. валют ряда стран Южной Америки, что привело к дополнительному снижению конкурентоспособности радиоэлектронной продукции на мировом рынке за счет ее удорожания в долларах США [32].

Для оценки конкурентного давления Китая на анализируемые регионы сравним продуктовую структуру экспорта продукции радиоэлектронной продукции. Для Южной Америки в 1995 г. анализ этой структуры подтверждает вывод, что между данным регионом и Китаем была серьезная конкуренция (см. табл. 3).

В 1995 г. экспорт продукции радиоэлектронной продукции стран Южной Америки достаточно диверсифицирован. Регион уже обладал значительными объемами экспорта довольно сложной продукции радиоэлектронной промышленности, такой как электродвигатели и генераторы, электрические трансформаторы, электрооборудование для зажигания и т.п. Такая простая продукция, как изолированный провод, занимала в экспорте Южной Америки 1995 г. всего 7,41%.

Сравним эти данные с данными китайского экспорта (см. табл. 4).

Сравнение данных табл. 3 и 4 позволяет сделать вывод о том, что уже в 1995 г. Китай и Южная Америка прямо конкурировали по основным позициям экспорта радиоэлектронной промышленности. Это приемные устройства для радиовещания, электродвигатели и генераторы, электрические трансформаторы, электрооборудование для напряжения <1 Кв. Общая доля этих товарных позиций составляла треть экспорта Южной Америки в 1995 г. Если анализировать динамику экспортной выручки – конкуренция по этим товарным позициям проиграна. Так в 2024 г. по сравнению с 1995 г. южноамериканский рост выручки по позиции «электродвигатели и генераторы» составил 4,87 раза против 15,94 раза в Китае. По позиции «электрооборудование для напряжения <1 Кв» – 2 раза против 25,26 раза у Китая. По позиции «приемные устройства для радиовещания» – 0,15 раза против 1,19 раза

Таблица 3

Основная продукция радиоэлектронной промышленности, экспортируемая странами Южной Америки

Товары	1995		2003		2019		2024	
	млн долл. США	%	млн долл. США	%	млн долл. США	%	млн долл. США	%
Приемные устройства для радиовещания	370	18,39	199	5,19	67,4	1,42	57,3	0,83
Электродвигатели и генераторы	165	8,22	256	6,68	575	12,08	804	11,6
Изолированный электрический провод	149	7,41	221	5,78	876	18,4	1210	17,44
Электрооборудование для напряжения < 1 Кв	143	7,13	136	3,54	210	4,42	287	4,14
Электрические трансформаторы	135	6,69	149	3,9	349	7,34	1320	19,03
Электрооборудование для зажигания	79,6	3,95	129	3,38	170	3,56	184	2,66
Детали электрогенераторов	57,3	2,85	142	3,71	408	8,57	139	2,01
Кассеты, виниловые пластинки, компакт-диски	55,8	2,77	74,9	1,96	16,7	0,35	10,1	0,15
Электроосветительное оборудование для автотранспортных средств	52,1	2,59	67,2	1,76	72,7	1,53	184	2,65
Мониторы и проекторы	48,9	2,43	118	3,08	71	1,49	51,4	0,74
Бытовые приборы	47,2	2,34	54,8	1,43	37,4	0,79	40,9	0,59
Элементы питания	43,4	2,16	81	2,12	262	5,51	408	5,89
Электрические конденсаторы	40,1	1,99	75,9	1,98	105	2,21	109	1,58
Телефоны	35,1	1,74	126	3,3	156	3,28	179	2,58
Передающее оборудование для радио, телефона, телевидения	18,7	0,93	1140	29,68	162	3,4	242	3,49

Окончание табл. 3

Товары	1995		2003		2019		2024	
	млн долл. США	%	млн долл. США	%	млн долл. США	%	млн долл. США	%
Электрогенераторные установки	11,1	0,55	28,9	0,75	156	3,28	249	3,59
Электрощиты	33,7	1,67	39,7	1,04	179	3,77	297	4,29
Детали радиоприемников, телефонов, телевизоров	24,2	1,2	122	3,2	99,5	2,09	72,5	1,05
Всего экспортируемой радиоэлектронной продукции	*1671,9*	*83,1*	*3388*	*88,42*	*3914,81*	*82,27*	*5844,2*	*84,31*

Источник: составлено авторами по: *Atlas of Economic Complexity*. https://atlas.hks.harvard.edu/ (дата обращения: 20.05.2026).

Таблица 4

Основная продукция радиоэлектронной промышленности, экспортируемая Китаем

Товары	1995		2003		2019		2024	
	млн долл. США	%	млн долл. США	%	млн долл. США	%	млн долл. США	%
Приемные устройства для радиовещания	2660	13,2	3312	3,6	3683	0,58	3181	0,38
Электрические трансформаторы	1610	8,01	5383	5,87	27312	4,33	44605	5,32
Телефоны	1580	7,84	4821	5,25	37600	5,97	31618	3,77
Электродвигатели и генераторы	942	4,66	2670	2,69	10904	1,74	15012	1,79
Электрические обогреватели	912	4,52	4732	5,16	20802	3,3	29732	3,55
Запчасти и комплектующие для аудио и видео оборудования	902	4,47	3893	4,24	893	0,14	747	0,09
Электрооборудование для напряжения < 1 Кв	856	4,24	2120	2,31	854	0,13	21622	2,57
Детали радиоприемников, телефонов и телевизоров	836	4,14	7584	8,26	47801	7,59	53403	6,37
Мониторы и проекторы	784	3,89	3561	3,88	25324	4,01	27911	3,32
Микрофоны	747	3,7	2630	2,87	15,9	2,53	16643	1,98
Электронные интегральные схемы	608	3,01	6630	7,22	92533	14,68	139012	16,6
Передающее оборудование для радио, телефона, телевидения	294	1,46	10601	11,58	133000	21,13	145038	17,25
Видеозаписывающая аппаратура	218	1,08	7193	7,84	6561	1,04	6170	0,74
Изолированный электрический провод	546	2,71	2702	2,94	21508	3,42	29621	3,53
Полупроводниковые приборы	572	2,84	2440	2,65	33022	5,24	44032	5,25
Элементы питания	200	0,99	2,204	2,4	16204	2,57	62208	7,42
Всего экспортируемой радиоэлектронной продукции	*14267*	*70,76*	*70274,2*	*78,76*	*478016,9*	*78,4*	*670555*	*79,93*

Источник: составлено авторами по: *Atlas of Economic Complexity.* https://atlas.hks.harvard.edu/ (дата обращения: 20.05.2026).

в Китае. Исключение – «электрические трансформаторы» с ростом 9,78 раза при китайском росте в 27,7 раза.

При этом Южная Америка не формировала значительный рост экспорта по позициям, изначально занимавшим небольшую долю в структуре китайского экспорта (мониторы и проекторы, полупроводниковые приборы). Исключение – элементы питания и передающая аппаратура для радио, телефона и телевидения. Но это исключение привело к росту в 2024 г. к 1995 г. доли данных товарных групп в экспорте Южной Америки, сопровождаемому ростом экспортной выручки (элементы питания – в 9,4 раза, передающая аппаратура – в 12,94 раза).

Отметим экспортный успех Южной Америки по позициям электрогенераторных установок (рост экспортной выручки в 22,43 раза) и электрощитов (рост в 8,81 раза), отсутствующих в перечне основных продуктов, экспортируемых Китаем.

В результате именно прямое столкновение Южной Америки с серьезным конкурентом Китаем вместо поиска собственных ниш, в которых Китай еще не успел укрепиться, подорвало потенциал конкурентоспособности южноамериканской продукции радиоэлектронной промышленности. Ресурсы на конкурентную борьбу затрачены, рост экспортной выручки, превышающий инфляцию, по большинству позиций не достигнут. Такая ситуация, отягченная действием представленных на рис. 3 факторов, снижающих конкурентоспособность южноамериканской продукции, привела к тому, что Южная Америка не только переключилась на экспорт ресурсов (объем которого вырос с 17 млрд в 1995 г. до 49 млрд в 2024 г.), но и упростила экспорт радиоэлектронной продукции, нарастив в нем долю изолированного электрического провода до 17,44% в 2024 г.

Проведем аналогичный анализ структуры товарного экспорта Африки (см. табл. 5).

Африка, в отличие от Южной Америки, не составила столь явно выраженную прямую конкуренцию Китаю. Так, Африка изначально сделала ставку на экспорт более простой продукции – изолированного электрического провода. Его доля в экспорте Африки в 1997 г. составляла 26,97% с ростом к 2024 г. до 52,67%. В денежном выражении рост за анализируемый период составил 45 раз, что сопоставимо с ростом Китайского экспорта провода в 54 раза. Тогда как не делавшая ставку на такую простую продукцию Южная Америка за этот же период времени смогла нарастить ее экспорт всего в 8 раз.

Также акцентируем внимание на том, что Африка, в отличие от Южной Америки, наращивала экспорт продукции, не находившейся в топе китайского экспорта, что позволило ей добиться определенных успехов. Например, производство мониторов и проекторов – рост экспорта в денежном выражении 149 раз против 35 у Китая и 1,05 у Южной

Таблица 5

Основная продукция радиоэлектронной промышленности, экспортируемая странами Африки

Товары	1995		2003		2019		2024	
	млн долл. США	%	млн долл. США	%	млн долл. США	%	млн долл. США	%
Изолированный электрический провод	242	26,97	1020	25,26	5590	45,99	10900	52,67
Полупроводниковые приборы	188	21,03	804	19,97	439	3,61	1440	6,96
Электрические трансформаторы	115	12,83	181	4,49	291	2,4	520	2,52
Электрооборудование для напряжения<1 Кв	73,9	8,25	327	8,13	1120	9,17	1480	7,19
Электронные интегральные схемы	33	3,69	163	4,06	344	2,83	342	1,65
Электрооборудование не классифицированное по другим категориям	27,5	3,07	55,9	1,39	104	0,86	153	0,74
Передающее оборудование для радио, телефона, телевидения	—	—	172	4,28	271	2,23	420	2,03
Телефоны	6,25	0,7	85,2	2,12	188	1,54	256	1,24
Мониторы и проекторы	7,38	0,82	60,5	1,5	1090	8,95	1100	5,33
Электрощиты	2,29	0,26	4,25	1,06	339	2,79	801	3,88
Электродвигатели и генераторы	11,3	1,26	52,5	1,3	274	2,25	324	1,57
Всего экспортируемой радиоэлектронной продукции	706,62	78,88	2925,35	73,56	10050	82,62	17736	85,78

Источник: составлено авторами по: *Atlas of Economic Complexity.* https://atlas.hks.harvard.edu/ (дата обращения: 20.05.2026).

Америки. Электрощиты, не вошедшие в перечень основной экспортируемой Китаем продукции, но показавшие в Африке за анализируемый период времени рост экспорта в денежном выражении в 349 раз! Отметим аналогичный, пусть и меньший за счет более высокой базы успех Южной Америки. Полупроводниковые приборы, доля которых в экспорте Африки за анализируемый период времени сократилась

в более чем в три раза, но тем не менее, осталась достаточно большой (6,96% в 2024 г.) с ростом в денежном выражении за анализируемый период времени в 7,65 раза.

Подобный подход – избегание траты усилий и ресурсов на конкуренцию с Китаем в одних и тех же основных товарных группах экспорта, наряду с факторами, перечисленными на рис. 3, позволил Африке дополнительно нарастить экспортную выручку в продуктовых сегментах, доля которых в экспорте Китая снижалась. Например, телефоны – рост экспортной выручки Африки за анализируемый период времени в 40 раз против 20 у Китая; электродвигатели и генераторы – 28 раз против 16 у Китая; электрооборудование для напряжения < 1 Кв – 20 раз против 25 у Китая.

Свою роль в этом играет и то, что, когда Китай начал свою экспансию на мировые рынки сбыта, африканская радиоэлектронная промышленность находилась в зачаточном состоянии, о чем свидетельствуют данные экспорта из табл. 5. Африка не была конкурентом Китаю. Следовательно, экономический подъем Китая не сопровождался борьбой за рынки сбыта с африканским производством радиоэлектронной продукции. Африканское производство стало масштабно расти, когда Китай уже столкнулся как с удорожанием рабочей силы, так и с ухудшением внешнеполитических условий. Именно это и позволило африканской радиоэлектронной продукции не только сохранить, но и расширить рынки сбыта в Европе.

В результате Африка, отстав на старте, но избежав прямой конфронтации с Китаем, наращивает компетенции последовательно – от более простого производства к более сложному. К 2024 г. на континенте будут производить не только провода, но и электрооборудование (см. табл. 5). В последнее время Китай, изначально рассматривавший Африку исключительно как источник сырья, начинает рассматривать ее и как источник дешевой рабочей силы и инструмент обхода санкций, перенося туда некоторые производственные мощности [33], [28], что также внесет свой импульс в дальнейшее усиление сравнительных преимуществ производства радиоэлектронной промышленности на африканском континенте.

При этом Южная Америка с ее компетенциями в 1990-х была прямым конкурентом Китая как в Северной, Центральной Америке, так и в самой Южной Америке. На ситуацию также оказали влияние преимущества Китая в оплате труда, численности рабочей силы, большей открытости инвестициям. Так бразильский экспорт промышленной продукции (включая электронику) вытеснялся китайским на рынках США и Латинской Америки, особенно после 2004 г. В результате Бразилия перешла к экспорту сырья [34], [35], потеряв часть сформированных в радиоэлектронной промышленности преимуществ.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что географическая близость к богатому рынку сбыта (США) и давние историко-экономические связи не помогли Южной Америке сохранить сравнительные преимущества производства радиоэлектронной продукции. Причины этого в том, что экономика Южной Америки:

– вступила в конкуренцию с Китаем в начале его активного продвижения на глобальные рынки;
– конкурировала с Китаем по одним и тем же товарным позициям;
– не уделяла достаточного внимания развитию экспорта тех товарных позиций, в производстве и экспорте которых Китай еще не укрепился.

Южная Америка к началу этой конкурентной борьбы обладала преимуществом в виде уже достигнутых производственных компетенций, но не обладала возможностями снижения производственных затрат. Все это, как показал анализ, не позволило Южной Америке выйти за границы внутрирегионального малодоходного рынка сбыта и привело к снижению сравнительных преимуществ ее радиоэлектронной продукции.

Африка, наоборот, сосредоточилась на развитии производства и экспорта товарных позиций, занимавших небольшую долю в экспорте Китая. Преимущественно осуществляла экспорт за счет технологически простой продукции. Направляла этот экспорт на масштабный и богатый европейский рынок сбыта. Основывала свои успехи на открытости к иностранным инвестициям, дешевых природных ресурсах и дешевой рабочей силе. Адаптировала проверенные инновации и импортную продукцию. Эта комбинация дала запоздавшей в технологическом развитии Африке шанс на построение достаточно сложной радиоэлектронной промышленности. И Африка этим шансом воспользовалась. Не отказываясь от экспорта технологически простой радиоэлектронной продукции, регион устойчиво переходит к более сложному радиоэлектронному производству с соответствующим экспортом.

Успехом такой стратегии стало и то, что Китай, ко времени конкуренции с Африкой уже занял на мировом рынке радиоэлектронной продукции масштабные ниши и теперь рассматривает Африку не как конкурентную угрозу своим планам, а как возможный импульс для развития собственной экономики, в том числе в рамках противодействия международному политическому давлению.

Для России сделанные выводы говорят о необходимости:

– безусловного удержания достигнутых компетенций в производстве как простой, так и технологически более сложной продукции; при этом, на примере Африки, не стоит дистанцироваться

от производства и экспорта простой, даже самой примитивной продукции в данной сфере, если этот экспорт приносит прибыль;
– гибкой стратегии конкуренции с поиском на мировом рынке ниш, в которых конкуренция не так сильна (или созданием таких ниш) – позитивный пример Африки и негативный пример Южной Америки;
– выхода на масштабные по своему объему рынки сбыта и закрепления на них – на примере африканской экспансии на богатый рынок Европы в противовес 45% экспорта Южной Америки внутри своего, более бедного региона;
– отказа от излишней защиты национальных производителей, приводящей к «переклеиванию шильдиков» вместо реального развития местного производства, к сокращению конкуренции и удорожанию местной продукции – пример Южной Америки;
– развития отсутствующих компетенций по нарастающей – от производства более простой продукции к производству более сложной; при этом, основываясь на примере Африки, отечественному менеджменту следует следить за динамикой технологий и выбирать те сферы, в которых российское производство может не развивать устоявшиеся технологии, а «перепрыгнуть» к применению новых технологий, конкуренция в сфере которых изначально может быть не такой сильной;
– привлечения перспективных иностранных технологий, иностранных инвесторов – на положительном примере Африки и отрицательном примере Южной Америки.

Если говорить о более конкретном опыте Африки, возможным для применения в России, то перспективным представляется более глубокая интеграция электроники в энергетическую стратегию, так как именно африканское развитие энергетики стало одним из импульсов развития местной радиоэлектронной промышленности. В России этот опыт можно дополнить расширением национального производства компонентной базы для малой энергетики и систем управления сетями в удаленных регионах, для чего перспективным представляется создание узкоспециализированных кластеров с готовой инфраструктурой «под ключ», где налоговые льготы привязаны к глубине локализации компонентов. Создание «электронных хабов» на границах для переработки и доукомплектации восточных компонентов в готовые российские системы (указанный выше опыт Нигерии, ЮАР и Кении). Экспорт готовых решений – системы «Умный город», цифровизации государственных услуг и защищенной электроники, не содержащей западные «закладки». В перспективе Россия может стать технологическим интегратором для стран БРИКС+, поставляя сложные системы управления с минимальной зависимостью от западных лицензий.

Решение этих задач в сложных внешних политико-экономических условиях представляется чрезвычайно затруднительным. Но, тем не менее для того, чтобы Россия заняла свое достойное место в мировой экономике, эти задачи следует решать не откладывая, чтобы не столкнуться с новыми конкурентами в лице стран Африки, которые «еще вчера» отставали от нас по сравнительным преимуществам продукции радиоэлектронной промышленности, казалось бы, навсегда.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. *Abis S., Veldkamp L.* The changing economics of knowledge production // The Review of Financial Studies. 2024. No. 37 (1). Pp. 89–118. DOI: 10.1093/rfs/hhad059.
2. *García-Herrero A., Weil P.* Lessons for Europe from China's quest for semiconductor self-reliance Policy Contribution. Bruxelles: Bruegel, 2022.
3. *Сечин И.И.* Мировой рынок нефти и стратегия России на рынках энергоресурсов в условиях санкционных ограничений // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2026. № 1. С. 133–155. [*Sechin I.I.* The global oil market and Russia's energy strategy under sanctions // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2026. No. 1. Pp. 133–155. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_133_155.
4. *Китинов М.Б.* Теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо в приложении к процентным свопам на финансовом рынке // Вестник университета. 2023. № 9. С. 208–215. [*Kitinov M.B.* D. Ricardo's theory of comparative advantages as applied to interest rate swaps in the financial market. Vestnik Universiteta. 2023. No. 9. Pp. 208–215. (In Russ.).] DOI: 10.26425/1816-4277-2023-9-208-215.
5. *Leromain E., Orefice G.* New revealed comparative advantage index: Dataset and empirical distribution // International Economics. 2014. No. 139. Pp. 48–70. DOI: 10.1016/j.inteco.2014.03.003.
6. *Сурпкелова А., Чернобровкин А.А.* Реализация сравнительных преимуществ государств в сфере АПК как фактор усиления их позиций на мировых рынках // Государственная служба. 2025. № 4. С. 63–70. [*Surpkelova A., Chernobrovkin A.A.* Realization of comparative advantages of countries in the agroindustrial sector as a factor in strengthening their positions in global markets // Public Administration. 2025. No. 4. Pp. 63–70. (In Russ.).]
7. *Vollrath T.L.* A theoretical evaluation of alternative trade intensity measures of revealed comparative advantage // Review of World Economics. 1991. Vol. 127 (2). Pp. 265–280.
8. *Hinloopen J., van Marrewijk Ch.* On the Empirical Distribution of the Balassa Index // Review of World Economics. 2001. Vol. 137. Pp. 1–35.
9. *Байнев В., Гораева Т.* Технологический суверенитет как основа экономической и национальной безопасности Беларуси // Беларуская Думка. 2023. № 8. С. 65–72. [*Bainev V., Gorayeva T.* Technological sovereignty as the basis for economic and national security of Belarus // Belarusian thought. 2023. No. 8. Pp. 65–72. (In Russ.).]
10. *Васильев А.А., Печатнова Ю.В.* Трансформация концепции государственного суверенитета в условиях глобализации // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 3. С. 86–89. [*Vasiliev A.A., Pechatnova Y.V.* Transformation the state sovereignty

concept in the context of globalization // Russian-Asian Law Journal. 2019. No. 3. Pp. 86–89. (In Russ.).]
11. *Mahmood A.* Export Competitiveness and Comparative Advantage of Pakistan's Non-agricultural Production Sectors: Trends and Analysis // The Pakistan Development Review. 2004. No. 43 (4). Pp. 541–561.
12. *Ganai S.G., Sarin V.* An RCA Account of India's Export Competitiveness // Research Journal of Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 11 (2). Pp. 104–110.
13. *Campos A., Gomes M., Schipper I.* Labour conditions at foreign electronics manufacturing companies in Brazil. Case studies of Samsung, LGE and Foxconn, 2017. https://www.somo.nl/wp-content/uploads/2018/01/Labour-conditions-at-foreign-electronics-manufacturing-companies-in-Brazil.pdf
14. *Frischtak C.* Specialization, Technical Change and Competitiveness in the Brazilian Electronics Industry // OECD Development Centre Working Papers. No. 27. OECD Publishing, Paris, 1990. DOI: 10.1787/164255475842.
15. *Batista J.C.* The effect of industrial policies on the electronic sector in Brazil // Brazilian Journal of Political Economy. 2010. No. 30 (1). Pp. 112–123.
16. *Mutiso R.M.* Five rules for technology leapfrogging in Africa // Science. Vol. 389. Iss. 6759. eadz9028. 2025. DOI: 10.1126/science.adz9028.
17. *Jjuuko M., Munyarukumbuzi E.* Technology Indigenisation and Popularisation for Life Transformation in East Africa. Leeds: Emerald Publishing Limited. 2023. DOI: 10.1108/978-1-80455-135-620231009.
18. *Brent A.C., Steinhilper R.* Opportunities for remanufactured electronic products from developing countries: Hypotheses to characterize the perspectives of a global remanufacturing industry // SAIEE Africa Research Journal. 2005. No. 96. Pp. 196–201. DOI: 10.23919/SAIEE.2005.9488047.
19. *McMillan M., Zeufack A.* Labor Productivity Growth and Industrialization in Africa // Journal of Economic Perspectives. 2022. Vol. 36 (1). Pp. 3–32. DOI: 10.1257/jep.36.1.3.
20. *Rodríguez-Apolinar S., Fernández-Arias E.* The Productivity Gap in Latin America: Lessons from 50 Years of Development // IDB Working Paper. 2016. No. IDB-WP-692.
21. *Мастепанов А., Сумин А., Чигарев Б.* Электроэнергетика юга Африки: проблемы и тенденции развития // Энергетическая политика. 2023. № 7 (185). С. 94–109. [*Mastepanov A., Sumin A., Chigarev B.* Southern African Power Industry: Problems and Development Trends // Energy policy. 2023. No. 7 (185). Pp. 94–109. (In Russ.).]
22. *Klenam D, Asumadu T, Bodunrin M, Obiko J, Genga R, Maape S, McBagonluri F, Soboyejo W.* Toward sustainable industrialization in Africa: the potential of additive manufacturing – an overview // Frontiers in Manufacturing Technology. 2024. Vol. 4. DOI: 10.3389/fmtec.2024.1410653
23. *Rojo J.V.* China's technological footprint in Africa: A patent network analysis // South African Journal of Business Management. 2024. No. 55. Pp. 1–11. DOI: 10.4102/sajbm.v55i1.4331.
24. *Cieslik E., Zamojska A.* What drives Chinese technology imports into Africa? A regional perspective // Acta Scientiarum Polonorum Administratio Locorum. 2024. No. 23. Pp. 19–29. DOI: 10.31648/aspal.9135.
25. *Folorunsho M.A., Tolulope T.O., Sodiq A.O., Esther O.S.* Economic complexity in Africa: the role of Chinese FDI and trade // Journal of Chinese Economic and Foreign Trade Studies. 2024. No. 18 (1). Pp. 86–108. DOI: 10.1108/JCEFTS-07-2024-0063.
26. *Gulley AL.* China, the Democratic Republic of the Congo, and artisanal cobalt mining from 2000 through 2020 // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. No. 120 (26): e2212037120. DOI: 10.1073/pnas.2212037120.

27. *Nantylia P.* China's Critical Minerals Strategy in Africa. Africa Center for Strategic Studies, 2025. https://africacenter.org/spotlight/china-africa-critical-minerals/
28. *Omoruyi E.* China's Shifting Labour-Intensive Manufacturing Firms to Africa // Journal of Comparative Asian Development. 2021. No. 18 (2). Pp. 1–36. DOI: 10.4018/JCAD.285550.
29. *Pinheiro R.Q., Germano De Abreu A.J.* China and Deindustrialization in Latin America // Working Papers Research in Economics and Mathematics 2025/0367 ISEG – Lisbon School of Economics and Management, Research in Economics and Mathematics, Universidade de Lisboa, 2025.
30. *Palma J.G., Pincus J.* Is Southeast Asia falling into a Latin American-style middle-income trap? // The Japanese Political Economy. 2024. No. 50 (3-4). Pp. 305–337. DOI: 10.1017/9781009224314.007.
31. *Utami N.* The impact of China shock on deindustrialization over time // Journal of Business and Economics Research. 2020. No. 1 (2). Pp. 63–69.
32. *Wise C.* China and Latin America's Emerging Economies: New Realities amid Old Challenges: China and Latin America's Emerging Economies // Latin American Policy. 2016. No. 7. Pp. 26–51. DOI: 10.1111/lamp.12087.
33. *Chen W.* Heterogeneity and Drivers of Chinese Manufacturing FDI in Africa: Evidence from Angola and Ethiopia // Journal of International Development. 2026. No. 38 (1). Pp. 174–191. DOI: 10.1002/jid.70038.
34. *Jenkins R.* Chinese Competition and Brazilian Exports of Manufactures // Oxford Development Studies. 2014. No. 42. Pp. 395-418. DOI: 10.1080/13600818.2014.881989.
35. *Jenkins R.* Is Chinese Competition Causing Deindustrialization in Brazil? // Latin American Perspectives. 2015. No. 42 (6). Pp. 42–63. DOI: 10.1177/0094582X15593553.

Дата поступления рукописи: *01.04.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *28.05.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Еремин Владимир Владимирович – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности Факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2144-3543
villy9@rambler.ru

Сильвестров Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7678-1283
fm.fa@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Eremin – Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2144-3543
villy9@rambler.ru

Sergey N. Silvestrov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, Head of the Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7678-1283
fm.fa@yandex.ru

COMPARATIVE ADVANTAGES OF THE RADIO-ELECTRONIC INDUSTRIES OF AFRICA AND SOUTH AMERICA

The development of the radio-electronic industry is one of the factors driving economic growth in a modern state. In this study, the use the examples of Africa and South America – to show that the accumulated comparative advantages of the electronics industry do not pose a barrier to competitors and can be lost quite quickly. While a «late start» in the development of this industry is not a death sentence that a priori deprives the region of comparative advantages in this production. The study's statistical data analysis revealed factors that enabled the comparative advantages of the African electronics industry, which was initially lagging behind, to surpass those of the South American industry, which initially had deeper competencies. The results allowed us to identify areas for the development of the Russian electronics industry that are necessary to increase its competitiveness on the global stage.

Keywords: *electronic industry, comparative advantages, economic competitiveness, African economy, South American economy, foreign trade, international competition, economic specialization.*
JEL: F11, F14, O54, O55, O57.

Е.А. МИЛАШЕВИЧ
кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором социальных и потребительских услуг ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ УСЛУГАМИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается опыт Республики Беларусь по регулированию внешней торговли услугами. Анализируются основные нормативно-правовые акты многостороннего регулирования в рамках Генерального соглашения Всемирной торговой организации по торговле услугами (Соглашения ГАТС) и основные документы национальной системы регулирования, определяющие правила международной торговли услугами Республики Беларусь. Проведена систематизация: а) медицинских, образовательных, туристических услуг Республики Беларусь в зависимости от способа поставки; б) инструментов торговой политики внешней торговли медицинскими услугами; в) видов ограничений при торговле услугами в рамках ЕАЭС. Выявлены проблемы в области регулирования внешней торговли услугами, для решения которых предложены практические рекомендации для каждого уровня регулирования.

Ключевые слова: *Республика Беларусь, внешняя торговля услугами, государственное регулирование, способы поставки, экспорт услуг, медицинские услуги, образовательные услуги, туристические услуги, ограничения, двусторонние соглашения.*

УДК: 339.56, 338.46

EDN: TQGPUO

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_3_157_178

Введение

В настоящее время роль сферы услуг в мировой торговле постоянно возрастает. Увеличивается вклад сферы услуг в мировой ВВП и количество занятых в этой сфере, растет объем и масштабы инвестиций в услуги по разным отраслям экономики, появляется все большее количество сервисных ГЦСС, мировые ТНК включают услуги в предметные области своей деятельности. Таким образом, за несколько последних десятилетий услуги превратились в самостоятельную сферу международной экономической деятельности. В связи с этим встал вопрос об определении роли и места услуг в системе государственного регулирования внешней торговли.

Классическое определение услуги как нечто неторгуемое, несохраняемое, совпадающее по времени производства и потребления не соответствует современным реалиям: в настоящее время услуги накапливаются и хранятся (разработка программного обеспечения, онлайн-курсы, цифровой контент). ИКТ, цифровая трансформация привели к изменению классических свойств услуг, что позволило активно выводить торговлю услугами на международный уровень, при этом отдельные услуги перешли из разряда неторгуемых в торгуемые.

В экономической науке до настоящего времени не получил должного раскрытия вопрос систематизации нормативно-правового базиса внешней торговли услугами, в особенности это касается мер регулирования на разных уровнях государственного управления. Большинство исследователей, занимающихся проблемами в области внешней торговли, сконцентрировали свои разработки применительно к внешней торговле товарами, а услуги рассматривались ими как «дополнение» к поставкам товаров (транспортные, информационно-коммуникационные, услуги технического обслуживания и т. д.). Исследования отдельных направлений государственного регулирования внешней торговли Республики Беларусь нашли отражение в научных публикациях ученых Института экономики Национальной академии наук Беларуси [1; 2], Белорусского государственного университета [3; 4], Белорусского государственного экономического университета [5; 6; 7], Министерства экономики Республики Беларусь [8], большая часть научных работ которых посвящена рассмотрению вопросов регулирования отдельных сфер торговли услугами.

По мнению автора данной статьи, систематизация мер регулирования в сфере услуг, применяемых на разных уровнях государственного управления, позволит своевременно выявлять проблемы в области государственных подходов к внешней торговле услугами Республики Беларусь и повысить эффективность решений по их совершенствованию, что чрезвычайно актуально в условиях новых вызовов и угроз.

Многосторонний уровень регулирования внешней торговли услугами

Начало регулирования международной торговли услугами было положено на Уругвайском раунде переговоров в 1994 г., когда было принято решение о создании ВТО, а в январе 1995 г. вступило в силу Генеральное соглашение Всемирной торговой организации по торговле услугами (Соглашение ГАТС). Способы предоставления услуг, закрепленные в Соглашении ГАТС, определены в зависимости от территориального присутствия поставщика и потребителя услуги и включают: 1) трансграничную торговлю, 2) потребление за рубежом,

3) коммерческое присутствие, 4) присутствие физических лиц. В настоящее время существует значительная разница между способами предоставления услуг. Так, по данным базы данных ВТО «Торговля услугами по способу поставки» (The Trade in Services by Mode of Supply (TISMOS)) за 2022 г., 35% всей мировой торговли услугами осуществляется по первому способу поставки, 8% – по второму, 56% – по третьему, 1% – по четвертому[1].

Зарубежные исследователи выделяют пятый способ поставки, который отражает процесс поставки услуг, воплощенных в стоимости конечных товаров (услуги по программному обеспечению, инжинирингу, проектированию, дизайну и т. д.) [9, p. 25]. По мнению экспертов, косвенный способ поставок услуг – «услуги в коробках» – занимает существенную долю в международной торговле и свидетельствует о занижении реальных показателей международной торговли услугами. В настоящее время пятый способ поставки превалирует в странах Латинской и Центральной Америки, Африки, АСЕАН [10, p. 8], однако этот способ не отражается в системе нормативно-правового регулирования международной торговли услугами ГАТС.

В Республике Беларусь проводились исследования, направленные на изучение проблем регулирования внешней торговли транспортными, информационно-коммуникационными и прочими деловыми услугами. В данной работе рассматриваются виды услуг , которые пока широко не представлены в научной литературе, но играют важное значение для национальной экономики Республики Беларусь, – это медицинские, образовательные, туристические услуги. В табл. 1 систематизированы способы поставок данных видов услуг.

В сфере медицинских услуг в Республике Беларусь поставка первым способом производится при помощи электронной почты и мобильных устройств, телемедицинские консультации и установка мобильных медицинских приложений иностранным пациентам не осуществляются. Поставка по второму способу учитывается в национальной статистике как экспорт медицинских услуг и имеет тенденцию к росту. Коммерческое присутствие реализовано в рамках следующих санаторно-оздоровительных учреждений: санатории в Российской Федерации (г. Сочи, г. Туапсе, г. Ялта), в Литовской Республике (г. Друскининкай). Санаторий в г. Юрмале (Латвийская Республика) в настоящее время законсервирован. Поставка медицинских и образовательных услуг по четвертому способу осуществляется только в рамках стажировок.

[1] Структура мирового экспорта услуг по способам поставки. https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/gstdh_mode_supply_e.htm (дата обращения: 15.01.2026).

Таблица 1

Способы поставок ГАТС медицинских, образовательных, туристических услуг Республики Беларусь

Показатели	Вид режима			
	1) Трансграничная торговля	**2) Потребление за границей**	**3) Коммерческое присутствие**	**4) Присутствие физических лиц**
Суть режима	Услуга пересекает границу	Потребитель пересекает границу	Поставщик услуги (юридическое лицо) перемещается к потребителю	Поставщик услуг (физическое лицо) перемещается к потребителю
Медицинские услуги	Телемедицина; использование электронной почты, мобильных устройств; мобильное здравоохранение	Оказание медицинских услуг нерезидентам на территории страны	Создание медицинских учреждений в других странах	Временное пребывание медицинского персонала за рубежом
Применение в Республике Беларусь	На стадии развития, телемедицинские консультации «врач–пациент» не проводятся	Имеется	Имеется в качестве санаторно-оздоровительных учреждений	Имеется в виде стажировок
Образовательные услуги	Дистанционное образование	Оказание образовательных услуг нерезидентам на территории страны	Создание образовательных учреждений в других странах	Временное пребывание профессорско-преподавательского состава за рубежом
Применение в Республике Беларусь	Имеется	Имеется	Имеется только в форме филиалов кафедр и факультетов	Имеется в виде стажировок
Туристические услуги	Продажа онлайн-туров	Оказание туристических услуг нерезидентам	Оказание туристических услуг через агентства на территории другого государства	Временное пребывание гидов, переводчиков за рубежом
Применение в Республике Беларусь	Не имеется	Имеется	Имеется	Имеется

Источник: составлено автором.

В области образовательных услуг Республика Беларусь не имеет образовательных учреждений на территории других стран в форме юридического лица, обучение и сотрудничество на территории других стран осуществляется в рамках совместных факультетов, кафедр. Например, в 2013 г. на базе Computer System Institute в г. Чикаго (США) был открыт филиал кафедры проектирования информационно-компьютерных систем Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (БГУИР). Был подписан договор о взаимном сотрудничестве и оказании образовательных услуг жителям США на основе интегрированной подготовки бакалавров, специалистов и магистров. В г. Ташкенте (Республика Узбекистан) создан совместный факультет информационных технологий Ташкентского университета информационных технологий имени Мухаммада ал-Хоразмий и БГУИР[2]. В 2019 г. Президент Республики Узбекистан подписал постановление «О создании совместного Белорусско-Узбекского межотраслевого института прикладных технических квалификаций в г. Ташкенте». Предусматривается по два года обучения в Ташкентском государственном техническом университете имени Ислама Каримова и Белорусском национальном техническом университете (БНТУ). Определены специальности, по которым осуществляется обучение, – это «Метрология, стандартизация и сертификация (машиностроение и приборостроение)», «Технология машиностроения» и «Автосервис», «Автомобилестроение (механика)», «Машины и технология литейного производства», «Двигатели внутреннего сгорания»[3].

Что касается способов поставки туристических услуг, то потребление за рубежом занимает самую большую долю. С 2021 по 2024 г. объем экспорта туристических услуг увеличился с 129,9 млн долл. до 268,1 млн долл., объем экспорта по статье «Поездки» с 427 млн долл. вырос до 988,7 млн долл., численность организованных иностранных туристов и экскурсантов, посетивших Беларусь, изменилась с 71,4 тыс. до почти 367 тыс. человек. Туризм вносит значительный вклад в экономику страны: максимальный показатель – 2,5% ВВП – был достигнут в 2018 г. Валовая добавленная стоимость сферы туризма формируется следующим образом: четверть – пассажирский транспорт, 14,2% – средства размещения, 13,9% – внутренняя торговля, 12,6% – обществен-

[2] Совместный факультет информационных технологий Ташкентского университета информационных технологий имени Мухаммада ал-Хоразмий и Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники. https://tuit.uz/ru/belorussiya-fakulteti (дата обращения: 18.01.2026).

[3] Уникальное образование, диплом белорусского образца и многое другое. https://bntu.by/index.php/news/6018-innovacionnoe-obrazovanie (дата обращения: 18.01.2026).

ное питание[4]. Вместе с тем такое перспективное направление, как продажа онлайн-туров, в стране пока не получило развития.

Таким образом, можно отметить, что по ряду направлений и способов поставки существует значительный нереализованный потенциал в области экспорта услуг (медицинских, образовательных, туристических), что требует разработки конкретных направлений в области продвижения белорусских услуг на внешние рынки, в том числе используя ИКТ и инструменты цифровой трансформации.

При вступлении в ВТО государства принимают на себя горизонтальные и секторальные обязательства. Горизонтальные принимаются для всех секторов услуг без исключений и изъятий (режим наибольшего благоприятствования, транспарентность, система разрешения споров и т. д.), секторальные обязательства стран действуют в конкретных секторах услуг и направлены на защиту национального рынка от иностранных конкурентов – поставщиков услуг. Инструменты торговой политики, применяемые для регулирования внешней торговли услугами ВТО, делятся на прямые и косвенные, которые отличаются по методу воздействия на объект (прямо или опосредованно). Систематизация основных инструментов осуществлена автором на примере медицинских услуг (см. табл. 2).

При принятии решения о свободном доступе на национальный рынок иностранных поставщиков услуг необходимо в первую очередь оценить возможные риски, поскольку непродуманная либерализация, принятие всех обязательств не всегда приводят к положительному эффекту. В целом влияние либерализации на сектор услуг изучалось в рамках международного научного исследования для европейских стран с переходной экономикой, а также для стран Центральной Азии. Авторы этого исследования пришли к выводу, что «либерализация барьеров в отношении поставщиков услуг может оказать важное влияние на повышение совокупной производительности факторов производства, рост экспорта и ускорение темпов экономического роста» [11, с. 2]. Исследование показало, что иностранные поставщики услуг повышают совокупную производительность факторов производства, которую авторы видят как производительность получателей услуг в перерабатывающих отраслях, сельском хозяйстве, сфере услуг, «поскольку они приносят с собой технологии или опыт, которые внедряются в местный процесс производства; … являются важнейшим источником новых видов услуг, а предлагаемые ими услуги, скорее всего, будут значительно отличаться от оте-

[4] Государственная программа «Туризм» на 2026–2030 годы: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 30.12.2025 г. № 797. https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500797 (дата обращения: 18.01.2026).

Таблица 2

Инструменты торговой политики внешней торговли медицинскими услугами

№	Виды ограничений	Примеры для рынка медицинских услуг
1	Ограничения доступа на рынок	
1.1	Ограничения на торговлю услугами	Законодательное закрепление оказания медицинских услуг только национальными поставщиками
1.2	Квоты на импорт иностранных услуг	Ограничения на оказание определенных видов медицинских услуг для иностранных поставщиков услуг (онкология, трансплантология)
1.3	Ограничения на создание филиалов иностранных компаний	Прямой запрет на создание иностранных филиалов; ограничение для иностранных филиалов видов медицинских услуг (в Турции создание филиалов иностранных клиник запрещено, медицинская деятельность может осуществляться только турецким юридическим лицом)
1.4	Ограничения на передвижение производителей услуг	Дополнительные требования к квалификации врачей и медицинского персонала: необходимость предоставления сертификатов знания языка и т. д.; непризнание дипломов о медицинском образовании
1.5	Ограничения на передвижение потребителей услуг	Ограничение количества иностранных пациентов для получения медицинских услуг (квоты на медицинские визы)
2	Изъятия из национального режима	
2.1	Предоставление ценовых преимуществ национальным производителям услуг	Прямые государственные субсидии национальным поставщикам медицинских услуг; государственное финансирование только для национальных поставщиков
2.2	Предоставление иностранным производителям менее благоприятных условий, чем местны-м	Отсутствие доступа к медицинским лабораториям, банкам донорской крови

Источник: составлено автором.

чественных, тем самым увеличивая производительность пользователей, чей производственный процесс более естественно вписывается в предложение специализированных услуг иностранных поставщиков» [11, с. 3].

В мировой торговле формирование статистической информации по внешней торговле услугами осуществляется на основании «Руко-

водства по статистике международной торговли услугами»[5], принятого ООН, «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции»[6], принятого МВФ, и ГАТС, принятого ВТО.

В ВТО Республика Беларусь имеет статус наблюдателя с 1993 г., в настоящее время вступление страны в ВТО исключено из задач Правительства Республики Беларусь[7].

Региональный уровень регулирования торговли услугами

В рамках региональных соглашений регулирование внешней торговли услугами Республики Беларусь осуществляется в рамках Договора о Евразийском экономическом союзе, вступившем в силу 1 января 2015 г., раздел XV «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций», Приложениях к Договору (Приложение № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе «Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций»)[8].

Проведенный компаративный анализ показал, что Договор о ЕАЭС, в отличие от ГАТС, регулирует меры поставки и получения услуг (ГАТС регулирует только поставку услуг), предусматривает проведение постепенной либерализации торговли услугами между государствами-членами.

Одной из важных целей создания Евразийского экономического союза как регионального интеграционного объединения является обеспечение свободы движения услуг (Статья 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.). Развитие рынка услуг в сферах, способствующих формированию инновационной экономики в соответствии с планами по либерализации, является приоритетом развития ЕАЭС до 2045 г.

Как и в ГАТС, Договор в сфере регулирования услуг предусматривает предоставление странам-членам режима наибольшего благоприятствования, национального режима страны, запрет на применение

---

[5] Руководство по статистике международной торговли услугами. https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_86r.pdf (дата обращения: 18.01.2026).

[6] Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции. https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopman6r.pdf (дата обращения: 18.01.2026).

[7] Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 24 дек. 2020 г. № 758: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 фев. 2024 г. № 105. https://Ilex.by (дата обращения: 14.01.2026).

[8] Договор о Евразийском экономическом союзе: ратифицирован Законом Республики Беларусь от 9 октября 2014 года «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе». https://Ilex.by (дата обращения: 14.01.2026).

количественных и инвестиционных мер. Эти правила не распространяются на отдельные виды ограничений в области торговли услугами, которые систематизированы в зависимости от видов ограничений (см. табл. 3).

Таблица 3

Виды ограничений в области торговли услугами в рамках ЕАЭС

№	Виды ограничений	Суть ограничения	Регулирующий документ
1	Горизонтальные ограничения	Имеют постоянную юридическую силу	Приложение № 2 «Перечень сохраняемых государствами-членами «горизонтальных» ограничений в отношении всех секторов и видов деятельности» к Протоколу о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций
2	Индивидуальные национальные перечни	Действуют до перехода конкретного сектора в ЕРУ	Решение Высшего Евразийского экономического совета № 112 от 23.12.14 г. «Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации»
3	Услуги электросвязи	Частично выведены из регулирования	Приложение № 1 «Порядок торговли услугами электросвязи» к Протоколу о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций
4	Финансовые услуги	Частично выведены из регулирования	Приложение № 17 «Протокол по финансовым услугам» к Договору о Евразийском экономическом союзе
5	Услуги естественных монополий	Частично выведены из регулирования	Приложение № 20 «Протокол о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий» к Договору о Евразийском экономическом союзе
6	Услуги энергетики	Частично выведены из регулирования	Приложение № 21 «Протокол об общем электроэнергетическом рынке евразийского экономического союза» к Договору о Евразийском экономическом союзе
7	Транспортные услуги	Частично выведены из регулирования	Приложение № 24 «Протокол о скоординированной (согласованной) транспортной политике» к Договору о Евразийском экономическом союзе

Источник: составлено автором по: Договор о ЕАЭС, Решение ВЕЭС (Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110. https://Ilex.by (дата обращения: 14.01.2026)).

Под единым рынком услуг (ЕРУ) понимается состояние рынка услуг в рамках конкретного сектора, в котором каждое из государств – членов ЕАЭС предоставляет лицам любого другого государства-члена право на:

1) поставку и получение услуг без ограничений, изъятий и дополнительных требований;

2) поставку услуг без дополнительного учреждения в форме юридического лица;

3) поставку услуг на основании разрешения на поставку услуг, полученного поставщиком услуг на территории своего государства-члена;

4) признание профессиональной квалификации персонала поставщика услуг.

ЕРУ достигается путем либерализации торговли услугами с учетом согласованных предложений государств-членов на условиях взаимности и возможности поэтапного присоединения к ЕРУ государств-членов по отдельным секторам услуг.

В целом с 2014 г. в формат ЕРУ поступательно переведено 142 сектора услуг. Высшим Евразийскими советом также утвержден перечень 117 приоритетных направлений для либерализации услуг в целях определения секторов (подсекторов) услуг, по которым будет продолжена работа по формированию ЕРУ в рамках ЕАЭС в соответствии с планами либерализации[9].

Анализ показал, что принятые в рамках ЕАЭС меры по развитию торговли услугами в ряде случаев несвоевременно имплементируются в национальную законодательную базу, ряд стран – членов ЕАЭС перестраивает торговлю услугами на рынки третьих стран.

Второе региональное соглашение в области торговли услугами начало действовать с 2024 г. – это Соглашение о свободной торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций в рамках СНГ. Соглашение ратифицировано в Беларуси, Кыргызстане, Таджикистане. Армения, Казахстан, Россия, Узбекистан присоединятся к Соглашению по мере выполнения в этих странах необходимых внутригосударственных процедур. Ожидается, что подписание Соглашения приведет к росту торговли услугами в СНГ на 25%[10].

---

[9] О перечне приоритетных направлений для либерализации услуг в целях определения секторов (подсекторов) услуг, по которым будет продолжена работа по формированию единого рынка услуг в рамках Евразийского экономического союза в соответствии с планами либерализации (в течение переходного периода): Решение Высшего Евразийского экономического совета от 9 декабря 2022 г. № 21. https://Ilex.by (дата обращения: 14.01.2026).

[10] Вступило в силу Соглашение о свободной торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, подписанное в рамках СНГ. https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/vstupilo-v-silu-soglashenie-o-svobodnoj-torgovle-uslugami-uchrezhdenii-dejatelnosti-i-osuschestvlenii-49136-2024/ (дата обращения: 14.01.2026).

Международное регулирование внешней торговли услугами в рамках двусторонних соглашений

В 2024 г. подписано соглашение между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о торговле услугами и осуществлении инвестиций. Этот документ определил правовую основу для устойчивого и динамичного развития торговых и инвестиционных отношений между двумя странами на фоне создания двусторонней зоны свободной торговли услугами[11]. Для Республики Беларусь соглашение с КНР стало первым двусторонним международным договором, регулирующим услуги и инвестиции. В изъятиях для Беларуси учтены наиболее чувствительные действующие ограничения [12]:

– юридические услуги (юридические, адвокатские и нотариальные услуги могут оказывать только граждане Республики Беларусь);
– исключительные права государства на осуществление различных видов деятельности (зарезервированы текущие секторы и объекты, сохранена возможность вводить новые ограничения);
– информационная безопасность (зафиксированы исключения для обработки информации государственных предприятий, защиты персональных данных белорусских граждан, предусмотрена возможность вводить любые необходимые меры для защиты информационной безопасности);
– приватизация, предоставление субсидий, грантов, любых форм господдержки выведено из охвата Соглашения;
– не допускается иностранная собственность на землю;
– в финансовой сфере сохранены привилегии государственных страховых компаний, не допускается открытие филиалов в страховом и банковском секторах;
– сохранена возможность введения количественных ограничений при автомобильных перевозках;
– энергетика полностью выведена из охвата, за исключением возобновляемых источников энергетики, где китайская сторона обозначила интерес в инвестировании в «зеленые технологии»;
– в миграционной сфере сохранены действующие сроки и необходимость получения разрешительных документов для пребывания китайских граждан;
– сохранена возможность вводить ограничения по «традиционным» основаниям (защита жизни и здоровья, правопорядка, окружающей среди и т. д.) и исключения по соображениям безопасности.

[11] Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о торговле услугами и осуществлении инвестиций. https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I02400036 (дата обращения: 14.01.2026).

Оказание услуг посредством всех форм коммерческого присутствия на территории Беларуси возможно в части оказания отдельных видов деловых услуг: архитектурных и инженерных услуг, услуг в области бухгалтерского учета, компьютерных услуг, услуг в области исследований и разработок, услуг по охране окружающей среды, услуг по организации развлечений. При этом во многих секторах сохраняется требование учреждения в форме юридического лица Республики Беларусь. Это требование относится к финансовым и транспортным услугам, услугам связи, торговым услугам, услугам в области образования, туризма, отдельным видам деловых услуг (аудиторским, услугам в области налогообложения, услугам в области недвижимости). В свою очередь китайская сторона полностью без ограничений пускает белорусских поставщиков на рынок отдельных видов компьютерных услуг, франчайзинговых услуг, услуг агентств морского транспорта.

Вторым двусторонним соглашением, регулирующим торговлю услугами, является соглашение с ОАЭ, подписанное в июне 2025 г.[12] В результате подписания соглашения создана полноценная зона свободной торговли услугами, определены условия пребывания на территориях стран физических лиц при торговле услугами. Соглашение охватывает более 100 секторов услуг.

Для стимулирования внешней торговли услугами необходима активизация деятельности по пересмотру существующих соглашений по инвестициям с целью их расширения до соглашений о торговле услугами.

Международное регулирование внешней торговли услугами в рамках отраслевых соглашений

Республика Беларусь является членом ряда международных организаций, регулирующих те или иные отраслевые направления торговли услугами (см. табл. 4).

Участие в международных отраслевых организациях оказывает положительное влияние на экономики стран-участниц: происходит обмен опытом, вырабатываются единые правила взаимодействия, происходит расширение торговых, экономических, социальных связей. Например, с мая 2005 г. Республика Беларусь стала действительным членом Всемирной туристской организации[13]. Вступление позволило

[12] Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о торговле услугами и осуществлении инвестиций. https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I02500020 (дата обращения: 14.01.2026).

[13] О ратификации Устава Всемирной Туристской Организации: Закон Республики Беларусь от 4 мая 2005 г. № 8-З. https://Ilex.by (дата обращения: 14.01.2026).

Таблица 4

Международные организации, регулирующие деятельность в сфере услуг

№	Наименование организации	Специализация	Год вступления в организацию Республики Беларусь
Специализированные учреждения ООН			
1	Всемирная организация здравоохранения	Укрепление национальных систем здравоохранения, профилактика заболеваний, разработка стандартов	1946
2	Всемирный почтовый союз	Развитие почтовой службы, почтовых услуг	1947
3	Международный союз электросвязи	Развитие ИКТ	1947
4	Международная организация гражданской авиации	Унификация правил полетов, развитие международного воздушного транспорта	1993
5	Международная финансовая корпорация	Развитие инвестиционного сотрудничества	1992
Международные организации			
6	Организация сотрудничества железных дорог	Развитие транспортной политики	1993
7	Всемирная туристическая организация	Содействие развитию туризма и инфраструктуры	2005

Источник: составлено автором.

активизировать развитие туристической деятельности, расширить сотрудничество с иностранными партнерами, принимать участие в разработке ряда международных документов, регулирующих туристическую деятельность (Международного кодекса защиты туристов).

Национальный уровень регулирования внешней торговли услугами Республики Беларусь

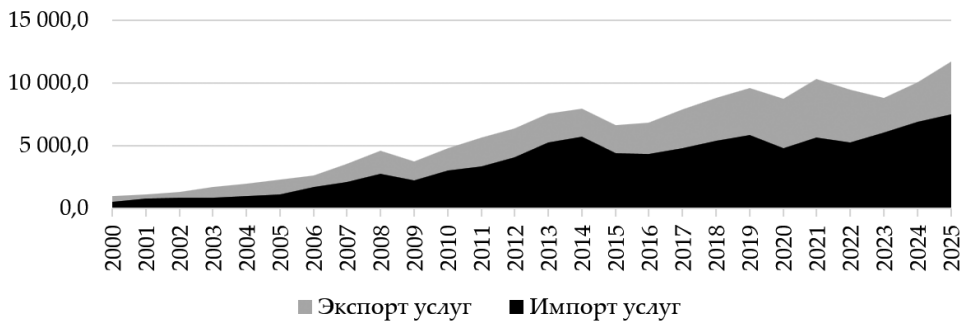
Проведенный анализ статистических данных по внешней торговле услугами Республики Беларусь, которые отражают результативность существующей системы государственного регулирования внешней торговли, показал следующее.

Объем экспорта внешней торговли услугами имеет тенденцию к увеличению и вырос с 1 012,5 млн долл. США в 2000 г. до 11 716,3 млн долл. США в 2025 г. (максимальное значение за последние 25 лет). Если рас-

сматривать влияние периода COVID-2019 на внешнюю торговлю услугами, то объем экспорта услуг с 9 641,9 млн долл. США в 2019 г. в 2020 г. снизился до 8 787,6 млн долл. США (снижение составило 8,9%). Снижение объемов экспорта в 2022 и 2023 г. было вызвано введением рядом стран санкций против экономики Республики Беларусь.

При анализе относительных изменений установлено, что отрицательный прирост экспорта услуг наблюдался в пяти периодах из 25 – в течение 2009, 2015, 2020, 2022, 2023 г.[14]

Показатели по импорту внешней торговли услугами существенно ниже показателей по экспорту (см. рис. 1), что позволяет формировать устойчивое положительное сальдо внешней торговли услугами. Импорт также имеет тенденцию к росту: в 2000 г. он составил 552,0 млн долл. США, в 2025 г. – 7 545,4 млн долл. США. Отрицательные значения темпов прироста импорта наблюдались в пяти периодах из 25: 2009, 2015, 2016, 2020 и 2022 г.[15]

Источник: составлено автором по Данным о внешней торговле товарами и услугами Республики Беларусь, Национальный банк Республики Беларусь. https://www.nbrb.by/statistics/foreigntrad (дата обращения: 19.05.2026).

Рис. 1. Динамика объемов экспорта и импорта внешней торговли услугами Республики Беларусь в 2000 – 2025 гг., млн долл. США

За период с 2000 по 2025 г. экспорт услуг вырос в 11,57 раза, импорт услуг – в 13,67 раза.

Сальдо внешней торговли услугами на протяжении всего исследуемого периода 2000 – 2025 гг. положительное и по итогам 2025 г. достигло 4 170,8 млн долл. США, максимальное значение сальдо было в 2021 г. и составило 4 617,1 млн долл. США. Внешняя торговля услугами играет важное значение в сфере внешней торговли Республики

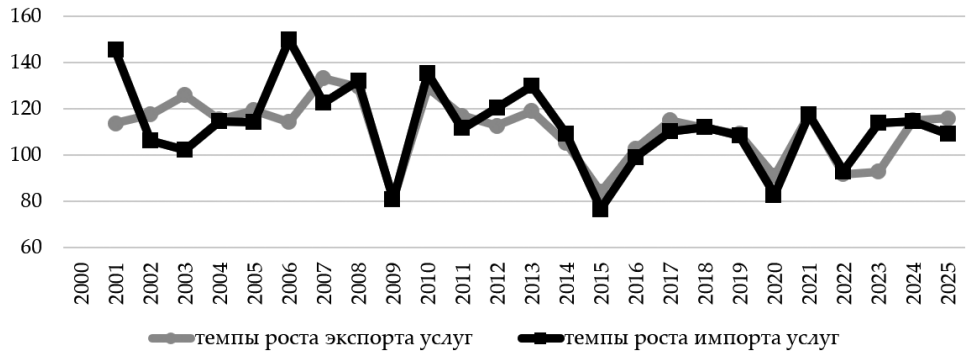
[14] Данные о внешней торговле товарами и услугами Республики Беларусь, Национальный банк Республики Беларусь. https://www.nbrb.by/statistics/foreigntrad (дата обращения: 19.05.2026).

[15] Там же.

Беларусь, поскольку сальдо внешней торговли услугами всегда положительное и позволяет частично нивелировать отрицательное значение результата внешней торговли товарами.

На рис. 2 отражены темпы роста экспорта и импорта услуг страны. За 2000 – 2025 гг. темпы роста экспорта опережали темпы роста импорта услуг в следующие периоды (10 периодов из 25): в 2002, 2003, 2005, 2007, 2011, 2015, 2016, 2019, 2020, 2025 гг.; были равны в 2004, 2009, 2018, 2024 гг. (четыре периода из 25).

Графики темпов роста экспорта и импорта услуг в ряде периодов имеют схожие траектории, что свидетельствует о зависимости экспорта от импорта услуг.

Источник: составлено автором по Данным о внешней торговле товарами и услугами Республики Беларусь, Национальный банк Республики Беларусь. https://www.nbrb.by/statistics/foreigntrad (дата обращения: 19.05.2026).

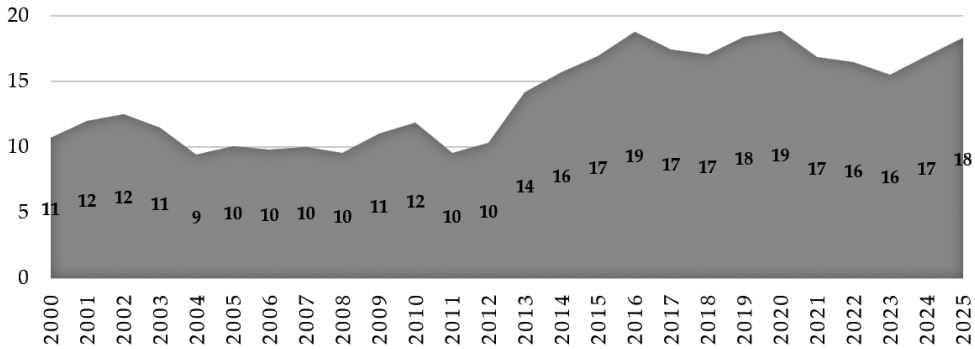
Рис. 2. Динамика темпов роста экспорта и импорта услугам Республики Беларусь в 2000–2025 гг.,%

Доля экспорта и импорта услуг во внешнеторговом обороте Республики Беларусь имеет тенденцию к увеличению (см. рис. 3). Минимальное значение было достигнуто в 2004 г. (9%), максимальное – в 2016, 2020 гг. (19%). В целом можно отметить, что доля услуг во внешнеторговом обороте страны увеличилась почти в два раза.

К видам услуг опережающего роста по итогам 2025 г. относятся услуги образования, здравоохранения, страховые, финансовые, туристические услуги.

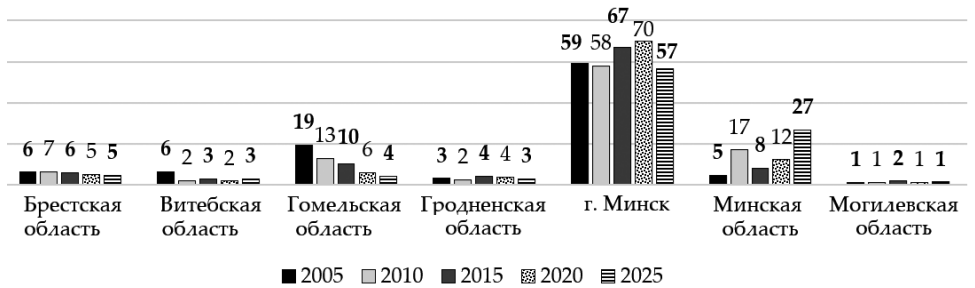
Для анализа регионального аспекта внешней торговли услугами рассчитаны доли регионов страны в экспорте услуг (см. рис. 4): на первом месте г. Минск, на втором – Минская область, на третьем – Гомельская область, однако доля экспорта данного региона снизилась за последние 20 лет с 19 до 4%.

При анализе импорта услуг установлено, что Минск и Минская область занимают лидирующие позиции, импорт услуг из Гомельской области (третье место в экспорте услуг страны) снижается (см. рис. 5).

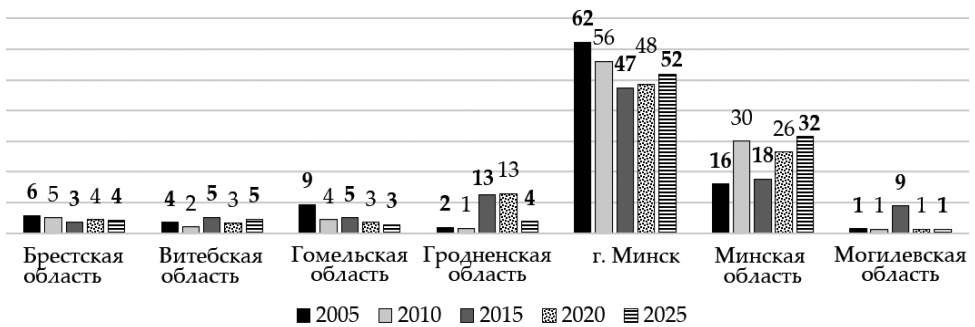
Источник: составлено автором по Данным о внешней торговле товарами и услугами Республики Беларусь, Национальный банк Республики Беларусь. https://www.nbrb.by/statistics/foreigntrad (дата обращения: 19.05.2026).

Рис. 3. Доля услуг во внешнеторговом обороте Республики Беларусь в 2000 – 2025 гг.,%

Источник: рассчитано автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/ (дата обращения: 19.05.2026).

Рис. 4. Доли регионов Республики Беларусь в экспорте услуг страны, 2005 – 2025 гг.,%

Источник: рассчитано автором по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/ (дата обращения: 19.05.2026).

Рис. 5. Доли регионов Республики Беларусь в импорте услуг страны, 2005–2025 гг.,%

В целом можно сделать вывод, что внешняя торговля услугами восстановилась после пандемии Ковид-19 и санкционного давления, которое продолжает осуществляться по отношению к нашей стране. Этому способствует существующая система государственного регулирования, направленная на стимулирование внешней торговли страны.

Национальный уровень развития внешнеторговой деятельности представлен белорусскими нормативно-правовыми актами, регулирующими в том числе и внешнюю торговлю услугами. В Республике Беларусь принята Концепция национальной безопасности в ответ на геополитические изменения в мире, новые вызовы и угрозы. В соответствии с Концепцией в экономической сфере основными национальными интересами в области внешней торговли товарами и услугами являются следующие направления[16]:

– развитие высокотехнологичных, экспортоориентированных и импортозамещающих производств;
– недискриминационный доступ на мировые рынки товаров, услуг и финансов, а также сырьевых и энергетических ресурсов;
– поддержание товарной и страновой диверсификации экспорта товаров и услуг, сбалансированность внешней торговли, обеспечение внешнеэкономической безопасности;
– взаимовыгодное и недискриминационное экономическое сотрудничество в рамках международных интеграционных объединений.

К основным документам в области государственного регулирования внешней торговли услугами относится Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 347-З «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (с изменениями и дополнениями). Закон определяет нормативно-правовой базис государственного регулирования внешнеторговой деятельности Республики Беларусь, основные определения, касающиеся внешней торговли услугами, национальный режим внешней торговли услугами, сферу применения Закона и соответствие нормам международных договоров.

В гл. 4 данного закона закреплены способы осуществления внешней торговли услугами (Статья 25), к которым относятся[17]:

«1.1. с территории Республики Беларусь на территорию иностранного государства;

1.2. с территории иностранного государства на территорию Республики Беларусь;

---

[16] Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 14.01.2026).

[17] О государственном регулировании внешнеторговой деятельности: Закон Республики Беларусь от 25 нояб. 2004 г. № 347-З. https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10400347 (дата обращения: 14.01.2026).

1.3. на территории Республики Беларусь иностранному заказчику услуг;

1.4. на территории иностранного государства белорусскому заказчику услуг;

1.5. белорусским исполнителем услуг, не имеющим коммерческого присутствия на территории иностранного государства, путем оказания услуг им или уполномоченным лицом, действующим от его имени на территории иностранного государства;

1.6. иностранным исполнителем услуг, не имеющим коммерческого присутствия на территории Республики Беларусь, путем оказания услуг им или уполномоченным лицом, действующим от его имени на территории Республики Беларусь;

1.7. белорусским исполнителем услуг путем коммерческого присутствия на территории иностранного государства;

1.8. иностранным исполнителем услуг путем коммерческого присутствия на территории Республики Беларусь».

В законе предусмотрено, что в области внешней торговли услугами могут вводиться запреты или ограничения по секторам услуг. В частности, в Статье 27 перечислены меры, которые вводятся для защиты национальных интересов в области торговли услугами: направленные на соблюдение общественной морали или правопорядка, защиту национальных интересов и национальной безопасности, охрану жизни или здоровья человека, защиту финансовой системы и интересов инвесторов. В Главе 5 Закона определены особые виды запретов и ограничений внешней торговли услугами, которые касаются поддержания равновесия платежного баланса страны, введения мер валютного регулирования, введения ответных мер на противоправные действия других государств.

В Республике Беларусь для формирования официальной статистической информации по видам внешней торговли услугами введен статистический классификатор СК 45.012-2022 «Виды услуг внешней торговли», в котором представлены собирательные классификационные группировки видов услуг.

Расчет статистических показателей по статистике внешней торговли услугами осуществляется в соответствии с методикой по формированию и расчету статистических показателей внешней торговли услугами Национального статистического комитета[18]. В методике представлен перечень видов услуг, поставляемых посредством ИКТ (Приложение 2 к методике):

[18] Методика по формированию и расчету статистических показателей по статистике внешней торговли услугами: Постановление Белстата № 2 от 27.01.2023. https://www.belstat.gov.by/metodologiya/metodiki-po-formirovaniyu-i-raschetu-statistichesk/ (дата обращения: 17.01.2026).

– финансовые услуги;
– страховые услуги;
– информационные услуги;
– плата за использование объектов авторского права и смежных прав;
– юридические услуги;
– услуги в области бухгалтерского учета и аудита, консультирование по налогообложению;
– услуги в области управления;
– услуги в области рекламы, маркетинга, организации ярмарок, выставок;
– услуги в области образования по получению образования в заочной форме.

В настоящее время данный перечень требует корректировки, поскольку не учитывает потенциально перспективные направления экспорта услуг: развития телемедицины в Республике Беларусь и системы дистанционного обучения иностранных студентов.

Заключение

Проведенный в работе анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. В современных условиях развития мировой экономики роль услуг повсеместно возрастает – услуги из сферы, обслуживающей товары, выделились в отдельную важную область мировой торговли. Особенно велика роль услуг в становлении и протекании процессов цифровизации, цифровой трансформации мировой торговли: благодаря развитию ИКТ часть услуг перешла из разряда неторгуемых в торгуемые, трансформируются и классические свойства услуг под влиянием цифровых технологий.

2. Исследование способов поставки медицинских, образовательных, туристических услуг Республики Беларусь выявило нереализованный потенциал для экспорта указанных видов услуг.

3. Анализ соглашений в рамках ЕАЭС и СНГ показал, что Договор о ЕАЭС, в отличие от ГАТС, регулирует как поставку, так и получение услуг. Для нивелирования выявленных негативных тенденций в области формирования ЕРУ в статье предлагается: проводить на постоянной основе мониторинг защитных внутристрановых мер, препятствующих развитию ЕРУ; оценивать вызовы и угрозы в рамках функционирования ЕРУ; осуществлять целенаправленную работу по использованию потенциала ЕРУ для наращивания экспорта услуг Республики Беларусь в государства – члены ЕАЭС; выявлять секторы услуг, в отношении которых в государствах – членах ЕАЭС применяются защитные

меры, ограничивающие доступ на рынок белорусским поставщикам услуг.

4. Изучение действующих в Республике Беларусь международных соглашений в области торговли услугами показало, что необходимо: а) активизировать подписание соглашений о свободной торговле услугами с Турцией; б) поскольку Республика Беларусь подписала более 70 соглашений, регулирующих инвестиции[19], целесообразно также расширить действующие соглашения в части регулирования сектора услуг.

5. Внешняя торговля услугами Республики Беларусь в последнее время функционирует в условиях новых вызовов и угроз, однако существующая система государственного регулирования позволила восстановиться сектору услуг, о чем свидетельствует проведенный в статье анализ.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Вертинская Т.С., Береснев Д.В., Коледа О.А.* Стратегия развития внешнеэкономических связей Республики Беларусь в системе международной интеграции. Минск: Белорусская наука, 2022. [*Vertinskaya T.S., Beresnev D.V., Koleda O.A.* Strategy for the Development of Foreign Economic Relations of the Republic of Belarus in the System of International Integration. Minsk: Belarusian Science, 2022. (In Russ.).]
2. *Скрябина Т. А.* Стимулирование экспорта: отечественный и зарубежный опыт. Минск: Белорусская наука, 2024. [*Skryabina T.A.* Export Promotion: Domestic and Foreign Experience. Minsk: Belarusian Science, 2024. (In Russ.).]
3. *Ковалев М., Господарик Е.* Конкурентные позиции Союзного государства Беларуси и России на мировом рынке услуг // Банковский вестник. 2024. № 12. С. 12–27. [*Kovalev M., Gospodarik E.* Competitive Positions of the Union State of Belarus and Russia in the Global Services Market // Banking Bulletin. 2024. No. 12. Pp. 12–27. (In Russ.).]
4. *Юрова Н.В.* Цифровизация торговли как фактор развития экспортного потенциала Республики Беларусь // Цифровая трансформация. 2020. № 1. С. 5–13. [*Yurova N.V.* Trade Digitalization as a Factor in the Development of the Export Potential of the Republic of Belarus // Digital Transformation. 2020. No. 1. Pp. 5–13. (In Russ.).]
5. *Шмарловская Г.А.* Республика Беларусь в условиях международной сетевой экономики: направления и формы взаимодействия // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: сборник научных статей в двух томах. Т. 2. Ред. кол. Д.В. Муха и др. Минск: Право и экономика, 2024. С. 30 – 36. [*Shmarlovskaya G.A.* The Republic of Belarus in the Context of the International Network Economy: Directions and Forms of Interaction // The Strategy for the Development of the Belarusian Economy: Challenges, Tools, and Prospects: A Collection of Scientific Articles in Two Volumes. Vol. 2. Ed. D.V. Mukha et al. Minsk: Law and Economics, 2024. Pp. 30–36. (In Russ.).]

[19] Подсчитано автором по данным Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь pravo.by

6. *Чепик И.Н., Турбан Г.В.* Интернационализация услуг делового обслуживания бизнес-процессов. Минск, Республиканский институт высшей школы. 2025. [*Chepik I.N., Turban G.V.* Internationalization of Business Process Support Services. Minsk, Republican Institute of Higher Education. 2025. (In Russ.).]
7. *Гаращенко Е.А.* Институциональные основы внешнеторгового регулирования товарами // Экономика. Управление. Инновации. 2019. № 2. С. 31–35. [*Garashchenko E.A.* Institutional Foundations of Foreign Trade Regulation of Goods // Economy. Management. Innovations. 2019. No. 2. Pp. 31–35. (In Russ.).]
8. *Ганакова Ю.* Сфера услуг в Республике Беларусь: правовые основы регулирования и итоги внешней торговли // Банковский вестник. 2022. № 10. С. 57 – 64. [*Ganakova Yu.* The Service Sector in the Republic of Belarus: Legal Framework for Regulation and Foreign Trade Results // Banking Bulletin. 2022. No. 10. Pp. 57–64. (In Russ.).]
9. *Baldwin R., Freeman R., Theodorakopoulos A.* Deconstructing Deglobalization: The Future of Trade is in Intermediate Services // Asian Economic Policy Review. 2024. No. 19. Pp. 18–37. DOI: 10.1111/aepr. 12440.
10. *Cernat L.* What mode of supply will matter the most for the future of services trade? // ECIPE Policy Brief, European Centre for International Political Economy, Brussels. 2024. No. 16. https://www.econstor.eu/bitstream/10419/303230/1/1902972503.pdf (accessed: 17.01.2026).
11. Влияние либерализации сферы услуг на производительность отрасли, экспорт и развитие: эмпирические исследования в странах с переходной экономикой / под ред. Д. Тарра. М.: Издательство «Весь Мир», 2012. [The Impact of Services Sector Liberalization on Industry Productivity, Exports, and Development: Empirical Studies in Countries with Transition Economies / ed. by D. Tarr. Moscow: Publishing House «The whole world», 2012. (In Russ.).]
12. *Милашевич Е.А.* Стратегическое партнерство Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой в области торговли услугами // Актуальные векторы белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества: сб. статей V Междунар. научно-практ. конфер., Минск, 18 декабря 2024 г. / Бел. гос. эконом. ун-т; Е.А. Малашенко (гл. ред.) и др. Минск: Колорград, 2025. С. 252–258. [*Milashevich E.A.* Strategic Partnership of the Republic of Belarus with the People's Republic of China in Trade in Services // Current Vectors of Belarusian-Chinese Trade and Economic Cooperation: Collection of Articles from the V Int. Scientific and Practical Conference, Minsk, December 18, 2024 / Belarusian State Economic University; E. A. Malashenko (editor-in-chief) et al. Minsk: Kolorgrad, 2025. Pp. 252–258. (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: *11.02.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *28.05.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Милашевич Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором социальных и потребительских услуг ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», Минск, Республика Беларусь
ORCID: 0009-0002-3277-8274
services@economics.basnet.by

ABOUT THE AUTHOR

Alena A. Milashevich – Cand. Sci.(Econ.), Associate Professor, Head of the Social and Consumer Services Sector, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
ORCID: 0009-0002-3277-8274
services@economics.basnet.by

REGULATING FOREIGN TRADE IN SERVICES: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

This article examines the experience of the Republic of Belarus in regulating foreign trade in services. It analyzes the key multilateral regulatory acts within the GATS Agreement and the main documents of the national regulatory system that define the rules for international trade in services in the Republic of Belarus. The article systematizes: a) medical, educational, and tourism services in the Republic of Belarus depending on the delivery method; b) trade policy instruments for foreign trade in medical services; and c) types of restrictions on trade in services within the EAEU. Problems in regulating foreign trade in services are identified, and practical recommendations for each level of regulation are proposed for their solution.

Keywords: *Republic of Belarus, foreign trade in services, government regulation, delivery methods, service exports, medical services, educational services, tourism services, restrictions, bilateral agreements.*

JEL: F10, F42, K30.

А.С. ГАРАЕВА
магистрант, аспирант интегрированного трека, инженер кафедры политической экономии экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

НОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ «ЗЕЛЕНОЙ» ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ США[1]

В статье анализируется процесс формирования «зеленой» промышленной политики как новой формы промышленной политики, объединяющей цели экологической устойчивости и технологического развития. Систематизированы современные подходы к определению понятия «зеленой» промышленной политики, к ее целям, применяемым механизмам реализации, институтам и инструментарию. Особое внимание уделено США, как одной из стран, выстроивших масштабную национальную модель «зеленой» промышленной политики. В последнее время в стране происходит трансформация данной модели – осуществляется переход от инфраструктурного этапа поддержки «зеленых» отраслей, ориентированного на масштабное субсидирование и стимулирование спроса, что было характерно в период правления президента Дж. Байдена, к рыночной модели, в большей степени использующей механизмы конкуренции, – при президенте Д. Трампе (с 2025 г.). Показано, что в настоящее время в США происходит не полное сворачивание «зеленой» повестки, а становление новой фазы, в которой субсидии ограничены по времени, а «зеленые» отрасли должны оставаться конкурентоспособными без долгосрочной государственной поддержки. Делается вывод о том, что экологические цели все чаще встраиваются в механизмы структурной перестройки экономики.

Ключевые слова: *«зеленая» промышленная политика, структурная трансформация, экологическое регулирование, декарбонизация, технологический суверенитет, Inflation Reduction Act, One Big Beautiful Bill Act.*

УДК: 339.9

EDN: GAUJSW

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_3_179_201

[1] Автор признателен анонимному рецензенту за доброжелательные замечания и рекомендации, позволившие улучшить статью.

Введение

«Промышленная политика? – Это анахронизм». Такую оценку можно было услышать от экономистов и политиков еще в конце XX в., когда само сочетание слов «промышленная политика» вызывало ассоциации с неудачами прошлых десятилетий — от неэффективных программ импортозамещения в Латинской Америке до дорогостоящих провалов отраслевой поддержки в ряде стран Африки и Азии [1; 2]. С 1980-х годов, в период ускорения процессов глобализации и либерализации экономической политики, активное государственное вмешательство в промышленное развитие стало восприниматься в экономической науке и практике едва ли не опасной девиацией.

Однако с начала XXI в. наблюдается постепенный пересмотр этих установок. Усиление глобальной технологической конкуренции, нарастающие экологические угрозы и уязвимость международных финансовых центров, проявившаяся в ходе мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., обусловили возрождение интереса к промышленной политике как к инструменту активного государственного участия в структурной трансформации экономики. В этом контексте все большую актуальность приобретает «зеленая» промышленная политика — особая форма государственного вмешательства, интегрирующая экологические цели в систему поддержки технологической модернизации и экономического развития. В результате возникает качественно новая парадигма промышленной политики, в которой экологическая устойчивость перестает быть внешним ограничением и становится внутренним драйвером роста новых отраслей экономики.

В последнее время крупные экономики (прежде всего ЕС и США) превратили экологическую повестку в новую арену экономического и политического соперничества [3]. На этом фоне «зеленая» промышленная политика получила особое распространение в странах, которые претендуют на лидерство в формирующихся секторах низкоуглеродной экономики — возобновляемой энергетике, водородных технологиях, производстве аккумуляторов, электротранспорте и ряде других направлений.

Особый интерес в этом контексте представляет опыт Соединенных Штатов Америки. США традиционно ассоциировались с рыночной моделью экономического развития. Но с начала 2020-х годов Соединенные Штаты продемонстрировали кардинальный поворот в направлении системной промышленной политики, интегрирующей экологические и технологические цели. Принятые администрацией президента Дж. Байдена законодательные акты — Двухпартийный закон

об инфраструктуре (Bipartisan Infrastructure Law, 2021)[2], Закон о полупроводниках и науке (CHIPS and Science Act, 2022)[3], Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act, 2022)[4] — обозначили формирование стимулирующей модели «зеленой» промышленной политики, основанной на субсидиях, налоговых стимулах и других формах государственной поддержки. Такой подход можно охарактеризовать метафорой «индустриальных яслей"[5] — системы, в рамках которой государство создает среду, направленную на всемерную поддержку «зеленых» отраслей. Экологическая повестка в этой модели стала средством промышленной переориентации, нацеленной на восстановление производственной базы и укрепление технологического суверенитета США.

С приходом к власти 47-го президента США Д. Трампа в 2025 г. модель была скорректирована. Принятый в июле 2025 г. «Большой прекрасный» закон (One Big Beautiful Bill Act, 2025)[6] представляет собой комплексный пакет, объединяющий налоговую реформу, меры бюджетной консолидации и пересмотр инструментов государственной поддержки. В отличие от предыдущих инициатив сейчас происходит переход к новому, основанному на более высоком уровне конкуренции рыночному этапу «зеленой» промышленной политики. Поддержка сохраняется, но теперь ограничивается по времени, а ее получение связано с требованиями обеспечения технологического суверенитета

---

[2] Infrastructure Investment and Jobs Act: Public Law No. 117–58. U.S. Congress, Washington, 2021. https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3684/text (дата обращения: 14.04.2025).

[3] CHIPS and Science Act of 2022: Public Law No. 117–167. U.S. Congress, Washington, 2022. https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346/text (дата обращения: 14.04.2025).

[4] Inflation Reduction Act of 2022: H.R.5376, 117th Congress. *U.S.* Congress, Washington, 2022. https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text (дата обращения: 14.04.2025).

[5] Под «индустриальными яслями» в данной работе понимается форма государственной поддержки, расширяющая классическую концепцию защиты зарождающихся отраслей (infant industry argument), восходящую к трудам Фридриха Листа. В отличие от традиционного протекционизма современная модель «индустриальных яслей» подразумевает создание государством институциональной, инфраструктурной и финансовой сред, благоприятных для становления новых отраслей, прежде всего в сферах, где рыночные механизмы еще не обеспечивают достаточную отдачу от инвестиций. В рамках «зеленой» промышленной политики речь идет о целенаправленном формировании экосистем для низкоуглеродных и ресурсосберегающих технологий, включающих субсидии, налоговые стимулы, стандарты, государственные заказы и кадровые программы, позволяющие снизить издержки входа и ускорить масштабирование.

[6] One Big Beautiful Bill Act of 2025: H.R.1, 119th Congress. U.S. Congress, Washington, 2025. https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/1/text (дата обращения: 09.07.2025).

и национальной безопасности. «Зеленые» отрасли должны доказать свою жизнеспособность в условиях конкуренции. Таким образом, происходит не демонтаж «зеленой» повестки, а ее рыночная перезагрузка и институциональная перекалибровка.

Феномен американской «зеленой» промышленной политики представляет значительный научный интерес не только в силу масштабов предпринятых мер, но и с точки зрения их институциональной новизны. США демонстрируют пример слияния целей экологической модернизации с задачами реиндустриализации и расширения геоэкономического влияния страны в условиях обостряющейся глобальной технологической конкуренции.

Исходной гипотезой исследования выступает тезис о том, что «зеленая» промышленная политика США, как мы заметили выше, эволюционирует: происходит переход от первоначального этапа, когда государство создавало условия для роста новых отраслей за счет субсидий и льгот, к следующей фазе, в которой поддержка предоставляется селективно — только тем, кто показывает результат в условиях конкуренции. На основе сравнительного анализа двух фаз — «инфраструктурной» (при Дж. Байдене) и «рыночной» (при Д. Трампе) — в работе будет показано, как меняется институциональная архитектура «зеленой» промышленной политики и как этот опыт может быть интерпретирован в контексте глобальной трансформации экономической политики.

«Зеленая» промышленная политика: теоретические положения

В последние десятилетия промышленная политика претерпела значительные изменения, и одним из направлений ее трансформации стало усиление экологической составляющей. Этот процесс оказался частью более широкой стратегии переосмысления экономического развития, в рамках которой поддержка промышленности направлена как на повышение конкурентоспособности национальных компаний, так и на снижение антропогенного воздействия на окружающую среду и развитие низкоуглеродных технологий. Данный подход получил название «зеленой» промышленной политики [4; 5]. Ниже приведены различные трактовки такого типа политики, предложенные ведущими исследователями в этой области (см. табл. 1).

Инструменты «зеленой» промышленной политики условно можно разделить на две группы: мягкие (soft) и жесткие (hard) (см. табл. 2). Такое разграничение связано прежде всего с характером вмешательства государства и степенью прямого воздействия на рыночную структуру. Мягкие меры ориентированы на создание благоприятных рамоч-

Таблица 1

Определения «зеленой» промышленной политики, предлагаемые разными авторами в научных публикациях

Источник	Определение. «Зеленая» промышленная политика – это:
[5]	«Любая государственная мера, направленная на ускорение структурных преобразований в направлении низкоуглеродной и ресурсоэффективной экономики и способствующая повышению производительности в экономике»
[6]	«Форма промышленной политики, которая поддерживает развитие отраслей, производящих “зеленые” товары»
[7]	«Реструктуризация, инициируемая правительством в целях перехода к низкоуглеродной экономике»
[8]	«Государственные меры, направленные на ускорение экономического роста посредством низкоуглеродной структурной трансформации экономики»
[9]	«Политика, которая направляет трансформацию структуры внутренней экономической деятельности и, следовательно, технологических траекторий в избранных секторах или отраслях с целью достижения нулевого уровня выбросов парниковых газов»
[10]	«Промышленная политика, преследующая экологические цели, или отраслевая политика, которая влияет на структуру экономического производства с целью получения экологических выгод»

Источник: составлено автором.

ных условий и устранение институциональных барьеров. Они не адресованы конкретным производителям, а формируют более широкую экосистему. К таким мерам относятся: государственные инвестиции в «зеленую» инфраструктуру (например в энергосети или транспорт), ускоренная регистрация «зеленых» патентов, «зеленые» критерии в государственных тендерах, развитие нормативной базы (стандарты, целевые показатели, регламенты) и т. д.

В противоположность им жесткие инструменты часто имеют селективный характер. Они направлены на поддержку отдельных отраслей или сегментов и, как правило, требуют более значимой правовой и административной проработки. Среди таких мер — прямые финансовые субсидии, налоговые льготы, требования к локализации, тарифная защита «зеленых» секторов, экспортные ограничения и т. д. В то же время они сопряжены с более высоким риском юридических споров, особенно в рамках правил ВТО и международных соглашений.

При этом важной дихотомией инструментов является различие между поддержкой на стадии производства технологий (upstream) и на стадии их внедрения (downstream) [12]. Первый подход включает, например, субсидии на строительство заводов по выпуску сол-

нечных панелей или аккумуляторов, второй — меры по стимулированию спроса, такие как налоговые вычеты при покупке электромобилей или компенсации за установку «зеленого» оборудования. Эти направления отличаются по характеру задач: одно ориентировано на создание новых отраслей, другое — на их широкое распространение в потребительском сегменте. Кроме того, меры поддержки производителей часто требуют значительных вложений и четких механизмов контроля, тогда как стимулирование спроса связано с более сложной координацией между отраслями и органами власти [12].

Одной из проблем при анализе «зеленой» промышленной политики становится ее разграничение с традиционной моделью. За внешним сходством скрываются различия в целях и механизмах реализации. В научной литературе выделяют шесть основных характеристик, отличающих «зеленую» промышленную политику от традиционной: особое внимание внешним экологическим эффектам; четкое разграничение между «хорошими» и «плохими» технологиями, основанное на их экологическом воздействии; срочность структурных изменений; высокая неопределенность; сложная межотраслевая координация; ориентация на управление общественными благами, которые связаны с окружающей средой (см. табл. 3).

Одним из наиболее известных подходов к созданию институциональных рамок «зеленой» промышленной политики является концепция Д. Родрика [13]. Он выдвигает три принципа, которые важны для реализации такой политики: встроенность, дисциплина и подотчетность. Встроенность предполагает глубокое включение государства в экономическое взаимодействие с частным сектором, основанное на сбалансированной коммуникации. Цель — создать каналы, через которые государство может получать точную информацию о технологических ограничениях, рыночных сбоях и инвестиционных барьерах. Однако при этом важно избегать ситуаций, когда частные интересы начинают чрезмерно влиять на государственную политику (к примеру, через лоббизм). Дисциплина означает наличие обратной связи, корректируемых стимулов и четких условий прекращения поддержки. Подотчетность обеспечивает прозрачность принятия решений и делает вмешательство государства легитимным.

Близкие идеи были высказаны и авторитетным российским специалистом, академиком Н.И. Ивановой. В ряде ее работ подчеркивается, что успешное развитие новых технологических направлений требует «триады инновационного регулирования» – согласованной научной, промышленной и инновационной политики, а также формирования стратегических новаторов и адаптации институтов (государственные законы, нормы и правила ведения бизнеса) под задачи технологического обновления [14; 15]. При этом особое внимание уделяется

Таблица 2

Классификация инструментов «зеленой» промышленной политики

Тип	Инструмент	Описание	Примеры
Мягкий (soft)	Инфраструктурные инвестиции	Переориентация государственных расходов в пользу «зеленых» отраслей через развитие транспорта, энергетики и т. д.	«Зеленые» энергосети, общественный транспорт, зарядные станции
	R&D (Research and Development, рус. «Исследование и разработка») и обучение в области «зеленых» технологий	Финансирование исследований и образовательных программ в сфере «зеленых» технологий	Гранты на «зеленые» исследования, эко-просвещение
	«Зеленые» госзакупки	Установление экологических критериев при проведении государственных тендеров	Приоритет в тендерах для компаний с низкоуглеродной продукцией
	Развитие нормативной среды	Установление стандартов, технических требований и целевых показателей в сфере устойчивого развития	Стандарты энергоэффективности, цели по сокращению выбросов, «зеленые» регламенты
	Быстрая регистрация «зеленых» патентов	Ускоренное рассмотрение патентных заявок в «зеленых» направлениях	Ускоренные процедуры подачи заявок для «зеленых» технологий (green-tech)

Окончание табл. 2

Жесткий (hard)	Прямые субсидии	Финансовая поддержка конкретных компаний или проектов в «зеленых» секторах	Прямые дотации, государственные заказы
	Налоговые льготы	Снижение налоговой нагрузки для «зеленых» производств или инвесторов	Налоговые вычеты по экологическим проектам, амортизационные льготы
	Требования к локализации (LCR)	Обязательства по доле местных компонентов в «зеленой» продукции	Требования о доле местных компонентов в солнечных панелях, батареях
	Экспортно-торговые меры	Поддержка экспорта «зеленых» технологий (через кредитование, страхование), а также ограничения на экспорт сырья для развития национальных производств по его переработке или для охраны окружающей среды	Экспортные субсидии, квоты и пошлины на вывоз редкоземельных металлов или необработанных ресурсов

Источник: составлено автором по: [11].

Таблица 3

Различия между традиционной и «зеленой» промышленной политикой

Критерий	Традиционная промышленная политика	«Зеленая» промышленная политика
Основные цели	Рост конкурентоспособности, защита национальных отраслей	Снижение негативного воздействия на окружающую среду, переход к низкоуглеродной экономике
Выбор технологий/ областей для реализации политики	Свободный выбор технологий, определяемый рыночными механизмами	Приоритет для «зеленых» технологий
Масштаб координации	Отраслевой подход, как правило, слабая координация между секторами	Комплексная межотраслевая координация, интеграция в экономические стратегии
Методы государственной поддержки	Поддержка национальных производителей, субсидии, импортные пошлины, налоговые льготы	Инвестиции, гранты и субсидии в «зеленые» технологии, программы поддержки НИОКР для «зеленого» перехода
Темпы изменений	Постепенные структурные изменения без жестких временных рамок	Высокая срочность в структурных изменениях для предотвращения экологических катастроф
Экологическая ответственность и международное взаимодействие	Приоритет национальных интересов, ограниченное внимание к экологии	Ориентация на защиту природных ресурсов, активное международное сотрудничество для решения экологических проблем

Источник: составлено автором по: [5].

рискам закрепления неэффективных структур, возникающих в результате несбалансированной поддержки, когда инновационное развитие подменяется его имитацией [15].

При этом сама по себе институциональная надстройка не отменяет более фундаментального вопроса: в каких именно ситуациях такая политика необходима? Основаниями для проведения «зеленой» промышленной политики являются ситуации, когда рыночные механизмы оказываются недостаточными для запуска «зеленой» трансформации. Такие ситуации подробно анализируются в совместном докладе UNEP и UNIDO [11]. Представленные в нем основания охватывают широкий спектр — от несовершенной конкуренции до разрозненности действий между взаимозависимыми отраслями (см. табл. 4).

Таблица 4

Причины для проведения «зеленой» промышленной политики

Причина	Суть проблемы	Роль «зеленой» промышленной политики
Неокупаемость внешних эффектов	Производство «зеленых» товаров и технологий сопровождается положительными внешними эффектами, которые не отражаются в рыночной цене	Компенсирует внешние эффекты за счет субсидий, налоговых стимулов или других форм государственной поддержки
Несовершенная конкуренция	Компании, соответствующие экологическим стандартам, конкурируют с производителями, не несущими затрат за наносимый ущерб окружающей среде	Выравнивает конкурентные условия с помощью экологического регулирования, налогообложения выбросов, пересмотра субсидий и внедрения обязательных стандартов
Ограниченный доступ к капиталу	Экологически ориентированные отрасли часто считаются высокорисковыми: им сложно получить финансирование на ранних этапах развития	Снижает инвестиционные риски за счет государственных гарантий, специализированных фондов, «зеленых» облигаций, льготных условий кредитования
Высокие издержки при малых масштабах производства	Себестоимость «зеленой» продукции существенно снижается при увеличении объемов производства, но достичь нужного масштаба без начального капитала невозможно	Стимулирует масштабирование через инфраструктурные инвестиции, формирование внутреннего рынка спроса
Разрозненность действий между связанными друг с другом секторами	Для развития одного сектора требуется параллельное формирование других, но действия участников не синхронизированы	Обеспечивает согласованное развитие секторов, нуждающихся в параллельных инвестициях, и устраняет барьеры координации

Источник: составлено автором по: [11].

На институциональном уровне «зеленая» промышленная политика органично связана с формирующейся парадигмой новой экономики предложения, ориентированной на рост производственных возможностей, инвестиций в технологии и человеческий капитал [16; 17]. В отличие от классических концепций дерегуляции и снижения налогов новая модель фокусируется на активной роли государства в обеспечении устойчивого роста. «Зеленые» меры становятся частью

общей задачи: обеспечить экономический рост за счет расширения и перестройки производственной базы. «Зеленая» промышленная политика в этом контексте выполняет структурообразующую функцию: она определяет, какие секторы являются приоритетными, и формирует условия для увеличения их конкурентоспособности в экономике в последующие годы.

Таким образом, «зеленый» оттенок промышленной политики фиксирует не переходный этап, а изменение самого основания экономической политики: промышленное развитие больше не рассматривается отдельно от экологических ограничений. В этом — ее принципиальное отличие, ее вызовы и ее значение для будущего.

Американская модель «зеленого поворота»

Выбор США в качестве объекта анализа обусловлен тем, что в последние годы именно американская промышленная политика продемонстрировала один из самых масштабных и комплексных подходов к интеграции экологических целей в государственную стратегию развития. Принятые законодательные инициативы позволяют рассматривать действия правительства США как один из ведущих примеров институционализации «зеленой» промышленной политики в условиях глобальных экономических и климатических вызовов.

Формирование «зеленой» промышленной политики в Северной Америке представляет собой сложный и неоднородный процесс, в основе которого лежит сочетание экологических, экономических и геополитических мотивов. Обобщенная информация по основным этапам его развития приведена ниже (см. табл. 5).

На протяжении нескольких десятилетий подход США к вопросам устойчивого развития оставался фрагментарным: эта политика развивалась в условиях разделения компетенций между федеральным правительством и региональными властями и не предполагала единой скоординированной промышленной стратегии в области «зеленой» экономики. Однако на фоне обострения глобальной конкуренции за лидерство в формирующейся «зеленой» экономике поворот США к системной промышленной политике приобрел особое значение.

Принятые при 46-м президенте США Дж. Байдене в 2021–2022 гг. законодательные инициативы стали для США не только шагом в решении инфраструктурных и климатических проблем, но и ответом на успехи Китая и ЕС в развитии «зеленой» экономики. Как отмечают ведущий научный сотрудник ИЭ РАН Н.В. Смородинская и научный сотрудник ИЭ РАН Д.Д. Катуков, курс Дж. Байдена был сфокусирован на двух критических группах технологий, приоритетных для бюджетной поддержки: «зеленых» и полупроводниках (особенно нового

Таблица 5

Этапы развития «зеленой» политики в США

Период	Основные характеристики политики	Примеры законов / инициатив
1970–1990-е годы	Экологическое регулирование и корректирующая политика	Закон о национальной экологической политике (National Environmental Policy Act, 1969), Закон о чистом воздухе (Clean Air Act, 1970), Закон о чистой воде (Clean Water Act, 1972) и др.
2000–2010-е годы	Переход к стимулирующим мерам, но без целостной стратегии	Закон об энергетической политике (Energy Policy Act, 2005), Закон о независимости и безопасности в энергетике (Energy Independence and Security Act, 2007), Закон о восстановлении и реинвестировании (American Recovery and Reinvestment Act, 2009) и др.
2010–2020-е годы	Развитие инициатив на уровне штатов, фрагментарность федеральной политики	Стандарты обязательной доли ВИЭ (Renewable Portfolio Standards (RPS)), Система торговли квотами (Regional Greenhouse Gas Initiative (RGGI)) и др.
С 2020-х годов	Системная «зеленая» промышленная политика	Двухпартийный закон об инфраструктуре (Bipartisan Infrastructure Law, 2021), Закон о полупроводниках и науке (CHIPS and Science Act, 2022), Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act, 2022), «Большой прекрасный» закон (One Big Beautiful Bill Act, 2025) и др.

Источник: составлено автором.

поколения) [18]. Ключевым моментом стало принятие трех крупных законодательных пакетов: Двухпартийный закон об инфраструктуре (Bipartisan Infrastructure Law, 2021), Закон о полупроводниках и науке (CHIPS and Science Act, 2022) и особенно Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act, 2022), ставший крупнейшей программой «зеленых» стимулов в истории США. Основные положения каждого из них отражены в табл. 6.

В отличие от предыдущих программ Закон о снижении инфляции делает акцент на рыночных и фискальных механизмах поддержки: налоговых кредитах для производителей чистой энергии и компонентов, прямых субсидиях, грантах, механизмах возврата средств для домохозяйств и т. д. Важным элементом в законе стали

Таблица 6

«Зеленая» промышленная политика США при президенте Дж. Байдене

Закон	Основные направления	Объем финансирования, долл. США
Двухпартийный закон об инфраструктуре (Bipartisan Infrastructure Law, 2021)	Модернизация инфраструктуры, электрификация транспорта, развитие ВИЭ и сетей	1,2 трлн (в т. ч. 65 млрд на энергетику, 7,5 млрд на зарядные станции, 50 млрд на устойчивость к изменению климата)
Закон о полупроводниках и науке (CHIPS and Science Act, 2022)	Поддержка полупроводников, энергоэффективные технологии, научные исследования	280 млрд (в т. ч. 52,7 млрд на чипы, 174 млрд на НИОКР, включая «зеленые» направления)
Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act, 2022)	Субсидии/льготы для бизнеса и домохозяйств, стимулирование R&D, экологическая реиндустриализация	369 млрд (на климатические и энергетические меры в течение 10 лет)

Источник: составлено автором.

условия доступа к субсидиям. Так, налоговые льготы на покупку электромобилей (7500 долл. США) доступны только при соблюдении жестких требований к локализации цепочек поставок[7]. Как замечает С.С. Дмитриев, подобные меры создают круг потенциальных бенефициаров внутри США: в выигрыше оказываются Tesla и ограниченная группа других американских предприятий, тогда как иностранные компании вынуждены компенсировать новые барьеры масштабными капиталовложениями [19]. Эти положения радикально меняют стимулы производителей и способствуют переносу мощностей в США для получения льгот. Как отмечают некоторые исследователи, данные локализационные требования носят явный протекционистский характер и противоречат принципам справедливой международной торговли [20; 21].

Доступные на данный момент данные позволяют оценить первые эффекты реализации IRA. Эти результаты отражаются в изменении объемов и структуры инвестиций в низкоуглеродные технологии, в расширении промышленного производства, а также и на динамике отдельных секторов рынка. Табл. 7 содержит обобщение ключевых

[7] Treasury Releases Proposed Guidance to Continue U.S. Manufacturing Boom in Batteries and Clean Vehicles, Strengthen Energy Security. U.S. Department of the Treasury, 2023. https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1939 (дата обращения: 27.05.2025).

итогов двухлетнего периода действия закона. В табл. 8 приведено сопоставление показателей инвестиций в низкоуглеродные технологии за два года до и два года после принятия IRA. Эти материалы позволяют зафиксировать количественные изменения, связанные с началом реализации «зеленой» промышленной политики в США.

Таблица 7

Основные результаты реализации Inflation Reduction Act за два года (2022–2024)

Направление	Результат
Локализация производства	Реальные инвестиции в производственные мощности на рекордном уровне в течение шести кварталов подряд; подано заявок на регистрацию 300 тыс. производственных предприятий
Низкоуглеродная энергетика и производство	265 млрд долл. США частных инвестиций направлено в низкоуглеродную энергетику; создано более 330 тыс. новых рабочих мест
Электромобили	Более 250 тыс. покупателей получили налоговые кредиты на новые и подержанные электромобили; совокупная экономия составила 1,5 млрд долл. США
Финансирование климатических проектов	Почти две трети грантов, ссуд и программ возмещения расходов по IRA уже распределены
Защита от недобросовестной конкуренции	Введены повышенные тарифы на 18 млрд долл. США импорта из Китая (электромобили, батареи, солнечные панели) для защиты внутреннего производства и рабочих мест

Источник: составлено автором по: [22].

Вместе с тем первые результаты реализации нельзя интерпретировать как окончательную победу «зеленого» курса. По данным, представленным в недавней работе С.С. Дмитриева , к середине 2024 г. казначейства фактически распределили менее 17% утвержденных Конгрессом климатических ассигнований, а значительная часть заявленных ВИЭ- и аккумуляторных проектов уже отложена или отменена [24]. Одной из проблем остается фрагментированная электросетевая инфраструктура: без ускоренного строительства линий электропередачи даже рекордный рост частных инвестиций рискует не перейти уже непосредственно к самому вводу мощностей. Таким образом, зафиксированный в табл. 7 и 8 инвестиционный всплеск пока не гарантирует эквивалентный прирост производственных возможностей и требует одновременного снятия сетевых и регуляторных барьеров.

Таблица 8

Сопоставление объемов и структуры инвестиций США в низкоуглеродные технологии за два года до и после принятия Закона о снижении инфляции, в млрд долл. США

№	Показатель	Двухлетний период до принятия Закона о снижении инфляции (II кв. 2020 – I кв. 2022)	Двухлетний период после принятия Закона о снижении инфляции (II кв. 2022 – I кв. 2024)	Рост, %
1	Совокупные инвестиции в низкоуглеродную энергетику и климатические технологии	288	493	+71
1.1	Инвестиции в низкоуглеродную энергетику и промышленную декарбонизацию	112	161	+43
1.2	Инвестиции в потребительские низкоуглеродные технологии	153	242	+68
1.3	Инвестиции в новые климатические технологии (водород, улавливание и хранение CO_2 и т. д.)	22	89	+305
2	Доля инвестиций в низкоуглеродную энергетику и климатические технологии в общих частных инвестициях, %	2,6%	4,5%	+73
3	Инвестиции в сетевые солнечные электростанции общего пользования	Базовый уровень (100%)	156% от базового уровня	+56
4	Инвестиции в системы хранения энергии, %	Базовый уровень (100%)	130% от базового уровня	+30

Источник: составлено автором по: [23].

После вступления *Д.* Трампа на второй срок на пост президента США в январе 2025 г. началась корректировка подходов к «зеленой» промышленной политике. Провозгласив идею «Америка прежде всего», администрация *Д.* Трампа сделала приоритетом экономическую безопасность в торговой политике и укрепление глобальных позиций США в традиционной энергетике, критических минералах и сфере ИИ [25]. Хотя стратегический курс на декарбонизацию не

был отменен окончательно, изменилась логика государственной поддержки: акцент сместился с масштабного фискального стимулирования на более «точечную» модель государственной помощи.

Трампономика 2.0: рыночная перезагрузка американской «зеленой» промышленной политики

Вопреки популярному мнению о сворачивании 47-м президентом США Д. Трампом поддержки «зеленой» экономики [26; 27; 28] Соединенные Штаты не полностью отказались от заложенного в период администрации Дж. Байдена курса на снижение негативного воздействия на окружающую среду посредством внедрения низкоуглеродных и ресурсоэффективных решений. Однако был поставлен вопрос о масштабах и длительности государственной поддержки этого процесса. Политическим ответом стало принятие 4 июля 2025 г. «Большого прекрасного» закона, который был одобрен Сенатом США с минимальным перевесом голосов в условиях высокой политической поляризации. Сравнение ключевых положений Закона о снижении инфляции (IRA, 2022) и «Большого прекрасного» закона (OBBBA, 2025) в рамках реализации «зеленой» промышленной политики представлено ниже (см. табл. 9).

Главная особенность нового закона в рамках «зеленого» перехода – жесткое ограничение времени, в течение которого предприятия могут пользоваться льготами для реализации «зеленых» проектов. В отличие от закона IRA, ориентированного на многолетнее субсидирование, новый закон закрепляет краткосрочные меры поддержки. Проводя аналогию, можно сказать, что закон IRA создал «ясельную» среду: производство ветровой, солнечной энергетики и электромобилей могло рассчитывать на налоговые льготы до конца следующего десятилетия. OBBBA переводит отрасли в режим рыночной конкуренции: тем, кто успеет вложиться и запустить проекты до 2027 г., помощь гарантирована; дальше «зеленый» бизнес должен доказывать жизнеспособность без опеки государства.

Кроме того, проекты в сфере низкоуглеродной энергетики утрачивают право на большинство основных налоговых стимулов, если значительная часть используемого оборудования, программного обеспечения или финансирования связана с так называемыми запрещенными иностранными организациями (Prohibited Foreign Entities, PFE). Эта категория была впервые введена OBBBA и существенно расширяет прежнюю правовую конструкцию «иностранной организации, вызывающей озабоченность» (Foreign Entity of Concern, FEOC), действовавшую с 2021 г. В частности, теперь PFE охватывают две категории субъектов: специально определенные иностранные организации (Specified

Таблица 9

Сравнение ключевых положений Inflation Reduction Act (2022) и One Big Beautiful Bill Act (2025) для процесса «зеленого» перехода

Направление	Inflation Reduction Act (2022)	One Big Beautiful Bill Act (2025)
Налоговые кредиты на покупку электромобилей	Сохраняется налоговая льгота 7 500 долл. США до 2032 г., при условии соответствия требованиям	Отмена налоговых кредитов для всех новых и подержанных электромобилей, приобретенных после 30.09.2025. Упразднение программы поддержки зарядной инфраструктуры
Ограничения по странам происхождения (национальная безопасность)	Запрет распространяется только на батареи и минералы, поступающие от «нежелательных иностранных субъектов» (FEOC)	Вводится универсальный запрет на использование в проектах, претендующих на поддержку, оборудования или инвестиций, где «существенная доля» связана с компаниями из стран, вызывающих опасения в сфере безопасности (PFE)
Срок действия налоговых льгот для ВИЭ	Производственные и инвестиционные кредиты продлены до 2032 г. с возможностью пролонгирования при соблюдении критериев снижения выбросов	Льготы сохраняются только для проектов, начатых в течение 12 месяцев после вступления закона в силу и завершенных до 31 декабря 2027 г.; возможна отсрочка до 1 января 2030 г. по правилу «safe harbor»*
Поддержка/ ограничения для нефтегазового и угольного сектора	Повышены роялти на добычу, при этом выдача лизингов зависит от запуска офшорных ВИЭ-аукционов	Установлены обязательные ежегодные аукционы на федеральные земли; роялти снижены; восстановлен вычет нематериальных затрат на бурение
Стратегическая логика	Модель «индустриальных яслей»: государство дает длительный импульс, снижает риски и формирует спрос, одновременно направляя бизнес на «зеленую» траекторию	Государство предоставляет краткосрочную поддержку, но ожидает, что отрасли быстро выйдут на рыночную самостоятельность

* Safe harbor — это установленное законом или налоговыми правилами исключение, при котором проект (например, в сфере низкоуглеродной энергетики) сохраняет право на льготы, даже если позже меняются условия.

Источник: составлено автором по: [29; 30].

Foreign Entities) — юридические лица, зарегистрированные или контролируемые государствами, отнесенными США к «странам обеспокоенности», а также включенные в санкционные и экспортные списки, и организации под иностранным влиянием (Foreign-Influenced Entities) — компании, находящиеся под существенным иностранным контролем через участие в капитале свыше 25 %, долговые инструменты свыше 15% или договорные механизмы, влияющие на производственные решения [29]. На практике эта мера адресована преимущественно китайским производителям компонентов, на которых приходилась значительная часть поставок для возобновляемой энергетики США.

Развитие «зеленой» промышленной политики США в 2020-е годы укладывается в структуру двух последовательных фаз, различающихся инструментально и институционально. Первая из них — фаза «индустриальных яслей» (2021–2024 гг.), связанная с реализацией законодательных актов IRA, BIL, CHIPS and Science Act, предполагала долгосрочное и масштабное субсидирование новых «зеленых» производств. В основе этой модели лежала логика «мягкого» патернализма: государство берет на себя риск, формирует начальный спрос и создает систему налоговых стимулов, не привязанных к выполнению срочных краткосрочных целей. Противоположную логику демонстрирует вторая фаза — переход на рыночную модель с более высоким уровнем конкуренции, — начавшаяся с принятием закона OBBBA в 2025 г. Она опирается на идею сокращения горизонта и объема государственной поддержки: помощь предоставляется только на раннем этапе реализации проектов, причем с временными рамками и требованиями к источникам компонентов, структуре инвестиций и соответствию критериям технологической безопасности. Приоритетом такого прагматичного формата становится создание «материального тыла» для «зеленых» отраслей — обеспечение сырьевой базы и критически важных материалов. В частности, без закрытия потребностей в редкоземельных металлах США сложно конкурировать с Китаем, поэтому усиливается курс на диверсификацию поставок и кооперацию с партнерами, заключаются международные соглашения и контракты на сумму свыше 10 млрд долл. США для снижения зависимости от КНР [31].

Таким образом, на данный момент в США происходит формирование более прагматичной и гибкой модели «зеленой» промышленной политики. Государство готово помогать «зеленым» отраслям, но только на старте, и лишь тем компаниям, чей производственный и финансовый контур укладывается в рамки интересов национальной безопасности и внутреннего рынка. Показательно, что даже при пересмотре части мер поддержки финансовые индикаторы показывают сохране-

ние инвестиционного спроса и ожиданий дальнейшего роста в «зеленых» секторах. По данным Bloomberg, в 2025 г. индекс S&P Global Clean Energy Transition вырос примерно на 44% (против 16% у S&P 500) [32]. Инвестиционные и инфраструктурные фонды продолжают входить в проекты ВИЭ, накопителей и сетевой инфраструктуры, поскольку рост спроса на электроэнергию (ИИ, дата-центры, электрификация) поддерживает коммерческую устойчивость проектов даже при более жесткой политике субсидирования. Это особенно интересно, учитывая, что сейчас США оставляют за собой право запускать и ускорять развитие приоритетных сегментов, но государство не закрепляет «зеленые» сектора в статусе постоянных получателей субсидий и льгот. Именно поэтому нынешняя политическая полемика вокруг OBBBA и других законов, подписанных Д. Трампом в 2025 г. и касающихся «зеленой» повестки, во многом сводится к спору о закрытии долгосрочных преференций и перераспределении выгод. Экологическая составляющая в государственных программах сохраняется, но теперь такие проекты для финансовой поддержки должны быть основаны на принципах срочности, эффективности и технологической независимости.

Заключение

Сегодня промышленная политика уже не может быть описана в категориях XX в. На смену стратегиям, прежде сосредоточенным на поддержке структурно отстающих отраслей, приходят подходы, ориентированные на создание новых «зеленых» технологических полюсов роста и корректировку траекторий долгосрочного развития национальной экономики. «Зеленая» промышленная политика в этом контексте — симптом глубинного сдвига: экологические цели встраиваются в ядро экономической политики, становясь не внешним ограничением, а внутренним условием структурной трансформации.

В ходе исследования установлено, что «зеленая» промышленная политика в США — это не экологическая надстройка и не инструмент перераспределения бюджетных ресурсов, а неотъемлемая часть стратегии развития страны в условиях геоэкономических противоречий. Проведенный анализ американской политики последних лет показал, что происходит сдвиг от масштабного бюджетного стимулирования к более точечному, ограниченному по времени и критериям формату поддержки. Теперь акцент делается на селективной поддержке тех проектов и участников, которые соответствуют стратегическим задачам технологической автономии США. Эта перестройка особенно наглядно проявляется в переходе от стимулирующей модели «индустриальных яслей» при администрации Дж. Байдена к более ограниченной, прагматичной модели Д. Трампа.

На данный момент в США происходит не смена курса, а его корректировка: цели остаются прежними — ускоренная декарбонизация, технологическое лидерство, внутренняя индустриализация, но инструменты перестраиваются. В фокусе оказываются зрелость отраслей, их способность быть конкурентоспособными, а также соответствие критериям национальной безопасности.

Таким образом, «зеленая» промышленная политика должна рассматриваться в русле общих изменений экономической политики крупнейших экономик мира. Кейс США наглядно показывает, как при смене политической администрации и риторики сохраняется базовая траектория: укрепление технологического базиса в целях долгосрочного лидерства. Центром внимания становится не сам факт «зеленого» перехода, а выбор форм его реализации, позволяющих связывать экологические цели с повышением национальной конкурентоспособности в условиях нарастающей геоэкономической конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА/ *REFERENCES*

1. *Rodrik D*. Industrial Policy for the Twenty-First Century. KSG Faculty Research Working Paper Series. Cambridge, Harvard University, 2004.
2. *Попов В.В*. Китайская модель: почему Китай отставал от Запада, а теперь его обгоняет. М.: Fortis Press, 2023. [*Popov V.V*. The Chinese Model: Why China Lagged Behind the West and Is Now Overtaking It. Moscow. Fortis Press, 2023. (In Russ.).]
3. *Ровинская Т.Л*. Глобальная климатическая повестка: большая игра // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 9. С. 15–30. [*Rovinskaya T.L*. Global climate agenda: the great game // World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. No. 9. Pp. 15–30. (In Russ.).] DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-15-30.
4. *Aiginger, K., Rodrik, D.* Rebirth of Industrial Policy and an Agenda for the Twenty-First Century. Journal of Industry, Competition and Trade. 2020. Vol. 20. No. 3. Pp. 189–207. DOI: 10.1007/s10842-019-00322-3.
5. *Altenburg T., Rodrik D.* Green Industrial Policy: Accelerating Structural Change towards Wealthy Green Economies. Altenburg T., Assmann C., eds. Green Industrial Policy: Concept, Policies, Country Experiences. Geneva, UN Environment. German Development Institute. 2017. Pp. 1–19.
6. *Cosbey A*. Green Industrial Policy and the World Trading System. Stockholm, ENTWINED Issue Brief 17. 2013.
7. *Schmitz H., Johnson O., Altenburg T.* Rent Management – The Heart of Green Industrial Policy. IDS Working Paper, Brighton. Institute of Development Studies. 2013. DOI: 10.1111/j.2040-0209.2013.00418.x.
8. *Nahm J., Urpelainen* J. The Enemy Within? Green Industrial Policy and Stranded Assets in China's Power Sector. Global Environmental Politics. Vol. 21. No. 4. 2021. Pp. 88–109. DOI: 10.1162/glep_a_00632.
9. *Löfgren A. et al*. Green industrial policy for climate action in the basic materials industry. Climatic Change. 2024. Vol. 177. No. 147. Pp. 1–12. DOI: 10.1007/s10584-024-03801-7.

10. *Hallegatte S., Fay M., Vogt-Schilb A.* Green Industrial Policies: When and How. Policy Research Working Paper. Washington. World Bank. 2013. DOI: 10.1596/1813-9450-6677.
11. Green Industrial Policy and Trade: A Tool-Box. UNEP & UNIDO, 2017. Available at: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2017-12/PAGE_GITA.pdf (accessed: 10.12.2025).
12. *Fischer C.* Environmental protection for sale? Strategic green industrial policy and climate finance. Environmental and Resource Economics. 2017. Vol. 66. Pp. 277–304. DOI: 10.1007/s10640-016-0092-5.
13. *Rodrik D.* Green industrial policy // Oxford Review of Economic Policy. 2014. Vol. 30. No. 3. Pp. 469–491. DOI: 10.1093/oxrep/gru025.
14. *Иванова Н.И.* Инновационная политика: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 5–16. [*Ivanova N.I.* Innovation Policy: Theory and Practice // World Economy and International Relations. 2016. Vol. 60. No. 1. Pp. 5–16. (In Russ.).]. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-1-5-16.
15. *Иванова Н.И.* (ред.). Инновационная конкуренция. М.: ИМЭМО РАН, 2020. [*Ivanova N.I.* ed. Innovative competition. Moscow. IMEMO RAS, 2020. (In Russ.).]
16. *Evans J.* Modern supply-side economics: A new consensus. IPPR, 09.01.2024. Available at: https://www.ippr.org/articles/modern-supply-side-economics-a-new-consensus (accessed: 10.12.2025).
17. *Zhao Y.* New Supply-side Economics of Green Transition: Scale Matters. CICC Global Institute, 2023. Available at: https://www.aof.org.hk/docs/default-source/hkimr/conference-workshop/s3_1_zhao-yang.pdf (accessed: 12.12.2025).
18. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.* Глобальный разворот в национальных промышленных стратегиях: курс на технологическую самодостаточность // Общество и экономика. 2024. № 12. С. 5–25. [*Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Global shift in national industrial strategies: a course toward technological self-sufficiency // Society and Economy. 2024. No. 12. Pp. 5–25. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0207367624120014.
19. *Дмитриев С.С.* Закон «О снижении инфляции»: «китайская мышеловка» для «зеленой» повестки Байдена? М.: ИМЭМО РАН, 29.08.2022. [*Dmitriev S.S.* Law «On Reducing Inflation»: «Chinese Mousetrap» for Biden's «Green» Agenda? // Moscow. IMEMO RAS, 29.08.2022. (In Russ.).] Available at: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/inflation-reduction-act-a-chinese-mousetrap-for-bidens-green-agenda (accessed: 12.12.2025).
20. *Kleimann D.* et al. Green tech race? The US Inflation Reduction Act and the EU Net Zero Industry Act // The World Economy. 2023. Vol. 46. No. 12. Pp. 3420–3434. DOI: 10.1111/twec.13469.
21. *Park S.-C.* New Era of U.S. and the EU Protectionism: How Will It Affect East Asia? // International Organizations Research Journal. 2024. Vol. 19. No. 2. Pp. 21–55. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-02.
22. Two years in, the Inflation Reduction Act is lowering costs for millions of Americans, tackling the climate crisis, and creating jobs. The White House, 16.08.2024. Available at: https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2024/08/16/fact-sheet-two-years-in-the-inflation-reduction-act-is-lowering-costs-for-millions-of-americans-tackling-the-climate-crisis-and-creating-jobs/ (accessed: 10.12.2025).
23. USA: progress in the implementation of the Inflation Reduction Act (IRA). BBVA Research, 15.02.2024. Available at: https://www.bbvaresearch.com/en/publicaciones/

usa-progress-in-the-implementation-of-the-inflation-reduction-act-ira/ (accessed: 11.12.2025).
24. *Дмитриев С.С.* «Зеленый курс» администрации Дж. Байдена: амбиции и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 10. С. 38–47. [*Dmitriev S.S.* «Green Course» of the J. Biden administration: ambitions and reality // World Economy and International Relations. 2024. Vol. 68. No. 10. Pp. 38–47. (In Russ.).] DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-10-38-47.
25. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д., Малыгин В.Е.* Трампономика как апофеоз экономического и технологического национализма // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 6. С. 127–146. [*Smorodinskaya N.V., Katukov D.D., Malygin V.E.* Trumponomics as the apotheosis of economic and technological nationalism // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 6. Pp. 127–146. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_127_146.
26. *Dlouhy J.A.* Trump 2.0: Climate Tipping Points. Bloomberg. 30.09.2024. https://www.bloomberg.com/features/2024-climate-action-trump-wins-election/ (accessed: 10.12.2025).
27. *Igini M.* 100 Days of Trump: How the US Overturned Years of Climate Progress. Earth.org. 30.04.2025. Available at: https://earth.org/100-days-of-trump-how-the-us-overturned-years-of-climate-progress/ (accessed: 10.12.2025).
28. *Goreham S.* Trump Drops a Bomb on Green Energy. Energy Central. 28.01.2025. Available at: https://www.energycentral.com/energy-biz/post/trump-drops-bomb-green-energy-GwQmOLPG4TpmkKm (accessed: 10.12.2025).
29. Impact of the One Big Beautiful Bill Act on IRA Incentives. A&O Shearman, 11.07.2025. Available at: https://www.aoshearman.com/en/insights/impact-of-the-one-big-beautiful-bill-act-on-inflation-reduction-act-incentives (accessed: 11.12.2025).
30. Summary of Key Provisions in the One Big Beautiful Bill Act. IER, 09.07.2025. Available at: https://www.instituteforenergyresearch.org/regulation/summary-of-key-provisions-in-the-one-big-beautiful-bill-act/ (accessed: 11.12.2025).
31. Trump Administration Accelerates Critical Minerals Strategy with $10+ Billion in New Deals. Holland & Hart LLP, 10.11.2025. Available at: https://www.hollandhart.com/trump-administration-accelerates-critical-minerals-strategy-with-10-billion-in-new-deals (accessed: 14.12.2025).
32. Green Stocks Are Big Winners as Tech Boom Drives Energy Demand. Bloomberg, 13.12.2025. Available at: https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-12-13/green-stocks-are-big-winners-as-tech-boom-drives-energy-demand (accessed: 16.12.2025).

Дата поступления рукописи: *10.02.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *28.05.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гараева Анна Сергеевна – магистрант, аспирант интегрированного трека, инженер кафедры политической экономии экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0009-0006-4880-5707
gaas20a@econ.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna S. Garaeva – Master's and Postgraduate Student of the Integrated Track, Engineer of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0006-4880-5707
gaas20a@econ.msu.ru

NEW IMPERATIVES OF THE US GREEN INDUSTRIAL POLICY

The article analyzes the development of green industrial policy as a new form of industrial policy that integrates environmental sustainability objectives with technological development. It systematizes contemporary approaches to defining the concept of «green» industrial policy, its goals, implementation mechanisms, institutions and instruments. The United States is examined as a key case of a large-scale national model of green industrial policy. The study identifies a recent transformation in the US policy framework, marked by a transition from the infrastructure phase of support for «green» industries, focused on large-scale subsidies and demand stimulation, which was characteristic of President J. Biden, to a market model that makes greater use of competition mechanisms, which will be implemented under President D. Trump (since 2025). The analysis demonstrates that this shift does not represent a rollback of the green agenda but rather the emergence of a new phase in which subsidies are time-limited and green industries are expected to remain competitive without long-term state support. The article concludes that environmental objectives are increasingly embedded within the processes of structural economic transformation.

Keywords*: green industrial policy, structural transformation, environmental regulation, decarbonization, technological sovereignty, Inflation Reduction Act, One Big Beautiful Bill Act.*
JEL: F50, L52, O25.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 17.06.2026
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 150 экз.
Печать офсетная. Заказ № 2964-26

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inecon.ru
https://vestnik-ieran.ru

© НП
Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2026

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru